

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1907.

№ IV.

ФЕВРАЛЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.	Стр.
Опытъ исправленія церковно-славянскаго текста въ великомъ канонѣ (Съ чувствомъ глубокаго уваженія, признательности и благодарности посвящается Высокопреосвященному Арсенію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому). <i>М. Добропривова</i>	423—442
Теорія боговдохновенности Библии въ александрийской школѣ. <i>Д. Леонардова</i>	443—465
Историческій процессъ религіозно-нравственнаго развитія человѣчества по апостолу Павлу. <i>А. Лебедева</i>	466—486
Русская духовно-академическая философія, какъ предшественница славянофильства и университетской философіи въ Россіи. (Продолженіе). <i>Александра Никольскаго</i>	487—508
Святоотеческое ученіе о происхожденіи души человѣка. (Окончаніе). <i>В. Давыденко</i>	509—524
II. ОТДѢЛЪ ИЗВѢСТІЙ и ЗАМѢТОКЪ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе. I. О перенесеніи Чудотворной иконы Божіей Матери—Озерянскія.—Епархіальныя извѣщенія.—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Харьковскій Народный календарь на 1907 годъ. II. Къ вопросу о „безпартийности“ духовенства.—Конечный идеаль интеллигенціи съ точки зрѣнія его осуществимости. (Окончаніе). N.—Миссіонерскій листокъ. По поводу годового собранія русскихъ штундо-баптистовъ. <i>Г. Корниенко</i> .—Чѣмъ объясняется трудность борьбы со штундой и что нужно для успѣха ея? <i>Василин Попова</i> .—Епархіальная хроника.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія.—(Стр. 525—564).	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Соборная пл., въ зд. Присут. мѣсть.
1907.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ богословско философскій. Въ который входятъ все, относящееся до богословія въ общій, должъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорнѣе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ. Сюда же съ апологетическою цѣлю будутъ входить изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыми мыслями языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко въ природѣ челоуѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

2. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Извѣстія и замѣтки по Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостиный дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 р. за каждый годъ; по 6 р. за 1890—1897 г., по 7 р. за 1897—1902 годы. За 1903 г.—9 р. и 1904 г. 8 р., за 1905 г. 9 р. и 1906 г. 10 р.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенныя годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 140 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Невинскій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождественна. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. БЕСѢДЫ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, съ о.о. Благодѣятели Харьковской епархіи. 1903 г. Цѣна 25 к. съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν.

Върою разумѣаемъ.

Евр. XI.

ОПЫТЪ ИСПРАВЛЕНІЯ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКАГО ТЕКСТА ВЪ ВЕЛИКОМЪ КАНОНѢ.

(Съ чувствомъ глубокаго уваженія, признательности и благодарности посвящается Высокопреосвященному Арсенію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому).

Великій Канонъ, составленный греческимъ писателемъ конца 7-го и начала 8-го вѣка, святымъ Андреемъ, Архіепископомъ Критскимъ, поется и читается по частямъ на великомъ вечеріи въ понедѣльникъ, вторникъ, среду и четвертокъ первой седмицы Св. Четырдесятницы, и потомъ—вполнѣ въ четвертокъ пятой седмицы.

Этотъ канонъ въ греческихъ богослужебныхъ книгахъ иногда надписывается *κατανοητός* (*καὶ νόη*), т. е. умилительный, покаянный канонъ, и по своему содержанію—духу и направленію вполнѣ заслуживаетъ этого наименованія. По замѣчанію блаженнаго составителя синаксаря къ четвертку пятой седмицы Великаго поста, канонъ св. Андрея преисполненъ неисчетнаго умиленія. Въ немъ св. Андрей, начиная съ грѣхопаденія нашихъ прародителей, останавливается на всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ до вознесенія Господня и прилагаетъ ихъ къ состоянію грѣшной души съ цѣлію побудить ее къ покаянію и нравственному исправленію. Здѣсь св. Андрей „поучаетъ всякую душу—еликимъ убо благимъ повѣсти ревновати и подражати по силѣ, еликихъ же злыхъ отбѣгати, и присно къ Богу востекати покаяніемъ, слезами и исповѣданіемъ и инымъ явѣ благоугожденіемъ“. Изображая затѣмъ,

какое сильное впечатлѣніе и сколь благотворное вліяніе на душу человѣка можетъ произвести Великій Канонъ. блаженный составитель синаксаря замѣчаетъ: сей канонъ только есть широкій и сладкогласный, яко и саму жесточайшую душу доволень умягчити и къ бодрости благой воздвигнути, аще точію съ сокрушеннымъ сердцемъ и вниманіемъ подобнымъ поется.

Являясь великимъ по своему содержанію, канонъ св. Андрея Критскаго, вполнѣ заслуживаетъ названіе великаго и по своему объему. Обыкновенно праздничные каноны состоятъ изъ 30 или немного болѣе пѣснопѣній: въ канонѣ же св. Андрея заключается 11-ть прмосовъ (вторая и третья пѣсни имѣютъ по два прмоса.) и 212-ть тропарей, 11-ти троичныхъ, 11-ти богородичныхъ (тропарей) и 1-го кондака.

Между тропарями Великаго Канона, передъ такъ называемыми троичными, обыкновенно помѣщаются тропари въ честь св. Маріи Египетской, по два въ каждой пѣсни канона. Эти тропари составляютъ нѣчто отдѣльное цѣлое съ слѣдующимъ акростихомъ: *Σὸ ἡ ὁσία Μαρία βοήθει* (ты, преподобная Марія, помогай), но по духу и направленію своему они одинаковы съ пѣснопѣніями Великаго Канона. Восхваляя подвиги жизни преподобной Маріи, увлекшейся въ глубину великихъ пороковъ, а потомъ, по дѣйствию благодати Божіей, достигшей высокой степени нравственного совершенства и получившей отъ Бога благодать молиться за насъ, канонъ Маріи Египетской учитъ насъ „не отчаяватися, аще иногда нѣкими прегрѣшеніями яти будемъ“.

Заканчивается Великій Канонъ, тропаремъ въ похвалу святаго составителя его Андрея, Архіепископа Критскаго ¹⁾.

1) Въ предлагаемомъ нами исправленіи церковно-слав. текста Великаго Канона, мы допускали, еще одинъ руссизмъ (условное накл.), кромѣ тѣхъ, которые раньше сочли умѣстными въ церковномъ языкѣ (см. В. и Разумъ 1903 г. № 2). Условное или сослагат. наклоненіе въ церковно-славянскомъ языкѣ, какъ извѣстно, слагается изъ несклоняемаго славянскаго причастія, (почти всегда подобнаго русскому прошедшему времени изъявительнаго поклоненія, напр. писалъ, —ла, —ло, —ли) и вспомогательнаго глагола быхъ, бы, бы, быхомъ, бысте, быша... Въсто формъ быхъ, быхомъ, бысте, быша, мы вездѣ употребляли, примѣнительно къ русскому языку, одну и ту же славянскую форму бы, которую въ погрѣбныхъ случаяхъ слиявали съ союзомъ; напр. вмѣсто да бы—писали дабы.

КАНОНЪ ВЕЛИКІЙ.

Церковный текстъ *).

Исправленный текстъ.

ПѢСНЬ I. ИРМОСЪ.

Помощникъ и покровитель
бысть мнѣ во спасеніе, сей
мой богъ и прославлю его, богъ
отца моего и вознесу его. славно
бо прославися.

Помощникъ и покровитель
бысть мнѣ во спасеніе: онъ
мой Богъ и прославлю Его;
онъ Богъ отца моего и пре-
вознесу Его: славно бо про-
славися.

Т р о п а р и.

Припѣвъ. Помилуй мя, Боже, помилуй мя.

Откуда начну плакати ока-
яннаго моего житія дѣяній;
кое ли положу начало, христе,
нынѣшнему рыданію; но яко
благоутробенъ, даждь ми пре-
грѣшеній оставленіе.

Откуда начну оплакивати
дѣянія окаянныхъ моего жизни?
Кое начало положу, Христе,
нынѣшнему сѣтованію? Но, яко
Милосердый, даруй мнѣ остав-
леніе прегрѣшеній.

Гряди окаянная душе, съ
плотію твоею, зиждителю всѣхъ
исповѣдьяся, и останися прочее
прежняго безсловесія *), и
принеси богу въ покаяніи
слезы.

Прииди, окаянная душе, съ
плотію своею, исповѣдайся Со-
здателю всего; воздержися
впредь отъ прежняго неразумія
и принеси Богу слезы съ по-
каяніемъ.

*) Останися прочее прежняго безсловесія—по греч. ἀπόσχη λογῶν τῆς πρὶν ἀλογίας. Ἀπόσχη—повелит. накл. вор. отъ гл. ἀπέχουα: воздерживаюсь; λογῶν (прочее) отъ λογός прочій, остальной—винит. нарѣчный—*тредь*, или винительный времени, при которомъ подразумѣвается—*χρόνον*, т. е. на будущее (оставшееся) время; ἀλογίας (безсловесія)—род. п. отъ ἀλογία,—составленнаго изъ отрицательной приставки ἀ и λόγος; въ разсматриваемомъ мѣстѣ λόγος церковные переводчики придали значеніе слову, между тѣмъ какъ ему слѣдовало придать значеніе *разумъ*.

Первозданнаго адама преступ-
ленію поревновавъ, познахъ
себе обнаженна отъ бога, и
присносущнаго царствія и сла-
дости, грѣхъ ради моихъ.

Подражавъ первозданному
Адаму въ преступленіи, азъ
увѣдѣхъ, яко отторгнуть есмь
за грѣхи мои отъ Бога, отъ
вѣчнаго царствія и блажен-
ства.

*) По Тріодіону, изд. въ Моск. Синод. типографіи 1879 г. Греческія выдержки приводятся по 2 изд. Богослуж. Каноновъ—Ловягина.

Увы мнѣ окаянная душе, что уподобилася еси первѣй Евѣ; видѣла бо еси злѣ *), и уязвилася еси горцѣ, и коснулася еси древа, и вкусила еси дерзостно безсловесныя снѣди **).

*) *Видѣла бо еси злѣ*—по-греч. εἶδες γὰρ κακῶς, у насъ—устредила еси нечистый взоръ.

**) *Вкусила еси дерзостно безсловесныя снѣди*. Безсловесный по-греч. παράλογος; прилаг. παράλογος (отъ παρά мимо, сверхъ, и λόγος слово, разумъ, счетъ) значить сверхъ обыкновеннаго счета, неожиданный. У Ксенофонта παράλογος встрѣчается со значеніемъ лишняго кушанья, подаваемого помимо обычной порціи; мы перевели παράλογος въ значеніи *излишній, непотребный*.

Вмѣсто евы чувственныя мысленная ми бысть ева, во плоти страстный помысль, показуяй сладкая, и вкушаяй присно горькаго напоенія *).

*) *Показуяй сладкая и вкушаяй присно горькаго напоенія*—у насъ переведено полнымъ опредѣлительнымъ предложеніемъ *иже показуеть...*

Достойно изъ едема изгнанъ бысть, яко не сохранивъ едину твою, спасе, заповѣдь адамъ: азъ же что постражду, отменяя всегда животныя твоя словеса *).

*) *Животныя твоя словеса* по-греч. τὰ θωηρά σε λαγία. Ζωηρός (прилаг.) значить *жизненный, животворный*, а λόγιον τὸ (отъ прилаг. λόγιος образованный, свѣдущій) обыкновенно встрѣчается у классиковъ со значеніемъ *изреченіе оракула (χρησμός), предсказаніе*; мы перевели это слово со значеніемъ *повелѣніе*.

* * *

Каипово прешедъ *) убійство, произволеніемъ быхъ убійца совѣсти душевнѣй, ожививъ плоть, и воевавъ за ню лукавыми моими дѣянми.

*) *Прешедъ* по-греч. μεταβῶν, причастіе аор. отъ глаг. μεταρρομαι *слѣдую за кымъ*, у насъ переведено изъясн. наклоненіемъ.

Увы мнѣ. окаянная душе! Почто ты уподобилася еси первозданнѣй Евѣ? Пбо устремила еси нечистый взоръ и жестоко уязвилася еси; (и) прикоснулася еси къ древу и дерзостно вкусила непотребныя снѣди.

Вмѣсто чувственныя Евы бысть во мнѣ Ева мысленная—плотскій страстный помысль, иже показуеть сладкое, вкусити же даетъ всегда горькое питіе.

Адамъ достойно бысть изгнанъ изъ Едема, яко не сохранившій единныя заповѣди Твоя, Спасе; что же надлежитъ потерпѣти мнѣ, всегда престапающему твоя животворная повелѣнія?

Азъ послѣдовахъ Каипову убійству: ожививъ (грѣховную) плоть, азъ своею волею содѣлахся убійцею души, ополчився на ню своими злыми дѣлами.

Авелевѣ, иисусе, не уподобихся правдѣ, дара тебѣ пріятна*) не принесохъ когда, ни дѣянія божественна, ни жертвы чистыя, ни житія непорочнаго.

*) Дара... пріятна по греч. δῶρα... δεκτῆ множ. число.

Яко каинъ и мы, душе окаянная, всѣхъ содѣтелю, дѣянія скверная, и жертву порочную и непотребное житіе принесохомъ вкупѣ: тѣмже и осудихомся.

Бреніе здатель живосоздавъ, вложилъ еси мнѣ плоть и кости, и дыханіе и жизнь: но о творче мой, и избавителю мой и судіе, кающася пріими мя.

Извѣщаю ти, спасе, грѣхи яже содѣяхъ, и души и тѣла моего язвы, яже внутрь убійственніи помыслы разбойнически на мя возложиша.

Аще и согрѣшихъ спасе, по всѣмъ, яко челоуѣколюбець еси: наказуеши милостивно, и милосердствуеши теплѣ: слезяща зриши и притекаеши яко отецъ, призывая блуднаго *).

*) Притекаеши.. призывая блуднаго — по греч. простρέυεις... ἀνακαλῶν. При глаголь движенія (простρέυεις) цѣль движенія — ἀνακαλῶν выражена по гречески вмѣсто неопр. склоненія причастіемъ.

Авелевѣ праведности, Иисусе, азъ не подражахъ: не принесохъ Тебѣ никогда ни даровъ пріятныхъ, ни дѣлъ богоугодныхъ, ни жертвы чистыя, ни жизни непорочныя.

Яко Каинъ, тако и мы съ тобою, окаянная душе, принесохомъ Создателю всѣхъ дѣянія скверная: и жертву порочную и вкупѣ жизнь непотребную: сего ради мы и осудихомся.

Яко скудельникъ, давъ брению образъ живаго существа, Ты вложилъ еси мнѣ плоть и кости, дыханіе и жизнь: пріими же мя кающагося (нынѣ), Творче мой, Избавителю мой и Судіе.

Исповѣдаю Тебѣ, Спасе, грѣхи, яже содѣлахъ. (открываю) и язвы души моя и тѣла, яже злодѣйственно нанесоша мнѣ внутренніи убійственніи помыслы.

Спасе, аще азъ и согрѣшихъ, но вѣмъ, яко Ты челоуѣколюбець еси: наказуеши сострадательнѣ и милуеши съ любовію, зриаеши на плачущаго и яко отецъ спѣшиши призывати (къ Себѣ) блуднаго.

Отъ юности христе заповѣди твоя преступихъ, всестрастно небрегій, уныніемъ преидохъ житіе *), тѣмже зову ти спасе: поне на конецъ спаси мя.

*) *Всестрастно небрегій уныніемъ преидохъ житіе* по-греч. ἄμελῶν ῥαθυμῶς παρῆλθον τὸν βίον. Въ церк. текстѣ два греческихъ слова ἄμελῶν и ῥαθυμῶς переведены однимъ *всестрастно*: изъ нихъ одно—ἄμελῶν является опредѣленіемъ къ βίον—(всю жизнь), а другое—παρῆλθον обстоятельствомъ образа дѣйствія, такимъ же,— какъ и ἄμελῶν (небрегій) и ῥαθυμῶν (уныніемъ), при глаголѣ παρῆλθον *преидохъ*; всѣ эти обстоятельства образа дѣйствія у насъ переведены существительными именами: въ *страстѣхъ, нерадѣніи и лѣности*.

Повержена мя, спасе, предъ враты твоими, поне на старость не отрини мене во адъ тща: по прежде конца, яко челоуѣколюбець, даждь ми прегрѣшеній оставленіе.

Богатство мое спасе, изнузивъ въ блудѣ, пусть есмь плодовъ благочестивыхъ, алченъ же*) зову: отче щедротъ, предваривъ ты мя ущедри **).

*) Алченъ же по-греч. λιπόττων δε у насъ переведено полнымъ предложениемъ: и егда взалкахъ.

***) *Предваривъ... ущедри* по-греч. προφθάσας... οἰκτιροῦν; причастіе времени προφθάσας у насъ переведено изъяс. наклонениемъ и соединено съ управляющимъ глаголомъ союзомъ и: *поспши и умилосердися*.

Въ разбойники впадый азъ есмь помышленми моими, весь отъ нихъ уязвихся нынѣ, исполнихся ранъ: но самъ ми представъ, христе спасе исцѣли.

Отъ юности, Спасе, азъ преступаю заповѣди Твоя: всю жизнь свою провождахъ въ-страстѣхъ, нерадѣніи и лѣности: сего ради взываю Ти, Спасе: аще и въ концѣ, спаси мя.

Спасе! не низрини во адъ, яко непотребнаго, мене, повергшагося предъ враты Твоими уже въ старости: но, яко Челоуѣколюбець, даруй мнѣ предъ концемъ оставленіе прегрѣшеній.

Расточивъ свое богатство блудно, азъ не имамъ плодовъ благочестія и, егда взалкахъ, взываю: Отче щедрый, послѣши и умилосердися надъ мною.

Помыслами моими азъ впадохъ въ руки разбойниковъ: нынѣ весь ими изъязвленъ есмь и покрытъ ранами, но Ты, Христе Спасе, Самъ прииди и исцѣли мя.

Священникъ мя предвидѣвъ мимо иде, и левитъ видя въ лю-
тыхъ нага презрѣ: но изъ ма-
рїи возсіявый іисусе, ты пред-
ставъ ущедри мя.

* * *

Агиче божій, взявляй грѣхи
всѣхъ, возми бремя отъ мене
тяжкое грѣховное, и яко бла-
гоутробенъ, даждь ми слезы
умиленія.

Тебѣ припадаю іисусе, со-
грѣшихъ ти, очисти *) мя, воз-
ми бремя отъ мене тяжкое грѣ-
ховное, и яко благоутробенъ,
даждь ми слезы умиленія.

*) *Очисти* по-греч. *ἁλίσθητι*: букв. *смилуйся* или *умилордись*.

Не вниди со мною въ судъ,
нося моя дѣла, словеса изы-
скупа, и исправляя стремленія*):
но въ щедротахъ твоихъ пре-
зирая моя лютая, спаси мя
всесильне.

*) *Исправляя стремленія* по-греч. *εὐθύων ὁρᾶς*. *Εὐθύων* (отъ *εὐθύς* пря-
мой), кромѣ выпрямляю, исправляю, встрѣчается еще съ значеніемъ
требую къ отчету, (*εὐθύων* отчетъ), *умичаю*.

Покаянія время, прихожду
ти создателю моему, возми
бремя отъ мене тяжкое грѣхов-
ное, и яко благоутробенъ, даждь
ми слезы умиленія.

Богатство душевное иждивъ
грѣхомъ, пусть есмь добродѣ-
телей благочестивыхъ, глѣд-
ствуя же зову: милости пода-
телю, господи, спаси мя.

Преподобная мати Маріе, моли Бога о насъ.

Священникъ, увидѣвший ме-
не, мимо иде; и левитъ, видя
мя въ бѣдѣ, нагаго, презрѣ:
но Ты, возсіявый отъ Марїи
Іисусе, прииди и умилосердися
надъ мною.

Агиче Божій, взявляй грѣхи
всѣхъ, возми отъ мене тяж-
кое бремя грѣховное, и яко
милосердый, даруй мнѣ слезы
умиленія.

Къ Тебе припадаю, Іисусе.
согрѣшихъ предъ Тобою, очи-
сти мя: возми отъ мене тяж-
кое бремя грѣховное, и яко
милосердый, даруй мнѣ слезы
умиленія.

Не вступи въ судъ со мною.
указуя на дѣла мои, изслѣдуя
словеса и обличая стремленія,
но по милосердію Твоему, Все-
сильне, презри моя лютая пре-
грѣшенія и спаси мя.

Время—покаянія; прихожду
къ Тебѣ, Создателю моему;
возми отъ мене тяжкое бремя
грѣховное, и яко милосердый,
даруй мнѣ слезы умиленія.

Расточивъ богатство душев-
ное во грѣсѣ, азъ не имаю
святыхъ добродѣтелей, и егда
взвѣвахъ, взываю: Господи, по-
дателю милости, спаси мя.

Ты ми даждь свѣтозарную благодать, отъ божественнаго свыше промышленія, избѣжати страстей омраченія, и иѣти усердно твоего маріе житія красная исправленія *).

*) Красная исправленія — тѣ терпѣніа которѣмъ... прилаг. терпѣніа знач. пріятный, сладостный, а сущ. которѣмъ — сущ. мн. оконч. оконч. отъ: отъмѣнный постушокъ, побѣда, подвигъ и т. п.

Преклоншися христовымъ божественнымъ закономъ, къ сему приступила еси, сладостей неудержимая стремленія оставивши, и всякую добродѣтель всеблагороднѣйшо, яко едину исправления еси.

Маріе, даруй мнѣ твоея свѣтозарныя благодати, ниспосланныя тебѣ свыше божественнымъ Промысломъ, — избѣжати мрака страстей и усердно воспѣти сладостныя подвиги житія твоего.

Покорившися Божественнымъ заповѣдемъ Христа, ты предала еси себе Ему, оставивши неудержимое стремленіе къ сластолюбію, и во всѣхъ добродѣтеляхъ, яко въ единѣй, возвысилася еси преблагороднѣйшо.

Т р о и ц е н ь .

Пресущественная троице во единцѣ покланяемая, возми бремя отъ мене тяжкое грѣховное, и яко благоутробна даждь жи слезы умиленія.

Пресущественная Троице, Ейже покланяемся нераздѣльно! возми отъ мене тяжкое бремя грѣховное и, яко милосерда, даруй мнѣ слезы умиленія.

Б о г о р о д и ч е н ь .

Богородице, надежде и предстательство тебе поющихъ, возми бремя отъ мене тяжкое грѣховное, и яко владычица чистая, кающася прими мя.

Богородице, надеждо и предстательнице воспѣвающихъ Тя! возми отъ мене тяжкое бремя грѣховное и, яко Владычица чистая, прими мя кающагося.

ПѢСНЬ, 2-я. ИРМОСЬ.

Вонми небо и возглаголю, и воспую Христа, отъ дѣвы плотию пришедшаго.

Внемли небо; азъ возглаголю и воспую Христа, отъ Дѣвы во плоти пришедшаго.

Т р о п а р и .

Вонми небо, и возглаголю, земле, внушай гласъ, кающійся къ богу и воспѣвающій Его.

Внемди небо: азъ возглаголю; земле, услыши гласъ, кающійся Богу и воспѣвающій Его.

Вонми ми боже, спасе мой, милостивымъ твоимъ окомъ, и приими мое теплое исповѣданіе.

Согрѣшихъ паче всѣхъ человѣкъ, единъ согрѣшихъ тебѣ: но ущедри яко богъ, спасе, твореніе твое.

Вообразивъ *) моихъ страстей безобразіе, любострастными стремленми, погубихъ ума красоту.

*) *Вообразивъ* по-греч. *μορφώσας* букв. *павъ образъ, отобразивъ*.

Буря мя злыхъ обдержитъ, благоутробне господи: но яко петру и мнѣ руки простри.

Осквернихъ плоти моя ризу, и окаляхъ еже по образу *) спасе, и по подобію.

*) *Еже по образу..* по-греч *τὸ κατ' εἰκόνα*. Греческій членъ предъ выраженіемъ съ предлогомъ (*τὸ κατ' εἰκόνα*) въ церк.-слав. языкѣ обыкновенно переводится мѣстоименіемъ *яже, яже, еже*; его удобнѣе переводить какимъ-либо причастіемъ, подходящимъ къ смыслу рѣчи; *еже по подобію*—*все созданное по подобію*.

Омрачивъ душевную красоту страстей сластями, и всячески весь умъ персть сотворихъ.

Раздрахъ нынѣ одежду мою первую, юже ми истка зиждатель изъ начала, и оттуда лежу нагъ.

Облекохся въ раздранную ризу, юже истка ми змій совѣтомъ *), и стыждуся.

*) *Совѣтомъ* по-греч. *τῆ συμβουλῆ*—у насъ коварно.

Боже, Спасе мой! Призри на мя милостивымъ Твоимъ окомъ и приими мое пламенное исповѣданіе.

Азъ согрѣшихъ паче всѣхъ человѣкъ; единъ согрѣшихъ предъ Тобою; но Ты, Спасе, яко Богъ, помилуй созданіе Твое.

Усвоивъ себѣ безобразіе страстей, азъ искашихъ красоту ума любострастными стремленми.

Буря золь окружаетъ мя, милосердый Господи; но Ты, и мнѣ, яко Петру, простри руку (Свою).

Осквернихъ ризу плоти моя и очернихъ все созданное во мнѣ по образу Твоему, Спасе, и подобію.

Омрачихъ душевную красоту сладострастіемъ, и весь умъ совершенно въ прахъ превторихъ.

Нынѣ раздрахъ азъ первую одежду мою, юже вначалѣ истка мнѣ Создатель, и сего ради лежу нагъ.

Азъ облекохся въ раздранную ризу, юже коварно истка мнѣ змій, и стыждуся.

Слезы блудницы щедре. и азъ предлагаю: очисти мя спасе благоугробіемъ твоимъ.

Воззрѣхъ на садовную красоту, и прельстихся умомъ: и отгуду лежу нагъ и срамляюся.

Дѣлаша *) на хребтѣ моемъ вси начальницы страстей, продолжающе на мя беззаконіе ихъ.

*) Дѣлаша по-греч. ἐτίκτανον букв. *плотничали, возводили постройки.*

* * *

Спиваше кожныя ризы грѣхъ мнѣ *), обнаживый мя первыя боготканныя одежды.

*) Мнѣ по-греч. χαμαί—и мнѣ.

Обложенъ есть одѣяніемъ студа, якоже листвіемъ смоковнымъ, во обличеніе моихъ самовластныхъ страстей.

Одѣяхся въ срамную ризу, и окровавленную студно, теченіемъ страстнаго и любосластнаго живота.

Впадохъ въ страстную пагубу, и въ вещественную тлю, и оттолѣ до нынѣ врагъ мнѣ досаждаеть.

Любовецное и любвиимѣнное житіе, невоздержаніемъ спасе предпочеть *), нынѣ тяжкимъ бременемъ обложенъ есмь.

*) Любовецное... житіе невоздержаніемъ.. предпочеть по-греч. φιλόβουλον... βίον τῆς ἀκτῆσις... προκρίνας. Соответственно греческому тексту 1) слово „невоздержаніе“ церк. переводе пужно замѣнить словомъ „нестыжаніе“; (ἀκτῆσις отъ ἀκτῆσις и κτῆσις приобрѣтаю значить нестыжаніе, нищета) и 2) славянскій творит. падежъ или греческій родительный изд. Ловягина замѣнить дательнымъ, такъ какъ προκρίνω τῆ (βίον) τινος (ἀκτῆσις) значить предпочитаю что... чему.

Милостиве! и азъ проливаю слезы, яко блудница: очисти мя, Спасе, по милосердію Твоему.

Воззрѣхъ на красоту древа и прельстихся умомъ, сего ради лежу нагъ и стыждуся.

Вси начальницы страстей работаша на хребтѣ моемъ, распростирающе по мнѣ беззаконіе свое.

Кожанныя ризы спи (содѣла) грѣхъ и мнѣ, снявъ съ мене прежднюю боготканную одежду.

Одѣяніе стыда, якоже листвіе смоковницы, покрываетъ мене во обличеніе моихъ самовольныхъ страстей.

Облекохся азъ въ ризу срамную и постыдно окровавленную нечистотою страстныхъ и сластолюбивыя моя жизни.

Азъ впадохъ въ пагубу страстей и вещественное тлѣніе, и сего ради нынѣ врагъ угнетаетъ мя.

Спасе! азъ предпочтохъ нестяжанію жизнь пристрастную къ (мірскимъ) вещамъ и любостыжательную, и нынѣ пребиваю въ тяжкихъ цѣпехъ.

Украшихъ плотскій образъ *) скверныхъ помышленій различнымъ обложеніемъ, и осуждаюся.

*) Образъ по-греч. *ανδριαντα; ανδρια;* ѡ значить *статуя, кумиръ.*

Внѣшнимъ прилежно благоукрашеніемъ единѣмъ попокхся, внутреннюю презрѣвъ богообразную скинію.

Погребохъ перваго образа доброту спасе страстьми, юже яко иногда драхму взыскавъ обрящи.

Согрѣшихъ якоже блудница, вопію ти, единъ согрѣшихъ тебѣ: яко муро пріими спасе и моя слезы.

Очисти, яко мытарь вопію ти спасе, очисти мя: никтоже бо сущихъ изъ адама якоже азъ согрѣшихъ тебѣ.

* * *

Поползохся яко давидъ блудно *), и осквернихся: но омый убо и мене спасе слезами.

*) Поползохся блудно; по-греч. *ωλιωθησα... ακολαστως* букв. *неудержимо поскользнулся*

Ни слезъ, ниже покаянія имамъ, ниже умиленія: самъ ми сія спасе, яко богъ даруй.

Погубихъ первозданную доброту и благолѣпіе мое, и нынѣ лежу нагъ и стыждуся.

Азъ украсихъ кумиръ плоти (своея) пестрымъ одѣяніемъ скверныхъ помышленій, и подлежу осужденію.

Усердиѣ приложихъ попеченіе о внѣшнемъ токмо благолѣпіи и презрѣхъ внутреннюю скинію, созданную по образу Божію.

Погребохъ: красоту арсжднаго образа (своего) въ страстьхъ: Спасе, взыщи ю, якоже иѣкогда драхму, и обрящи.

Согрѣшихъ, зываю къ Тебѣ, яко блудница: единъ согрѣшихъ предъ Тобою; пріими, Спасе, и моя слезы, яко муро.

Яко мытарь зываю къ Тебѣ, Спасе: умилосердися, умилосердися надъ мною; ибо, якоже азъ, никто изъ чадъ Адамовыхъ не согрѣши предъ Тобою.

Неудержимо, яко Давидъ, поползохся (на блудъ) и осквернихся; но Ты, Спасе, омый и мене слезами.

Ни слезъ, ни покаянія, ни умиленія не имамъ: Ты, Спасе, Самъ даруй мнѣ сіе.

Погубихъ азъ первозданную красоту и благолѣпіе мое, и нынѣ лежу нагъ и стыждуся.

Дверь твою не затвори мнѣ тогда. господи, господи: но отверзи ми сію кающемуся тебѣ.

Внуши въздыханія души моя. и очію моею прими капли спасе и спаси мя.

Человѣколюбче, хотяй всѣмъ спастися, ты воззови мя, и прими яко благъ кающагося.

Господи, 'Господи! двери Твоя не затвори мнѣ тогда, но отверзи ю мнѣ, кающемуся Тебѣ.

Внемли, Спасе, въздыханія души моя; прими слезныя капли очей моихъ и спаси мя.

Человѣколюбче, хотящій всѣмъ спасенія! Призови мя и, яко благій, прими мя кающагося.

Т р о и ч е н ъ.

Единого тя въ тріехъ лицѣхъ бога всѣхъ пою, отца и сына и духа святаго.

Тебе, единого въ трехъ лицѣхъ воспѣваю: Отца и Сына и Духа Святаго.

Б о г о р о д и ч е н ъ.

Пречистая богородице дѣво, едина всепѣтая, моли прилежно, во еже спастися намъ.

Пречистая Богородице Дѣво, единая всѣми воспѣваемая, прилежно моли, (дабы) спастися намъ.

ВТОРЫЙ ИРМОСЪ.

Видите, видите, яко азъ есмь богъ, манну одождивый и воду изъ камене источивый дравле въ пустыни людемъ моимъ, десницею единою, и крѣпостию моею.

Видите, видите, яко Азъ есмь Богъ, манну одождившій и воду изъ камене источившій дравле въ пустыни людемъ Моимъ десницею единою и силою Моею.

Т р о п а р и.

Видите, видите, яко азъ есмь богъ: внушай душе моя господи вопіюща, и удалися прежняго грѣха, и бойся яко неумытнаго, и яко суди и бога.

Видите, видите, яко Азъ есмь Богъ, тако взывающему Господу внемли душе моя, удалися отъ прежняго грѣха и бойся Господа, яко Мздовоздаателя, яко Судю и Бога.

Кому уподобилася еси многрѣшная душе; токмо первому кайну и ламеху оному, каменовавшая *) тѣло злодѣйствы и убившая умъ безсловесными стремленми.

*) *Каменовавшая* по-греч. *λιθοποιήσασα*—причастіе у насъ переведено полнымъ предложениемъ: *ибо ты поразила еси...*

Вся прежде закона претекши о душе, сиѳу не уподобилася еси, ни еноса подражала еси, ни еноха предложениемъ, ни ноа, но явилася еси убога праведныхъ жизни.

Едина отверзла еси хляби гнѣва, бога твоего, душе моя, и потопила еси всю, якоже землю плоть и дѣянія и житіе, и пребыла еси внѣ спасительнаго ковчега.

* * *

Мужа убихъ глаголетъ, въ язву мнѣ, и юношу въ струпу, Ламехъ рыдая вопіяше: ты же не трепещи, о душе моя, окалявши плоть, и умъ осквернивши.

Столпъ умудрила еси создати, о душе, и утвержденіе водрузити твоими похотми, аще небы Зиздитель удержалъ совѣты твоя, и низвергль на землю ухищренія твоя *).

Кому уподобилася еси многрѣшная душе? Токмо первому Кайну и тому Ламеху: ибо ты поразила еси тѣло злыми дѣлами яко каменіемъ, и убила еси умъ неразумными стремленми.

О душе! прошедши (съ небреженіемъ) мимо всѣхъ жившихъ до закона, ты не уподобилася еси Сиѳу, не подражала еси, ни Еносу, ни Еноху въ измѣненіи (духовномъ), ни Ною, но явилася еси чуждою жизни праведныхъ.

Душе моя! ты едина отверзла еси бездны гнѣва Бога своего и потопила еси, якоже землю, всю плоть и дѣла и жизнь, и осталася еси внѣ спасительнаго ковчега.

„Мужа убихъ въ язву себѣ и юношу—въ струпу себѣ“. Ламехъ взываше рыдая: ты же, о душе моя, не трепещи, осквернивши тѣло и помрачивши умъ.

Ты умудрилася бы, душе, создати башню и уврѣпити твердыню своими страстьми, аще бы Зиздитель не содѣлалъ тщетными замышленія твоя и не низвергль на землю построенія твоя.

*) *Сопиты твоя... ухищренія твоя* по-греч. *τά: βυλάσθη... τα: κρυψάνματα:*

О како поревновахъ Ламеху, первому убійцѣ, душу яко мужа, умъ яко юношу, яко брата же моего тѣло убивъ, яко Каинъ убійца, любострастными стремленми.

Одожди господь отъ господа огонь ипогда на беззаконіе гнѣвающе, сожегъ содомляны *): ты же огонь вжегла еси геенскій, въ немже имаши о душе сожещися.

*) *На беззаконіе гнѣвающее... содомляны* по-греч. ἀνομίαν ὀργῶσαν πορκαύσας Σοδόμων. Здѣсь ἀνομίαν ὀργῶσαν (на беззаконіе гнѣвающее)—прямое дополнение къ πορκαύσας сожегъ; а Σοδόμων (содомляны)—родит. опредѣлительный къ ἀνομίαν (беззаконіе Содома или Содомлянъ): ὀργῶσαν причастіе отъ глагола ὀργίζω—взбѣваю соками, пылаю страстью, страстно желаю и т. п. Буквально это мѣсто можно перевести такъ: *сожегъ неистовствовавшее беззаконіе Содома или Содомлянъ.*

Уязвихся, уранихся, се стрѣлы вражія уязвившыя мою душу и тѣло, се струпи, гноенія и омраченія, вопіють, раны *) самовольныхъ моихъ страстей.

*) *Вопіють раны* по-греч. βόαιστας πληγῶν; πληγῶν (отъ πληγή ударъ) винит. отношенія.

Преподобная мати Маріе, моли Бога о насъ.

Простерла еси рудѣ твои къ щедрому богу, маріе, въ безднѣ золь погружаемая: и якоже петру челоуѣколюбно руку божественную простре, твое обращеніе всячески ищай.

Всѣмъ усердіемъ и любовію притекала еси христу, первый

О, како соревновахъ азъ древнему убійцѣ Ламеху, сладострастными стремленми убивъ душу—яко мужа, умъ—яко юношу, тѣло же—яко брата, подобно убійцѣ Каину.

Нѣкогда Господь. одожди огонь съ небесе (отъ Господа) и сожегъ Содомъ неистово беззаконноавшій: ты же, душе, возгла еси огонь геенскій, въ немже имаши сожигатися.

Азъ въ язвахъ есмь, азъ—въ ранахъ; се стрѣлы вражія, пронзившыя мою душу и тѣло; се язвы, гной и поврежденія вопіють объ ударахъ моихъ самовольныхъ страстей.

Утопаючи въ безднѣ золь, ты, Маріе, простерла еси свои рудѣ къ милосердому Богу, и Опъ, всячески ища твоего обращенія, челоуѣколюбно простре тебѣ Свою Божественную руку, якоже Петру.

Со всѣмъ усердіемъ и любовію притекла еси ко Христу,

грѣха путь отвращши и въ пустыняхъ непроходимыхъ питающися, и того чистѣ совершающе божественныя заповѣди.

отвратившия отъ прежняго грѣховнаго пути, питающися въ непроходимыхъ пустыняхъ, и въ чистотѣ исполняюще Его Божественныя заповѣди.

Т р о и ч е н ъ.

Безначальная, несозданная троице, нераздѣльная единице, кающася мя приими, согрѣшивша спаси: твое есмь созданіе, не презри, но пощади и избави мя огненнаго осужденія.

Безначальная, несозданная Троице, нераздѣльное Единство! приими мя кающагося, спаси согрѣшившаго: ибо азъ есмь Твое созданіе; не презри, но пощади и избави мя отъ осужденія на огонь.

Б о г о р о д и ч е н ъ.

Пречистая владычице, богородительнице, надеждо къ тебѣ притекающихъ и пристанище сущихъ въ бури, милостиваго и создателя, и сына твоего умилостиви и мнѣ молитвами твоими.

Пречистая Владычице, Богородительнице, надеждо прибѣгающихъ къ Тебѣ и пристанище обуреваемыхъ! Милостиваго Творца и Сына Твоего преклони на милость и ко мнѣ молитвами Твоими.

ПѢСНЬ 3. ИРМОСЬ.

На недвижимомъ христе камени заповѣдей твоихъ, утверди мое помышленіе.

На недвижимомъ, Христе, камени заповѣдей Твоихъ утверди мое помышленіе.

Т р о п а р и.

Огнь отъ господа иногда господь одождивъ, землю содомскую прежде пошали.

Низпославъ, яко дождь, огнь съ небесе, Господь древле пошали землю содомскую.

На горѣ спасайся душе, якоже Лотъ тотъ, и въ ситоръ угонзай.

Душе, на гору спасайся, якоже Лотъ тотъ, и сѣши укрытися въ Ситоръ.

Бѣгай запаленія, душе, бѣгай содомскаго горѣнія, бѣгай тлѣнія божественнаго пламене.

Убѣгай, душе, отъ зажженія Содомы, убѣгай отъ горѣнія (его), убѣгай (и) отъ истребленія его Божественнымъ пламенемъ.

Согрѣшихъ тебѣ единъ азъ,
согрѣшихъ паче всѣхъ, христе
спасе, да не презриши мене.

Ты еси пастырь добрый,
взыщи мене агнца, и заблуд-
шаго да не презриши мене.

Ты еси сладкій исусе, ты
еси создателю мой: въ тебѣ
спасе оправдаюся.

Исповѣдаюся тебѣ, спасе, со-
грѣшихъ, согрѣшихъ ти: но
ослаби, остави ми, яко благо-
утробень.

Согрѣшихъ предъ Тобою
единъ азъ, согрѣшихъ паче
всѣхъ, Христе Спасе, не пре-
зри мене.

Ты еси пастырь добрый,
взыщи мене агнца и не пре-
зри мене заблудшагося.

Ты еси вождельный Исусъ,
Ты еси создатель мой; въ Тебѣ,
Спасе, обрещу оправданіе.

Исповѣдаюся Тебѣ, Спасе,
согрѣшихъ, согрѣшихъ предъ
Тобою; но отпусти, прости мя,
яко милосердый.

Т р о и ц е н ь .

О троице единице боже,
спаси насъ отъ прелести, и
искушеній, и обстояній.

О Троице единая Божє!
Спаси насъ отъ заблужденія,
искушеній и бѣдствій.

Б о г о р о д и ч е н ь .

Радуйся богопріятная ут-
ро, радуйся престоле господень,
радуйся мати жизни нашея.

Радуйся чрево, пріявшее Бо-
га, радуйся престоле Господень;
радуйся Мати нашея жизни.

В Т О Р О Й И Р М О С ь .

Утверди господи на камени
заповѣдей твоихъ, подвигшееся
серце мое, яко единъ святъ еси
и господь.

Утверди, Господи, на камени
заповѣдей Твоихъ поколебав-
шееся сердце мое, яко Ты
единъ еси святъ и Господь!

* * *

Т р о п а р и .

Источникъ живота стяжавъ*)
тебе, смерти низложителя, и
вопію ти отъ сердца моего
прежде конца: согрѣшихъ,
очисти и спаси мя.

Стяжавъ въ Тебѣ, Разруши-
тель смерти, источникъ жизни,
азъ отъ (всего) сердца моего
предъ кончиною взываю; къ
Тебѣ: согрѣшихъ, умилосерди-
ся и спаси мя.

*) Одно изъ скажуемыхъ слитнаго предложенія у насъ выражено, въ
формѣ причастія: *стяжавъ.. и вопію* сокращено въ „*стяжавъ вопію*“.

Согрѣшихъ, господи, согрѣшихъ тебѣ, очисти мя: нѣсть бо иже кто согрѣши въ чловѣцѣхъ, егоже не превзыдохъ прегрѣшенми.

При нои, спасе, блудствовавшыя подражахъ, онѣхъ наслѣдовавъ осужденіе въ потопѣ погруженія *).

**) Наслѣдовавъ осужденіе въ потопѣ погруженія—по-греч. κληρωσάμενος καταδίκην ἐν κατακλιωρίῳ καταδύσεως. Καταδύσεως—(погруженія)—родитъ объективный при καταδίκην (осужденіе на что)!*

Хама онаго душе, отцеубійца подражавши, срама не покрыла еси искренняго, вспять зря возвратившися.

Запаленія якоже лоть, бѣгай душе моя грѣха, бѣгай содома и гоморры, бѣгай пламени всякаго безсловеснаго желанія.

Помилуй, господи, помилуй мя, вопію ти, егда приидеши со ангелы твоими, воздати всѣмъ по достойнствію дѣяній.

Благословенія Симова не наслѣдовала еси душе окаянная, ни пространное одержаніе, якоже Іафетъ имѣла еси на земли оставленія.

Отъ земли харрантъ, изыди отъ грѣха душе моя: гряди въ землю точащую присноживот-

Согрѣшихъ, Господи, согрѣшихъ предъ Тобою: умилосердися надъ мною; ибо нѣсть въ чловѣцѣхъ согрѣшившаго, егоже азъ не превзыдохъ прегрѣшенми.

Спасе, азъ подражахъ блудствовавшимъ при Нои и наслѣдовахъ ихъ осужденіе на утопленіе въ потопѣ.

Душе, подражавши тому Хаму отцеубійцѣ, ты не покрыла еси срамоты ближняго и не возвратилася еси зряци вспять.

Убѣгай, душе моя, отъ пламене, грѣха, якоже Лоть, убѣгай отъ Содома и Гоморры, убѣгай отъ огня всякаго неразумнаго пожеланія.

Господи, помилуй, взываю къ Тебѣ, помилуй мя, егда приидеши со ангелы Своими воздати всѣмъ по достоинству (ихъ) дѣяній.

Окаянная душе, ты не наслѣдовала еси благословенія Симова и не имѣла еси, якоже Іафетъ, пространнаго владѣнія на земли оставленія (грѣховъ).

Душе моя, (яко) отъ земли Харрантъ, удалися отъ грѣха; иди въ землю, источающую

ное нетлѣніе, еже *) авраамъ
наслѣдова.

вѣчно живое нетлѣніе, еже
наслѣдова Авраамъ.

*) *Еже* по-греч. ἢ церк. переводчики отнесли къ *нетлѣніе* (ἀφθαρσίαν, — у насъ отнесено къ слову „землю“ (γῆν).

Авраама слышала еси, душе
моя, древле оставльша землю
отечества, и бывша пришельца:
саго произволенію подражай.

Душе моя, ты слышала еси,
яко Авраамъ древле остави
землю отеческую и содѣлалъ
странникомъ: подражай его
произволенію.

У дуба маврійскаго учре-
дивъ *) патриархъ ангелы, на-
слѣдствова по старости обѣто-
ванія ловитву **).

Угостивъ ангелы подъ ду-
бомъ Маврійскимъ, патриархъ
на старости пріять мзду въ
обѣтованіи.

*) *Учредивъ* по греч. φιλοξενήσας — *угостишь*.

**) *Обѣтованія ловитву* по-греч. τῆς ἐλαγγελίας τὸ θήραμα; θήραμα букв.
значить добыча, уловъ.

Исаана окаянная душе моя,
разумѣвши новую жертву тай-
но всесожженную *) господеву,
подражай его произволенію.

Окаянная душе моя! Увѣ-
дѣвши, яко Исаакъ есть новая
жертва всесожженія, таинствен-
но приносямая Господу, подра-
жай его (Исаакову) произво-
ленію.

*) *Разумѣвши... всесожженную*; двойной винительный у насъ переведень.
подвиги, предложеніемъ; увидѣвши, яко Исаакъ есть новая жертва.

Исмаила слышала еси, трез-
вися душе моя, изгнана яко ра-
быни отрожденіе, вѣдь *) да
не како подобно что постражи;
деши ласкосердствующи **).

Душе моя, бодрствуй! ты
слышала еси, яко Исмаиль
бысть изгнанъ, акы отрожденіе
рабыни; бойся, дабы не пре-
терпѣла ты что подобное за-
любоострастіе.

*) *Вѣдь*, да не... постраждеши по-греч. βλέψα, μή... πάβω. Вѣдь мы
повторяемъ здѣсь, въ смыслѣ глагола боядн, в, μή...; тогда какъ пред-
логъ timendi.

**) *Ласкосердствующи* — *ласучева* причастіе, замѣняющее причинное
предложенье, у насъ переведено существ. съ предлогомъ (обстоят.
причины).

* * *

Агаръ, древле душе, Египтя-
ннищъ, угодила еси, порабо-

Древей Агаръ, Египтяннищъ,
угодилася еси душе, порабо-

тившиися произволеніемъ, и
рождши новаго исмаила, пре-
зорство.

Іаковлю лѣствицу разумѣла
еси душе моя, являемую отъ
земли къ небесемъ: почто не
имѣла еси восхода тверда *),
благочестія;

*) *Восхода тверда* по-греч. βίατι ἀσφαλῆ.

Священника божія, и царя
уединенна, христово подобіе, въ
мірѣ житія, въ чловѣцѣхъ под-
ражай.

Обратися, постени душе ока-
янная, прежде даже не при-
иметь конецъ *) житія торже-
ство, прежде даже дверь не
заклучитъ чертога господь.

*) *Не приметъ конецъ* πέρας λάβη—у насъ выражено однимъ словомъ
окончатся.

Не буди столпъ славный ду-
ше, возвратившиися вспять: об-
разъ да устрашитъ тя содом-
скій, горѣ въ сигорь спасайся.

Моленія владыко тебе пою-
щихъ не отвержи, но ущедри
чловѣколюбче, и подаждь вѣ-
рою просящимъ оставленіе.

Преподобная мати Маріе, моли Бога о насъ.

Содержимъ есмь бурю и
треволненіемъ согрѣшеній; но
сама мя мати нынѣ спаси, и къ

тившиися своему произволу и
родивши новаго Измаила—
дерзость.

Душе моя, ты знала еси о
лѣствицѣ отъ земли до небесъ,
явившейся Іакову: чесо же ра-
ди ты не направилася еси
надежнымъ путемъ—благо-
честіемъ.

Подражай (Мелхиседеку),
священнику Божію и царю
безродному, Христову прооб-
разу жизни въ мірѣ посредѣ
чловѣкѣ.

Обратися, окаянная душе, и
возстенай, доколѣ не окончится
празднество (твоея) жизни, до-
колѣ Господь не заключитъ
двери въ (брачный) чертогъ.

Душе, не буди столпомъ
славнымъ обратившиися вспять;
да устрашитъ тя образъ Со-
домлянъ; спасайся горѣ въ
Сигорь.

Владыко, не отвержи моле-
нія воспѣвающихъ Тя, но уми-
лосердися, Чловѣколюбче, и
даруй прощеніе просящимъ
(его) съ вѣрою.

Окруженъ есмь бурю и тре-
волненіемъ согрѣшеній; но ты,
мати, сама спаси мя нынѣ и

пристанищу божественнаго покаянія возведи.

Рабское моленіе и нынѣ преподобная принеси ко благоутробнѣй молитвами твоими богородицѣ, отверзи ми божественныя входы.

приведи къ пристанищу божественнаго покаянія.

Преподобная! и нынѣ принеси усердное моленіе къ милосердѣй Богородицѣ, представельствомъ твоимъ отверзи мнѣ входъ къ Богу.

Т р о и ч е н ъ.

Троице простая, не созданная, безначальное естество, въ троицѣ пѣваемая ипостасей, спаси ны вѣрою поклоняющыяся державѣ твоей.

Троице простая, несозданная, Существо безначальное, воспѣваемое въ троичности лицъ! Спаси насъ съ вѣрою поклоняющихся державѣ Твоей.

Б о г о р о д и ч е н ъ.

Отъ отца безлѣтна сына, въ лѣто богородительнице не искусомужно родила еси, странное чудо, пребывши дѣвадоющи.

Сына, родившагося отъ Отца внѣ (прежде) времени, Ты, Богородительнице, безъ мужа родила еси во времени и—дивное чудо!—питая млекою, пребыла еси дѣвою.

М. Доброуравовъ.

(Продолженіе будетъ)

Теорія боговдохновенности Библии въ александрійской школѣ.

ТЕОРИЯ ОРИГЕНА.

Къ концу второго столѣтія христіанской эры ученіе о боговдохновенности св. Писанія прошло уже нѣсколько стадій въ своемъ развитіи. У первыхъ свидѣтелей церковнаго ученія, *мужей апостольскихъ* встрѣчается немного прямыхъ, опредѣленныхъ сужденій о боговдохновенности св. книгъ. Эти святые мужи находятся еще подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ великихъ событій христіанства. Живой голосъ преданія дѣлалъ излишнимъ какое-либо изслѣдованіе о послѣднихъ основаніяхъ божественнаго авторитета св. Писанія. Однако и немногія свидѣтельства этого времени доказываютъ жизненность и конкретность понятія о божественномъ происхожденіи Библии. Мужья апостольскіе, съ одной стороны, утверждаютъ тождество дѣйствія Духа Божія въ устной проповѣди и св. писаніяхъ апостоловъ; съ другой—допускаютъ свободное отношеніе къ буквѣ библейскихъ памятниковъ. Весьма часто мужья апостольскіе всецѣло возвращаются въ кругу мыслей св. Писанія, сходясь съ свящ. книгами то въ отдѣльныхъ выраженіяхъ и цѣлыхъ мѣстахъ, то въ воспоминаніяхъ.

Въ вѣкъ *аполлоетовъ* высказываются уже болѣе опредѣленные взгляды на высшій характеръ Библии. Аполлогеты были люди, обратившіеся въ христіанство, послѣ долгихъ и горячихъ исканій абсолютной истины въ разнообразныхъ философскихъ школахъ и религіозныхъ системахъ языческаго міра, слѣдовательно, соединявшіе эллинское образованіе съ свѣтомъ евангелія. Ихъ ученіе о возвышенности, гармоніи и божественности св. писаній, поэтому, раскрывается въ связи съ противопоставленіемъ Библии самопротиворѣчивымъ теоріямъ язы-

ческихъ философовъ и религіозныхъ мыслителей. Стоя на уровнѣ современнаго образованія, апологеты уже не довольствуются простымъ установленіемъ факта боговдохновенности, какъ апостольскіе мужи, а изслѣдуютъ, представляютъ доказательства этого факта, опредѣляютъ способъ отношеній Духа Божія къ человѣческой свободѣ, къ естественнымъ силамъ св. писателей. Въ то же время апологеты съ болѣею опредѣленностью, чѣмъ апостольскіе мужи, простираютъ боговдохновенность на св. Писанія Новаго Завѣта, особенно евангелія.

Во вторую половину второго вѣка ученіе о боговдохновенности, подъ вліяніемъ появившихся ересей и сектъ, получаетъ полемическій отпечатокъ. *Монтанизмъ* выставляетъ во всей рѣзкости понятіе о боговдохновенности, какъ экстатическомъ воодушевленіи, преувеличивая оцѣнку божественнаго благодатнаго воздѣйствія Параклета. Напротивъ, многоразличныя секты *гностицизма* односторонне возвышаютъ въ дѣлѣ происхожденія св. письменности человѣческое участіе св. авторовъ, и, подвергая критикѣ св. канонъ, вносятъ въ теорію Божественнаго Откровенія вообще и боговдохновенности въ частности еретическую идею дуализма между Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ. Въ виду этого, *Мелитонъ*, епископъ сардійскій, *Ириней* ліонскій, *Ипполитъ*, епископъ римскій, пресвитеры *Кай*, *Новаціанъ*, а отчасти *Тертуліанъ* (до отпаденія въ монтанизмъ) стараются установить правильное понятіе о библейскомъ экстазѣ, защитить дѣльный составъ каноническихъ св. книгъ и доказать, что въ двухъ чистыхъ, священныхъ потокахъ Божественнаго Откровенія: въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ, нѣтъ ничего такого, что препятствовало бы ихъ органическому единству и гармоническому сліянію въ одну полноводную рѣку Божественной благодати.

Въ то же время *Климентъ александрійскій*, съ успѣхомъ пользуясь аллегорическимъ методомъ истолкованія, заимствованнымъ у Филона, намѣчаетъ основные моменты понятія о боговдохновенности и создаетъ теорію, содержащую въ себѣ полныя жизни зародыши для дальнѣйшаго положительнаго построенія ученія о Библии.

┌ Таково было положеніе вопроса о Словѣ Божіемъ до того

времени, когда въ третьемъ вѣкѣ на горизонтѣ христіанскаго просвѣщенія возшла звѣзда того человѣка, которому суждено было положить неизгладимую печать на богословіе своего времени, работы котораго для богословской науки вообще, а для ученія о вдохновеніи Библіи особенно, составили цѣлую эпоху. *Это былъ Оригенъ (род. 186 г.; ум. около 254—5 г.).*

Въ исторіи древней Церкви нѣтъ имени болѣе замѣчательнаго, чѣмъ имя Оригена. Немногіе оказали дѣлу изученія и истолкованія Слова Божія такія замѣчательныя услуги, немногіе отъ самаго дѣтства до престарѣлаго возраста жили столь трудолюбивой, подвижнической жизнью ученаго изслѣдователя Библіи, какъ этотъ великій учитель. Среди всѣхъ отцовъ и учителей Церкви первыхъ трехъ вѣковъ Оригенъ выдѣляется своею величавою, благородною индивидуальностью. Непреодолимый въ своемъ христіанскомъ рвеніи, не имѣя себѣ равныхъ по учености, онъ всю свою долгую жизнь посвятилъ изученію св. Писанія. Онъ глубоко вѣрилъ, что Библія содержитъ въ себѣ неисчерпаемыя сокровища мудрости, даетъ непогрѣшимыя отвѣты на вѣчныя запросы и влеченія человѣческаго духа. Самыя заблужденія Оригена въ истолкованіи св. Писанія, повлекшія за собою погрѣшности догматическаго свойства, были заблужденіями именно великаго человѣка.

Нѣтъ возможности въ краткихъ словахъ опредѣлить значеніе Оригена, какъ экзегета. О заслугахъ его говоритъ уже одинъ длинный рядъ отцовъ, учителей и писателей церковныхъ, воспитавшихся подъ вліяніемъ его глубокомысленныхъ твореній. Востокъ и Западъ соединились вмѣстѣ, чтобы принести лавровый вѣнокъ славы, въ память великаго истолкователя Слова Божія. Объ этомъ свидѣлствуютъ похвальные рѣчи, признательныя воспоминанія, почтительные отзывы объ Оригенѣ такихъ дѣятелей Церкви, какъ Григорій Чудотворецъ, Памфилъ, Діонисій александрійскій, Василій Великій, Григорій назіанзенъ, Григорій нисскій, Дидимъ, Іоаннъ іерусалимскій, Евсерій верцельскій, Евсевій кесарійскій и др. На Западѣ Иларій пиктавійскій, Амвросій медиоланскій, Руфинъ, Іеронимъ пользовались его твореніями почти въ невѣроятной степени и прибѣгали къ нимъ, какъ „неизсякаемымъ источникамъ свѣта“.

Самый стойкій борецъ за православіе на Востокѣ, св. Аѳанасій Великій защищалъ православіе Оригена и отзывался о немъ съ любящими эпитетами. Блаж. Іеронимъ причислялъ его „къ величайшимъ учителямъ Церкви, послѣ апостоловъ“, а Августинъ называлъ его: „ille vir tantus“ ¹⁾. Даже западные богословы, столь скупые на признаніе заслугъ Востока, даютъ объ Оригенѣ восторженные отзывы. Достаточно припомнить имена Эразма, Неандера, Тильмона, Гюлета, Гизелера, Шрёкка, Мосгейма, Ньюмана, Весткотта, Ниля, Ляйтфута и др.

Заслуги Оригена, въ качествѣ толкователя св. Писанія, дѣйствительно, были безпримѣрны. Стоя на рубежѣ двухъ вѣковъ, Оригенъ, подобно тому, какъ Сократъ въ греческой философіи, своими комментаріями образовалъ, такъ сказать, водораздѣлъ для дальнѣйшихъ направленій, теченій научнаго изслѣдованія боговдохновенныхъ писаній. Самая значительная часть того, что есть цѣннаго въ послѣдующихъ комментаріяхъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ, обязана своимъ происхожденіемъ именно ему. Глубокій мыслитель, точный грамматикъ, усерднѣйшій труженникъ и ревностный христіанинъ, онъ не только заложилъ основаніе, но въ извѣстной степени построилъ все зданіе библейскаго истолкованія. „Тетраплы“ и „Экзаплы“ Оригена послужили основаніемъ всякой критикѣ текста. Въ „гомиліяхъ“ представлены замѣчательные образцы общедоступнаго, народнаго истолкованія Слова Божія. Его „Схоліа“, погибшія, къ величайшему несчастью, для науки, вѣроятно, были самыми ранними и лучшими опытами дѣлаемыхъ на поляхъ поясненій, замѣтокъ. Наконецъ, его „Комментаріи“, несмотря на аллегорическій методъ, часто приводившій только къ афористической философіи, съ искусственнымъ примѣненіемъ ея къ библейскимъ текстамъ, несмотря на ложныя начала гриваго истолкованія, составляли и до сихъ поръ составляютъ неяснаго рудникъ полезныхъ, глубокихъ идей, въ которомъ всѣ его послѣдователи откапывали себѣ какъ бы драгоценныя металлы ²⁾. Какъ „Экзаплы“ были величайшимъ

¹⁾ August. Epistola 40 ad Hieron.

²⁾ Работы Оригена по истолкованію св. Писанія раздѣляются на три группы. Схоліа (=σχολία или σημειώσεις, у Іеронима и Руфана excerpts)—краткія замѣ-

предпріятіємъ по собранію текстовъ св. Писанія, такъ въ четырехъ книгахъ трактата „О первыхъ началахъ“ („*Perì áruxōv*“, „*De principiis*“) Оригенъ сдѣлалъ самую раннюю попытку изложить въ систематическомъ порядкѣ содержаніе христіанскаго ученія. Всѣ эти творенія Оригена, наряду съ восемью книгами апологетическаго сочиненія противъ язычника Цельса („*Contra Celsum*“), служатъ *главнѣйшими источниками для опредѣленія и оцѣнки его теоріи боговдохновенности*. Оригенъ—это глубоко вѣрующій въ божественный авторитетъ св. Писанія толкователь. Его методическій экзегесисъ принятъ въ основаніе богословами всѣхъ временъ. Этимъ обозначается программа всей его богословско-научной дѣятельности. опредѣляется важность и значеніе его сужденія въ вопросахъ, относящихся къ области св. Писанія. Теоретическому изслѣдованію догмата о боговдохновенности Оригенъ посвятилъ, хотя и не былъ побуждаемъ къ этому враждебными нападеніями еретиковъ или язычниковъ, почти всю четвертую книгу своего трактата: „О началахъ“. Эта книга, по тексту Филокалій озаглавливается: „О боговдохновенности св. Писанія и о томъ, какъ должно читать и понимать его, какова причина неясности, а также невозможнаго, или бессмысленнаго по буквѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Писанія“. Въ переводѣ Руфина заглавіе это—сокращено такъ: „О томъ, что Писанія боговдохновенны“. Три четверти этой книги, а именно: двадцать три параграфа, какъ лучшіе фрагменты изъ всего сочиненія Оригена, сохранены въ подлинномъ видѣ, благодаря Василію Великому и Григорію Богослову, которые помѣстили ихъ въ первой главѣ своего сборника Филокалій. Высказанные въ четвертой книгѣ систематическаго богословія Оригена принципы затѣмъ разъяснены, дополнены и развиты имъ въ безчисленныхъ мѣстахъ другихъ его сочиненій теоретическаго или практическаго направленія.

Божественный характеръ св. Писанія есть общая, можно даже сказать, *апріористически—неизмѣнная, постоянная точка* чапія на темныя мѣста св. книгъ Гомилій (= *ὁμιλίαι*, *homiliae* или *tractatus*)—богослужебныя бесѣды на вѣдѣстныя отдѣлы Библіи. Коментаріи (= *τόμοι*, *volume*, *libri*)—подробныя и обширныя изъясненія св. писаній. Въ противоположность популярному изложенію гомилій, въ коментаріяхъ—много философско-теологическихъ экскурсовъ и глубокомысленныхъ разсужденій.

отправленія для всякаго вообще изслѣдованія о Библии, для каждаго практическаго пользованія св. книгами въ первыя времена христіанства. Простой фактъ этой божественности обуславливаетъ неопровержимую, доказательную силу св. книгъ. Авторитетное „ἡγεῖται, λέγει ἡ Γραφή“ даетъ право на существованіе тому или другому положенію, сужденію въ области христіанскаго ученія. На этой истинѣ высшаго происхожденія Библии основывается все прочее, что писалось о вдохновеніи въ древнее время. *Таково значеніе св. Писанія и въ твореніяхъ Оригена.* Никогда онъ не удовлетворяется своими філософско-богословскими спекуляціями безъ того, чтобы не подкрѣплять выводовъ своего ученаго изслѣдованія чрезъ приведеніе изреченій изъ св. Писанія, часто съ выразительнымъ указаніемъ на ихъ божественный авторитетъ. Въ силу своего авторитета, св. Писаніе всегда имѣетъ у Оригена значеніе правила вѣроученія. Оно ставитъ вопросы, показываетъ вѣрный путь къ ихъ разрѣшенію, является рѣшающей инстанціей, при возникающихъ затрудненіяхъ. И если Оригенъ, по своему догматическому методу, вопреки позднѣйшей практикѣ, иногда приводитъ доказательства изъ св. Писанія послѣ аргументовъ изъ разума и человѣческаго авторитета, то это вовсе не значитъ, что онъ разсматриваетъ Слово Божіе, какъ второстепенный моментъ доказательства. Напротивъ, онъ дѣлаетъ это для того, чтобы подтвердить чрезъ непогрѣшимое изреченіе божественнаго авторитета только что почерпнутое изъ погрѣшительныхъ источниковъ знаніе и выставить его, какъ неопровержимую истину. Изъ всего этого способа пользованія св. Писаніемъ, при построеніи зданія христіанскаго ученія, очевидно, что великій александріецъ имѣлъ глубокое убѣжденіе и живое сознаніе божественнаго происхожденія его.

I.

Фактъ боговдохновенности св. Писанія утверждается Оригеномъ уже чрезъ самыя названія его. Онъ цитируетъ слова св. писателей, какъ Писаніе (Γραφή) по преимуществу ¹⁾ Весьма часто онъ называетъ св. книги „святыми писаніями“,

¹⁾ De principiis Lib. I, 2; 1, 5.

„священными письменами“¹⁾. Встрѣчаются и непосредственно выражающія идею божественнаго происхожденія названія, какъ то: „божественныя слова, божественныя письмена, божественныя книги, божественныя писанія“²⁾. Точная, догматическая формула: „боговдохновенныя писанія“, благодаря Оригену, окончательно была закрѣплена въ церковномъ употребленіи³⁾.

Теоретическому оправданію этого факта божественности св. Писанія, какъ сказано, онъ посвятилъ четвертую книгу своего систематическаго богословія. Мы не находимъ еще здѣсь, какъ можно было ожидать, при формальномъ пониманіи заглавія книги ученаго изслѣдованія о вдохновеніи, какъ таковомъ. Оригенъ, согласно потребностямъ своего вѣка, предлагаетъ собственно *доказательства боговдохновенности Библии*, главнымъ образомъ, герменевтическаго содержанія. „О писаніяхъ, какъ божественныхъ“, говоритъ онъ въ началѣ своей книги, „мы еще не разсуждали. Поэтому разсудимъ немного и кратко объ этомъ, представивъ основанія, побуждающія насъ признавать писанія божественными“⁴⁾.

Способъ доказательства боговдохновенности св. Писанія у Оригена представляетъ изъ себя заключеніе отъ дѣйствія къ Первопричинѣ. Разъ утверждается божественный характеръ св. Писанія, то отсюда необходимо слѣдуетъ выводъ о его божественномъ происхожденіи. „Прежде, чѣмъ воспользоваться изреченіями изъ самыхъ писаній и изъ того ученія, которое открыто въ нихъ, нужно сказать о Моисеѣ и Іисусѣ Христѣ, о законодателѣ евреевъ и о Вводителѣ спасительныхъ христіанскихъ догматовъ“⁵⁾. Моисей и Іисусъ, такъ формулируетъ Оригенъ первое доказательство факта боговдохновенности, оставили намъ законы, которые, вопреки господствовавшимъ чувственнымъ похотямъ, приняты не по принужденію, а по свободному выбору⁶⁾. „Вся Греція и всѣ варварскія страны вселенной имѣютъ без-

¹⁾ Срав. напр. выраженія „ἐν ἁγίαις Γραφαῖς“ въ epistola ad African 4. (M. XI. col. 60); de princ. Lib. II, 1. 3 (M. XI).

²⁾ Напр. „οἱ θεοὶ φασὶ λόγοι“ въ Select. in Psalm Fragm. I. (Migne XII. col. 1076). De princ. IV, 6 (M. XI. 353) — οἱ Θεοῦ λόγοι.

³⁾ De princ. Lib. IV, 8 (M. XI. 356) и др. Lib. IV, 6 (M. 352).

⁴⁾ De princ. Lib. IV. I. (M. XI. col. 341).

⁵⁾ Ibidem col. 344.

⁶⁾ Ibidem col. 344

численныхъ ревнителей, которые оставили отечественные законы, всѣми признанныхъ боговъ, соблюдаютъ моисеевы законы и ученіе словъ Іисуса Христа". И это тѣмъ удивительнѣе, что послѣдователей моисеевыхъ законовъ ненавидятъ идолопоклонники, а тѣ, которые приняли ученіе Іисуса Христа, помимо ненависти, еще подвергаются опасности смерти. У эллиновъ и варваровъ было очень много законодателей и учителей, провозглашавшихъ ученія, составлявшихъ системы со всѣмъ возможнымъ научнымъ аппаратомъ. Однако мы не знаемъ ни одного законодателя, который могъ бы внушить прочимъ народамъ ревность къ принятію его словъ. Тѣ, которые дали обѣщаніе философствовать объ истинѣ, конечно, приводили множество доказательствъ, повидимому, согласныхъ съ разумомъ. Но ни одинъ изъ нихъ не могъ внушить свои идеи различнымъ народамъ или, по крайней мѣрѣ, значительной части одного народа. Конечно, языческіе законодатели хотѣли бы подчинить, если возможно, весь родъ человѣческой законамъ, какіе имъ казались прекрасными, а учителя желали бы по всей вселенной распространить свою воображаемую истину. Но они сами видѣли себя не въ силахъ склонить людей изъ другихъ націй къ соблюденію своихъ законовъ и къ принятію своихъ ученій. Такъ какъ они прекрасно видѣли, что успѣхъ въ этомъ дѣлѣ для нихъ невозможенъ, то они даже и не надѣялись на исполненіе своихъ желаній. Напротивъ, ученіе Іисуса Христа нашло доступъ къ грекамъ, римлянамъ и другимъ народамъ, какъ міровая религія.

Дальнѣйшее доказательство боговдохновенности св. книгъ Оригенъ видитъ *въ чудесномъ распространеніи содержащагося въ нихъ ученія* въ короткое время и при величайшихъ затрудненіяхъ. Несмотря на козни противъ исповѣдниковъ христіанства, несмотря на то, что нѣкоторые за исповѣданіе христіанства были умерщвлены, а другіе лишены имущества, слово евангельское все-таки было проповѣдало повсюду, во вселенной, въ теченіе очень немногихъ лѣтъ, даже при небольшомъ количествѣ учителей. Эллины и варвары, мудрые и неразумные,—всѣ присоединились къ богопочтенію, установленному Іисусомъ. Поэтому, мы не можемъ сомнѣваться на-

звать это дѣло превышающимъ человѣческія силы, тѣмъ болѣе, что Іисусъ училъ со всею властью и убѣдительностію о непоубѣдимости Своего ученія. Въ виду божественности христіанства, мы должны принять, какъ пророчество, слѣдующія слова Господа—Спасителя: „И поведутъ васъ къ правителямъ и царямъ за Меня, для свидѣтельства предъ ними и язычниками“ (Матѣ. X, 18), а также: „Многіе скажутъ Мнѣ въ тотъ день“ *Господи, Господи*“, не во имя ли Твое мы ѣли, не въ Твое ли имя мы пили, *и не Твоимъ ли именемъ бѣсовъ изгоняли*“. И скажу имъ: „Я никогда не зналъ васъ; отойдите отъ Меня, дѣлающіе беззаконіе“ (Матѣ. VII, 22—23) ¹⁾. Такія пророчесвенныя слова могли бы показаться смѣлыми и невѣроятными. Но такъ какъ они исполнились, то очевидно, что Богъ, истинно вочеловѣчившійся, предалъ людямъ спасительные догматы, что св. книги, въ которыхъ эти догматы записаны, произошли по божественному вдохновенію ²⁾.

Третій видъ доказательства божественности св. книгъ у Оригена—тотъ же, которымъ съ особенною любовью пользовались апологеты: *исполненіе ветхозавѣтныхъ пророчествъ* ³⁾. Въ пророчествѣ Іакова сказано, что князь отъ Іуды и вождь отъ чреслъ его оскудѣетъ тогда, когда придетъ Тотъ, Кому опредѣлено, и когда придетъ чаяніе народовъ (Быт. 49, 10). Но изъ исторіи очевидно, что отъ временъ Іисуса у іудеевъ нѣтъ царей, что всѣ іудейскія отличія: храмъ, жертвенникъ, богослуженіе, одежды первосвященника—уничтожены. У пророка Осіи также сказано: „Дни многи сядутъ сынове израилевы, не сущу царю, не сущу князю, ни сущей жертвѣ, ни сущу жертвеннику, ни жречеству, ниже явленіямъ“ (Ос. III, 4). Ясно, что съ тѣхъ поръ, какъ былъ разрушенъ храмъ, и не стало ни жертвы, ни жертвенника, ни жречества, князь отъ Іуды и вождь отъ чреслъ его оскудѣлъ. Слѣдовательно, уже пришелъ и Тотъ, Кому опредѣлено отложенная Ему (Быт. 49, 10), Кто составляетъ чаяніе народовъ. Это очевидно изъ мно-

¹⁾ Слова, взятая въ курсивъ,—подлинный текстъ ев. Матѣя; прочія же—варианты, взятый Оригеномъ изъ другихъ источниковъ.

²⁾ De princ. (M. XI. 345). Lib. IV, 2.

³⁾ De princ. Lib. VI, 3—5 (M. XI. col. 345—351).

жества увѣровавшихъ въ Бога чрезъ Христа. Въ пѣсни Второзаконія предсказывается также, что евреи, раздражившіе Бога своими идолами, сами будутъ возбуждены къ зависти неразумныхъ народомъ (Втор. XXXII, 21). Здѣсь разумѣется будущее избраніе народовъ въ наказаніе за грѣхи прежняго народа, которое и совершилось чрезъ пришествіе Христа и чрезъ Его учениковъ. Дѣйствительно, по слову ап. Павла, среди христіанъ „не много мудрыхъ по плоти, не много сильныхъ, не много благородныхъ. Но Богъ избралъ немудрое міра, чтобы посрамить мудрыхъ, и немощное міра избралъ Богъ, чтобы посрамить сильное; и незнатное міра и уничиженное и ничего незначущее избралъ, чтобы упразднить значущее“ (1 Кор. I, 26—28). Исполнилась также пророчественная пѣснь псалмопѣвца о Возлюбленномъ, языкъ Котораго—трость книжника—скорописца, изъ устъ Котораго излилась благодать (Пс. 44, 2—3). Доказательствомъ этого служитъ то, что ученіе Христа и богопочтеніе, установленное Имъ, наполнили всю вселенную, хотя время Его учительства было непродолжительно, хотя Онъ училъ какой-нибудь годъ съ нѣсколькими мѣсяцами. Дано и знаменіе въ томъ, что Дѣва родила Сына, имя Которому—Эммануиль (Пс. 71, 7—8). Онъ обладаетъ отъ моря до моря, отъ рѣкъ до концовъ вселенной (Исаія, VIII, 9), потому что благодатию слова Его побѣждены народы. Исполнились и пророчества Михея о Вилеємѣ (V, 2—4), какъ мѣстѣ рожденія Христа, и Давіила—о семидесяти седминахъ (IX гл.). Пришелъ Тотъ, Кто, по Юву, побѣдилъ великаго кита, Кто далъ истиннымъ ученикамъ Своимъ власть, наступать на змѣевъ, на скорпіоновъ и на всякую силу вражію, не терпя никакого вреда отъ нихъ. Въ заключеніе Оригенъ указываетъ на сверхчеловѣческое мужество и волю Божию, выразившіяся въ проповѣди евангелія апостолами, на подчиненіе народовъ, побѣжденных Божественною Силою въ своемъ желаніи повредить имъ, на чудеса и знаменія, подтверждавшія слова ихъ“. „Доказывая божество Іисуса“, прибавляетъ александрійскій учитель, „и приводя пророчественныя слова о Немъ, мы доказываемъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что Писанія, пророчествовавшія о Немъ, боговдохновенны, что божественны—книги, возвѣщавшія при-

шествіе и ученіе Его, изложенныя съ полною силою и властью и потому, покорившія лучшихъ людей изъ разныхъ народовъ¹⁾). Но боговдохновенность (ἔνθεον) пророчесственныхъ словъ и духовный смыслъ закона моисеева сдѣлались ясными, только съ пришествіемъ Христа. До пришествія Христа не было полной возможности представить ясныя доказательства боговдохновенности (θεοπνεύματος) ветхозавѣтныхъ писаній. Пришествіе же Христа тѣмъ людямъ, которые могли предполагать, что законъ и пророки—не божественны, представило очевидное доказательство, что они написаны силою небесной благодати²⁾.

Наконецъ, сильное доказательство боговдохновенности Оригенъ видитъ также во внутреннемъ свидѣтельствѣ Св. Духа. „Кто прилежно и внимательно читаетъ пророчесственныя слова, тотъ, при самомъ чтеніи своемъ, почувствуетъ слѣдъ божественнаго вдохновенія и посредствомъ этого своего опыта убѣдится, что писанія, признаваемые словами Бога—не человѣческія“³⁾. Такимъ образомъ, съ пришествіемъ Христа, свѣтъ, принадлежащій закону Моисея и какъ бы закрытый въ немъ покрываломъ, теперь возсіялъ, при чемъ постепенно обнаружались тѣ блага, тѣнь которыхъ содержала буква.

На возраженія противъ доказательствъ боговдохновенности, Оригенъ отвѣчаетъ аналогіями изъ жизни, изъ природы и Провидѣнія. Въ этомъ случаѣ онъ напоминаетъ Иринея ліонскаго⁴⁾. Между дѣлами Промысла, обнимающаго весь міръ, нѣкоторыя очень ясно представляются, какъ именно дѣла Промысла. Другія же такъ сокрыты, что, повидимому, даютъ мѣсто недовѣрію, дѣйствительно ли всѣмъ управляетъ Богъ съ неизреченнымъ искусствомъ и силою. Зиждательная идея Промыслителя, не столь ясна въ предметахъ земныхъ, какъ въ солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ. Не такъ очевидна она и въ человѣческихъ происшествіяхъ, какъ въ душахъ и тѣлахъ животныхъ, особенно для тѣхъ людей, которые изслѣдуютъ, зачѣмъ и для чего у животныхъ—такія или иныя стремленія, желанія, природа, устройство тѣлъ. Однако, вслѣдствіе неизвѣстнаго, Промыслъ Божій

¹⁾ De princ. Lib. IV. 6 (M. XI. col. 352).

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibidem (col. 353).

⁴⁾ Irin. Adv. haer. Lib. II. 23. 2; V. 30. 1; IV, 21. 8 II, 28. 2 и др.

не кажется уменьшающимся для тѣхъ лицъ, которыя уже однажды признали надлежащимъ образомъ дѣйствительность его. „Такъ и божественность Писанія“, говоритъ Оригенъ, „простирающаяся на все Писаніе, ничего не теряетъ оттого, что наша немощь не можетъ въ каждомъ изреченіи найти скрытый свѣтъ догматовъ, заключенный въ ничтожномъ и презрѣнномъ словѣ“ ¹⁾. „Сокровище сіе“, говоритъ апостоль, „мы носимъ въ глиняныхъ сосудахъ“ (2 Кор. IV, 7), чтобы возсіяло величіе силы Божіей, чтобы не показалось, будто сокровище это принадлежитъ намъ, людямъ. Вѣдь если бы св. книги (τὰ βιβλία) побуждали людей обычными способами доказательствъ, то вѣру нашу справедливо было бы полагать въ мудрости человѣческой, а не въ силѣ Божіей. Теперь же для всякаго, кто не закрываетъ глазъ, очевидно, что св. Писанія дѣйствуютъ на людей не убѣдительными словами мудрости, но явленіемъ духа и силы (1 Кор. II, 4) ²⁾.

Въ другомъ мѣстѣ, а именно, въ толкованіяхъ на псалмы, на возраженія касательно неясности нѣкоторыхъ изреченій св. книгъ. Оригенъ опять, подобно Иринею ліонскому, ссылается на ученіе о Промыслѣ Божіемъ. Мы не можемъ, по нему, опредѣлить цѣли существованія нѣкоторыхъ животныхъ, напр. ядовитыхъ. Однако, мы не имѣемъ основанія только по этой причинѣ возражать противъ Виновника природы. Скорѣе мы должны ожидать, когда окажемся въ состояніи узнать то, о чемъ теперь благоразумно удерживаемъ свое сужденіе. Такъ и въ боговдохновенныхъ писаніяхъ есть мѣста, которыя мы не понимаемъ, но не имѣемъ права только поэтому отвергать или порицать ³⁾.

Изычникъ Цельсъ указывалъ на простоту стилия св. Писанія, какъ несогласную будто бы съ его боговдохновенностью. Въ отвѣтъ на это, Оригенъ сравниваетъ антропоморфическій языкъ св. Писанія, съ нашимъ способомъ обращенія къ дѣтямъ, приспособленномъ къ духовному ихъ развитію, чтобы принести имъ пользу (Втор. I, 31). Но для человѣка духовнаго, даже въ

¹⁾ De princ. Lib. IV. 7 (M. XI. col. 353).,

²⁾ De princ. Lib. VI, 7. (354—356, Migne).

³⁾ Comm. in Psalm. I, 4 (M. XII. 1089). Philoc. 2.

простыхъ словахъ содержатся духовныя мысли, такъ какъ онъ знаетъ, какъ найти ихъ ¹⁾.

Посредствомъ своихъ доказательствъ и рѣшеній возраженій, Оригенъ устанавливаетъ то положеніе, что св. Писанія дѣйствительно имѣютъ божественное происхожденіе. Это убѣжденіе производило въ немъ глубокое *благоговѣніе* къ Слову Божію, которое онъ и выражаетъ, при всякомъ случаѣ. Вся его полная трудовъ жизнь, была посвящена именно на изслѣдованіе св. Писаній въ разныхъ формахъ. Его исполинскій трудъ „Экзаплы“ обязанъ своимъ происхожденіемъ именно заботамъ о чистотѣ текста св. книгъ.

На чемъ же основывается авторитетъ, божественность св. Писаній? Какая послѣдняя причина, обуславливающая ихъ высокое значеніе? Отвѣтъ на эти вопросы и данъ Оригеномъ въ вышеприведенныхъ доказательствахъ. Смысль его такой: св. Писанія не дѣло человѣческаго духа, но имѣютъ божественное происхожденіе, потому что Авторъ ихъ—Самъ Богъ. Что Оригенъ именно эту мысль ставитъ послѣднею цѣлю своихъ разсужденій въ первыхъ семи параграфахъ, четвертой книги, хотя ближайшимъ образомъ устанавливаетъ собственно божественный характеръ св. Писанія, это очевидно изъ его словъ, чрезъ которыя онъ переходитъ къ дальнѣйшему изслѣдованію о смыслахъ св. книгъ. „Послѣ бѣлаго разсужденія о боговдохновенности божественнаго Писанія“, говоритъ онъ въ восьмомъ параграфѣ, „необходимо перейти къ способу чтенія и пониманія Писанія“ ²⁾ и т. д. Въ этихъ словахъ ясно именно сознаніе, что Богъ—Первовиновникъ св. книгъ. Поэтому-то въ заключительныхъ выводахъ отдѣльныхъ доказательствъ выраженія: *θεὸς εἶναι τὰς Γραφάς* и „*θεοπνεύστους εἶναι τὰς Γραφάς*“ употребляются Оригеномъ, какъ равнозначущія. Хотя слово „*θεοπνεύστια*“=боговдохновенность собственно имѣетъ двойное значеніе, у Оригена по большей части предполагается причинное отношеніе Духа Божія къ происхожденію св. Писанія ³⁾. Такой смыслъ имѣютъ выраженія алек-

¹⁾ Contr. Cels. IV. 71 (M. XI. 1141).

²⁾ De princip. IV. 8 (M. XI. 356).

³⁾ In Numer. hom. XXVI, 3 (M. XII. col. 744); in Psalm. I (XII. 1097): De princ. I, 3 (M. XI. 60).

сандрийца: „Λόγια ἁγίου Πνεύματος“ или „εὐαγγέλια, ἃ Πνεῦμα ἅγιον ἔγραψεν“, и др. Они совершенно соотвѣтствуютъ формуламъ латинскихъ церковныхъ писателей: „scriptura sacra a Deo inspirata“ или же „divino Spiritu afflata“ и пр. Безъ сомнѣнія это божественное авторство предполагается Оригеномъ въ словахъ гомилии на пророка Іеремію: „Нѣтъ ничего ни въ пророчествѣ, ни въ законѣ, ни въ евангеліи, ни въ апостолѣ, что не произошло бы, изъ полноты божественнаго величія“ ¹⁾. Такое авторство, впрочемъ, не исключало человѣческой дѣятельности самого писателя, не дѣлало изъ него чисто-механическое, страдательное орудіе. За это говоритъ уже первая часть только что приведенной фразы изъ гомилии Оригена. а именно: „св. книги дышатъ полнотою Духа“ ²⁾. Прибавка эта характерна именно тѣмъ, что исключаетъ идею чисто-пассивнаго вдохновенія. Протестанскіе ученые: Кремеръ, Толлукъ и др. желаютъ даже видѣть въ прибавкѣ, какое-то свободомысліе александрийца, но конечно, совершенно голо-словно ³⁾.

Все, вышеизложенное, дѣлаетъ болѣе или менѣе яснымъ, въ чемъ состоитъ основоположеніе оригеновой теоріи боговдохновенности. Св. Писаніе боговдохновенно не только потому, что содержитъ въ себѣ божественныя идеи, что изъ строкъ его вѣстъ дыханіемъ Св. Духа, но главнымъ образомъ потому, что Самъ Богъ является Авторомъ его. Великій богословъ начала третьяго вѣка является такимъ образомъ, представителемъ строгихъ взглядовъ на боговдохновенность. Онъ отнюдь не даетъ повода защитникамъ ограничительныхъ и рационалистическихъ теорій ссылаться на его труды въ подтвержденіе свободныхъ взглядовъ на вдохновеніе. Напротивъ, его идеи облечены въ такія выраженія, которыя сдѣлались стереотипными для позднѣйшаго богословія и образовали исходныя точки отпращиванія для всякаго изслѣдо-

¹⁾ In. Ierem. hom. XXI, 2 (XIII 636).

²⁾ Ibidem. in. Ierem. hom. XXI.

³⁾ См. Realencyklopadie Herzogs. Artitel „Inspiration“, гдѣ изложено мнѣніе Кремера и „Deutsche Zeitschrift für christl. Wissenschaft und christl. Leben.“ 1850, гдѣ содержится взглядъ Толлука.

взніа о боговдохновенности. Такъ онъ гораздо чаще, чѣмъ его предшественники, называетъ св. Писаніе „словомъ Божиимъ“ ($\text{Λόγος τοῦ Θεοῦ} = \text{Verbum Dei}$).

II.

Фактъ боговдохновенности св. Писанія имѣеть основоположительное значеніе въ цѣлой богословской системѣ Оригена. Даже противъ язычника Цельса онъ писалъ слѣдующее: „Если намъ нужно точно возражать противъ Цельса, который почитаетъ насъ за іудеевъ, то объ основаніяхъ нашихъ мнѣній скажемъ, что тѣ и другіе вмѣстѣ признаемъ, что св. книги написаны Божественнымъ Духомъ“ ¹⁾.

Но, если св. Писаніе есть дѣло Самого Бога въ строгомъ смыслѣ, то, очевидно, *въ основѣ происхожденія его по божественному вдохновенію, лежитъ опредѣленный планъ домостроительства, спасенія людей*. Какъ всякое дѣло Бога имѣеть своею цѣлію проявленіе Его Существа, Его совершенствъ въ человѣчествѣ, такъ и цисьменно изложенное божественное Слово, содержащееся въ св. книгахъ, служитъ первѣе всего *этой цѣли Откровенія*. Предметомъ ученія св. писателей является Существо Бога въ Его многообразныхъ проявленіяхъ. Далѣе въ св. книгахъ намъ предлагается ученіе о Сынѣ Божиимъ, Его природѣ, вочеловѣченіи и міровой дѣятельности. Въ обширную область Откровенія входитъ также ученіе о добрыхъ и злыхъ духахъ, о природѣ человѣческой души, о происхожденіи и свойствахъ вселенной, о происхожденіи зла и пр. Оригенъ считаетъ Библию именно ключомъ ко всѣмъ тайнамъ, которыя представляются пытливому духу въ религіозной области или даже чисто научной, если таковая находится въ какой-либо связи съ вѣрою. Истина всегда хороша и спасительна тамъ, гдѣ она находится, потому что она всегда есть изліяніе вѣчной божественной Истины ²⁾. Она остается таковою даже въ томъ случаѣ, когда она разрознена и затеряна во мракѣ языческихъ заблужденій; Самый человѣческій разумъ въ своей познава-

¹⁾ Contra Celsum. Lib. V cap. 60 (M. XI 1276).

²⁾ Contra Celsum. Lib. III. 44 (M. XI, 977); I, 4 (M. XI 643); III, 40 (M. XI. 972); Comm. in Iohann. Tom. VI. (M. XIV. 212).

тельной дѣятельности, служить откровеніемъ божественной Истины ¹⁾). Поэтому содержится много истины въ сочиненіяхъ языческихъ философовъ: они постигаютъ истину, разумъ чрезъ посредство естественнаго Откровенія ²⁾). Но съ другой стороны возражаетъ Оригенъ противъ Цельса, весьма многія истины имѣютъ свое происхожденіе только изъ св. писаній ³⁾). Кроме того, разрозненныя сѣмена истины, находимыя въ сочиненіяхъ язычниковъ, стоятъ гораздо ниже того, что предлагаютъ намъ боговдохновенныя книги. Дыханіе Духа Божія сообщало св. писателямъ высшія идеи ⁴⁾). и подъ вліяніемъ этого дыханія ученія ихъ, оказывали большое воздѣйствіе на практическую религіозную жизнь читателей ⁵⁾).

Для Оригена, слѣдовательно, св. писанія суть орудія Божественнаго Откровенія. Самъ Божественный Логосъ есть совершеннѣйшее Откровеніе, Бога на землѣ. Священныя же писанія составляютъ, какъ бы Его жилища. Это какъ бы образъ второго воплощенія личнаго Божественнаго Слова ⁶⁾). Самыя задачи Божественнаго Откровенія, содержащагося въ боговдохновенныхъ книгахъ, возвышаются надъ областью человѣческой природы. Даже ангелы и невидимыя небесныя силы нуждаются въ томъ наученіи чрезъ апостоловъ и евангелистовъ ⁷⁾), или, по крайней мѣрѣ, въ подобномъ же откровеніи Логоса ⁸⁾). Свое мнѣніе о сообщеніи откровеній ангеламъ чрезъ боговдохновенныхъ писателей Оригенъ основываетъ чрезъ буквальное пониманіе текстовъ Апокалипсиса: „Ангелу ефесской церкви напиши“ (II, I), пергамской (12), смирнской (8 ст.) и т. д. Ученіе же объ Откровеніи Божественнаго Логоса ангеламъ, которое онъ представлялъ, по всей вѣроятности, въ формѣ „вѣчнаго евангелія“, сходнаго съ евангелиемъ Іоанна-Богослова,

¹⁾ Contr. Cels. Lib. VI, 8.

²⁾ Срав. Redepenning Origenes, sein Leben und seine Lehre. Bonn 1841 Band I Seite 324—349.

³⁾ Contra Celsum; VII, 80 (M. XI. 1464).

⁴⁾ Ibidem. VII, 51 (M. 1496).

⁵⁾ Contra Celsum. VI, 5 (M. 1296).

⁶⁾ Epistola ad. Freg. Thaum. (M. XI 89): ἐν ταῖς γραφαῖς οἰκεῖ Λόγος τοῦ Θεοῦ. In. Lev. hom. I, 1 (Migen. XII 405).

⁷⁾ In. Luc. homila XXIII (M. XII. 1862).

⁸⁾ Comment. in. Iohann. I, 34 (M. XIV col. 81).

существовало еще раньше Оригена и оспаривалось уже Тертуллианом¹⁾.

Хотя св. писанія въ сообщеніи истины далеко возвышаются надъ сочиненіями языческихъ философовъ, все-же содержащіяся въ нихъ откровенія, Оригенъ разсматриваетъ, какъ *относительно высшія*. Св. писанія приспособлены къ несовершенному состоянію тѣхъ, къ кому они были адресованы. Люди не были въ состояніи воспринять въ себя полного откровенія Божественнаго Логоса. Поэтому св. писанія относятся къ полной истинѣ, какъ начальныя основанія, какъ краткія введенія въ нее, хотя и предлагаютъ намъ вѣрное понятіе о ней²⁾. Отсюда вытекаютъ призывы Оригена „оставить начальное слово (τὸν τῆς ἀρχῆς λόγον) о Христѣ, т. е. наставленіе въ первыхъ основаніяхъ, и перейти къ совершенству, чтобы и намъ была проповѣдана премудрость, возвѣщаемая совершеннымъ“³⁾.

Независимо отъ слабости человѣческаго разума. намѣреніе Божіе состояло въ томъ, чтобы чрезъ св. Писаніе преподать всю систему духовной дѣятельности и обязанностей людямъ. въ ихъ дѣйствительномъ состояніи несовершеннаго познанія⁴⁾. Многіе, конечно, не могли воспринять всей полноты содержащейся въ св. книгахъ божественной истины. Въ св. Писаніи есть мѣста, собственное, буквальное значеніе которыхъ не можетъ быть опредѣлено никѣмъ изъ смертныхъ. Кромѣ немощи нашего духа, причина этого въ дѣйствительномъ образѣ выраженія, въ самой внѣшней формѣ св. Писанія. Св. книги, написанныя для людей, облечены въ человѣческую рѣчь, которая весьма часто не выражаетъ точно возвышеннѣйшихъ, божественныхъ идей⁵⁾.

Св. Писаніе, слѣдовательно, содержитъ въ себѣ такія истины, которыя принадлежатъ къ высшей ступени Божественнаго Откровенія, которыя не доступны для обыкновеннаго изслѣдованія. Но помимо этого, есть истины, всецѣло возвышающіяся надъ

1) Срав. Tertull. De carne Christi cap. XIV.

2) Comment. in Johann. XIII, 5 (M. XIV 405)

3) De princ. Lib. IV 7 (M. XI, 356).

4) De princ. Lib. IV. 15 (XI. col. 376).

5) Comment. in Iohann. 13, 5 (M. XIV, 405).

областью св. Писанія. Знаніе ихъ—достояніе только немногихъ ¹⁾). Такъ Іоаннъ-Богословъ сообщаетъ въ Апокалипсисѣ: „Когда семь громовъ проговорили голосами своими, я хотѣлъ было писать; но услышалъ голосъ съ неба, говорящій мнѣ: скрой. что говорили семь громовъ и не пиши этого“ (Ап. X, 3—4). Ап. Павсъ, восхищенный въ рай, до третьяго неба, „слышалъ неизреченныя слова, которыхъ человѣку нельзя пересказать“ (2 Кор. XII, 4). Въ область этого высшаго, таинственнаго богооткровенія входитъ то, чего не видѣлъ глазъ, не слышало ухо, и что не приходило на сердце человѣку (I Кор. II, 9 срав. Исаія, 64, 4). Всего этого нельзя найти въ родникахъ, въ источникахъ Іакова, т. е. въ св. Писаніяхъ. Даже пророки иногда удерживали въ своемъ духѣ, высшую мудрость и не довѣряли ее письму ²⁾).

По ученію Оригена, такимъ образомъ, въ домостроительствѣ спасенія людей, въ планѣ Божественнаго Откровенія, св. Писанію принадлежитъ мѣсто среднее между простымъ познаніемъ разума и такими истинами, которыя превосходятъ обыкновенную познавательную способность людей, которыя доступны немногимъ, высокоблагодарственнымъ лицамъ. Св. Писаніе, это обычный путь, которымъ Логосъ ведетъ возвышающихся до сверхъестественной жизни людей, къ послѣдней ихъ цѣли: къ созерцанію Божескаго Существа и Его безконечныхъ тайвъ.

Тотъ фактъ, что Оригенъ каждое явленіе истины разсматриваетъ, какъ лучъ свѣта отъ Божескаго Существа ³⁾, чрезъ Божественнаго Логоса, дѣлаетъ излишнимъ изслѣдованіе о границахъ, предѣлахъ Откровенія, содержащагося въ св. книгахъ. *Для него каждое мѣсто св. Писанія тождественно съ Откровеніемъ.* „Духъ, просвѣщавшій служителей истины, пророковъ и апостоловъ, преимущественно имѣлъ въ виду неизреченныя тайны о предметахъ, касающихся людей“ ⁴⁾. Читая св. писанія, люди научаются, дѣлаются причастниками всѣхъ догматовъ Божественнаго Духа, и предаются глубинамъ разума, сокрытымъ подъ боговдохновенными словами. Познаніе бого-

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Contra Celsum. Lib. VI, 6 (M. XI. 1297).

³⁾ Contra Celsum. III, 40 (M. XI. 972); VII, 44 (M. 1485).

⁴⁾ De princ. IV, 14 (M. XI. col. 372).

откровенной истины есть существо совершенства. Души могут достигнуть совершенства, только при полномъ и разумномъ знаніи о Богѣ ¹⁾). Сюда именно и принадлежатъ истины о томъ, по какимъ причинамъ Сынъ Божій совершенно воспріялъ чело-вѣка, каково дѣйствіе воплощенія, на кого и когда оно про-стирается. Боговдохновенное Писаніе, сообщаетъ также ученіе о существахъ, отпадшихъ отъ блаженства, о причинахъ ихъ паденія, о различіи душъ и откуда оно произошло, о томъ, что такое міръ и ради чего онъ сотворенъ (ὁ κόσμος), откуда на землѣ—такое великое зло, и существуетъ ли оно не только на землѣ, но и въ другомъ мѣстѣ и пр. ²⁾). Въ виду такого расширенія откровеннаго характера св. Писанія, Оригенъ на-зываетъ составителей его „слугами истины“ ³⁾). Если онъ цѣ-люю св. писаній ставитъ соотвѣтствующее Откровенію спекуля-тивное познаніе истины, то въ этомъ можно видѣть послѣд-ствие чрезмѣрно высокой оцѣнки гносиса (γνῶσις). Однако, нельзя не видѣть преувеличенія въ сужденіи Редепеннинга, будто подчиненіе практическихъ элементовъ теоретическимъ, со стороны Оригена, было *ибельной ошибкой*, происшедшей подъ вліяніемъ господствующаго направленія вѣка, будто чрезъ это стало невозможнымъ, какъ правильное пониманіе отдѣльныхъ изреченій, такъ и безпристрастное сужденіе о всемъ содержа-ніи Слова Божія ⁴⁾).

Если познаніе истины, есть цѣль Откровенія, изложеннаго въ св. книгахъ, то, наряду съ чисто-теоретической спе-куляціей, все-же и *практическое знаніе имѣетъ равное право на существованіе*. Духъ Божій, по ученію Оригена, скрылъ воз-вышеннѣйшія идеи Откровенія въ словахъ, которыя представ-ляютъ рассказы о чувственныхъ твореніяхъ, о созданіи чело-вѣка, о многочисленныхъ его потомкахъ, а также исторіи о дѣлахъ праведниковъ, о порочности, необузданности, жадности людей незаконныхъ и нечестивыхъ. Въ этихъ рассказахъ открыва-ются неизреченныя тайны для тѣхъ, кто можетъ изслѣдовать ихъ. Но есть немало людей, которые не могутъ вынести труда, необходимаго для отысканія этихъ тайнъ. Для такихъ людей

1) Ibidem.

2) Ibidem.

3) Ibidem.

4) Redepening. Origenes, sein Leben und seine Lehre. Band 2. Seit. 206.

имѣетъ значеніе и простая буква. „Надлежало, чтобы и одежда духовныхъ истинъ—разумѣю тѣло св. Писанія—не была бы бесполезна для многихъ, но могла бы исправлять простыхъ людей, насколько они способны къ этому исправленію“ ¹⁾. Для примѣра Оригенъ указываетъ на практическую цѣль библейскаго рассказа о наказаніи Каина. „Каинъ, уходящій отъ лица Божія, очевидно, побуждаетъ благоразумныхъ изслѣдовать, что такое лицо Божіе и что значитъ уходить отъ него“ ²⁾. Св. Писаніе, именно, и ввѣрено св. Церкви для цѣли назиданія ³⁾. Отсутствіе ея заставляетъ Оригена отыскивать аллгорическое значеніе ⁴⁾, а наличность служитъ признакомъ дословнаго пониманія ⁵⁾.

Цѣли св. Писанія соотвѣтствуетъ польза его изслѣдованія. Всѣ тѣ, которые ищутъ удовлетворенія своихъ духовныхъ потребностей, находятъ его въ св. книгахъ богато ⁶⁾. Слово Божіе есть естественная пища души. Какъ природа питаетъ cadaго по индивидуальнымъ потребностямъ, такъ и св. Писаніе предлагаетъ соотвѣтствующее питаніе различнымъ ступенямъ духовной жизни ⁷⁾ Слово Божіе есть вѣрнѣйшій путь къ нашей послѣдней цѣли, къ нашему соединенію съ Божественнымъ Логосомъ. Оно вполне согласно и съ законами педагогій, которые Самъ Богъ примѣняетъ къ человѣческому роду. Въ немъ Господь сначала показываетъ свою строгость, потомъ даетъ почувствовать благодать ⁸⁾ и животворить ⁹⁾. Какъ врачъ души ¹⁰⁾, Слово Божіе чрезъ горькія истины ведетъ людей къ истинамъ пріятнымъ, къ святости и спасенію.

Но не въ одномъ только цѣломъ объемѣ св. Писаніе образуетъ обильный источникъ духовныхъ сокровищъ. Если сравнить св. Писаніе въ его цѣломъ съ плодовымъ полемъ, то каждое отдѣльное мѣсто, каждое слово его можно уподобить.

¹⁾ De princ. IV, 14 (M. XI, 372).

³⁾ Epistola ad Afr. 4 (M. XI. 60).

²⁾ De princ. IV, 16 (col. 377).

⁴⁾ In. Gen. hom. V, 3 (M. XII. 198).

³⁾ In Numer. hom. II, 1 (M. XIII. 643): Quid opus est in his allegoriam quaerere, cum aedificet etiam littera?

⁶⁾ In Iohan. 28, 17 (M. XIV. 728).

⁷⁾ In Numer. homil. XXVII, 1 (M. XII. 780).

⁸⁾ In Ierem. homil. IV, 4. (M. XIII. 290).

⁹⁾ In Ierem. hom. I, 16 (M. XIII. 273) ср. Втор. XXXII, 99.

¹⁰⁾ In Exod. hom. XXIX (M. 269).

сѣмени. Тотъ, кто владѣеть имъ, какъ земледѣлецъ, получаетъ пользу, по мѣрѣ своего усердія ¹⁾. Напротивъ, тѣ, которые отбрасываютъ его и принимаютъ другое: подобны овцамъ, когда онѣ, пресытившись, топчутъ хорошее пастбище и мутятъ воду. Мы не должны подражать подобнымъ людямъ, но изъ всякаго изреченія Слова Божія должны извлекать пользу, ²⁾. И, дѣйствительно, ни одна буква, ни одна іота въ св. книгахъ—не бесполезна, подобно тому, какъ и въ мѣрѣ растений для ботаника никакое произрастеніе не лишено опредѣленнаго назначенія. Поэтому, мы должны быть усердными изслѣдователями въ этомъ саду, полномъ чудесныхъ, спасительныхъ растений, должны отъ каждаго изреченія св. Писанія получать пользу ³⁾. Чтобы сдѣлать для насъ св. Писаніе полезнымъ, Господь и допустилъ несовершенства человѣческой рѣчи и письма ⁴⁾. Даже въ томъ случаѣ, когда мы не можемъ проникнуть въ глубокій смыслъ священныхъ первоисточниковъ, простое изслѣдованіе ихъ приноситъ пользу. Съ практической пользою стоитъ или падаетъ самый характеръ вдохновенія. по слову ап. Павла, что всякое боговдохновенное Писаніе полезно (2 Тим. III, 16) ⁵⁾. Даже у простыхъ людей, которые съ вѣрою принимаютъ слово св. Писанія, встрѣчается весьма часто большая чистота, строгость нравственной жизни, чѣмъ у ученыхъ. Это происходитъ отъ дѣйствія извѣстной божественной силы, которая присуща св. писаніямъ, какъ таковымъ, и которая, даже при обыкновенномъ слушаніи св. текста, производитъ благотворное, чудесное вліяніе на души, для исцѣленія страстей и болѣзней, подобно тому, какъ магическія слова въ устахъ заклинателя змѣй, дѣйствуютъ на дикихъ животныхъ ⁶⁾. Поэтому, Оригенъ совѣтуетъ пользоваться даже текстами изъ Писаній Соломона, какъ средствомъ для заклинанія демоновъ, хотя ни въ какомъ случаѣ

¹⁾ In. Exod. hom. I. (M. XII. 297).

²⁾ Comment. in Ezech. XX. (M. XII. 664).

³⁾ Fragm. ex hom. in Jerem. XXXIX (M. XII. 514).

⁴⁾ Contra Celsum. IV. 71 (M. XI. 1140).

⁵⁾ In. lib. Nave Fragm. ex hom. XX (M. XII. 920).

⁶⁾ In. libr. Nave Fragm. ex hom. XX. (XII. 920).

не допускаетъ этого, безъ употребленія подлинныхъ изреченій св. книгъ ¹⁾).

Отсюда дѣлается вполне понятнымъ, съ какою ревностью Оригенъ призываетъ къ усердному чтенію св. Писанія. Всѣ, даже язычники, должны быть участниками сокрытыхъ въ немъ сокровищъ. Члены Церкви неопустительно должны читать Слово Божіе, язычники же—когда имъ открывается доступъ къ чтенію св. книгъ, и подается случай обрѣсти спасеніе ²⁾) Читаемъ ли мы историческіе рассказы и пророчества Ветхаго Завѣта, евангелія или посланія ап. Павла, мы должны глубоко начертывать въ своихъ сердцахъ боговдохновенные глаголы ³⁾) Но мы должны заниматься св. Писаніемъ не мимоходомъ только, а скорѣе должны слѣдовать примѣру Ревекки, которая ежедневно приходила къ источнику, чтобы почерпнуть воды. Если душа желаетъ соединиться со Христомъ, то она обращаетъ его, какъ Ревекка Исаака, когда каждый день будетъ приходить къ источнику св. Писанія, къ водамъ Духа Святаго, когда всегда будетъ почерпать и приносить въ домъ полный сосудъ ⁴⁾). Глубокое благоговѣніе самого Оригена къ св. писаніямъ, нащло для себя прекрасное выраженіе въ заключеніи его письма къ Григорію Чудотворцу. Въ жизненныхъ словахъ призываетъ онъ своего ученика къ чтенію св. книгъ и указываетъ успѣшный путь для этого. „Сынъ мой“, пишетъ онъ, „усердно читай божественныя писанія. Но, читая ихъ, мы имѣемъ нужду въ большомъ вниманіи къ себѣ, чтобы не сказать чего-либо опрометчиваго или подумать. Читая божественныя писанія съ вѣрою и угоднымъ Богу пониманіемъ, стучи въ затворенныя двери ихъ и они будутъ отверсты тебѣ привратникомъ, какъ сказалъ Иисусъ... Читающій писанія, привильно и съ твердою вѣрою въ Бога, обрѣтаетъ сокровенный для многихъ разумъ ихъ. Но только не прекращай стучать и искать, такъ какъ весьма нужна молитва о пониманіи св. писаній. Поощряя къ ней,

¹⁾ Comment. in. Matth. ser. 110 (M. XIII. col. 1757).

²⁾ In. Ierem. hom. IX, 3 (M. XIII. 353).

³⁾ In. Ierem. IV. 6 (293).

⁴⁾ In. Genesim homil. X, 2 (XII 216); II, 3 (M. XII 234)

Спаситель не только сказалъ: „стучите и отверзется вамъ“, но также: „просите и дано будетъ вамъ“ (Матѣ. VII, 7 ¹).

Однако, горячо призывая къ чтенію св. Писанія, Оригенъ ставитъ извѣстныя границы для него. Такъ несовершеннолѣтній, по его мнѣнію, конечно, не получитъ ни пользы, ни вреда отъ чтенія книги „Пѣснь пѣсней“. А кто по тѣлу только, а не по духу взрослый человѣкъ, тотъ найдетъ въ ней немало трудностей и опасностей. Кто не привыкъ цѣломудреннымъ слухомъ слышать языкъ любви, тотъ даже чрезъ св. Писаніе, можетъ быть возбужденъ къ страсти. Поэтому, Оригенъ рѣшительно отговариваетъ отъ чтенія „Пѣсни пѣсней“ духовно и душевно незрѣлыхъ, ссылаясь при этомъ на примѣръ іудеевъ, которые запрещали юношамъ чтеніе извѣстныхъ отдѣловъ св. книгъ ²).

Д. Леонардовъ.

(Продолженіе будетъ).

¹) Epistola ad Freg. Thaummat. III (XI col. 92). Срав. Иоанн. X, 8. „Ему привертыкъ отворяетъ“.

²) Prol in Cant. Cant. (M. XIII col. 63) „Ob hoc ergo moneo et consilium do omni qui nondum carnis et sanguinis molestus caret neque ab affectu naturae materialis abscedit, ut a lectione libelli hujus eorumque, quae in eo dicuntur, renitus temperet. Изъ этого мѣста очевидно, что мнѣніе Редепеннинга о томъ, будто Оригенъ предоставлялъ полную свободу всѣмъ въ чтеніи св. Писанія, — несправедливо. (Ср. Redepenning. Origenes, sein Leben und Seine Lehre. Band. 1. Seit. 271).

Историческій процессъ религіозно-нравственнаго развитія чело- вѣчества по апостолу Павлу.

Въ основу своихъ работъ исторіософъ обычно кладетъ извѣстную схему, какъ принципъ развитія, которая и служитъ для него точкой отправления въ его изученіи исторіи чело-
вѣства. Но подобный приѣмъ допустимъ въ томъ случаѣ, когда исторіософъ самостоятельно старается уловить основные моменты связнаго развитія чело-
вѣческой жизни, когда онъ самъ является судьей исторіи. Изображеніе же историческаго процесса чело-
вѣчества въ пониманіи Ап. Павла, нѣсколько измѣняетъ дѣло. Здѣсь на первый планъ выступаетъ необходимость найти основную точку зрѣнія самого Апостола на историческое дѣланіе. Прежде, чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію сущности процесса, естественно посмотрѣть: изъ какой руководящей идеи исходитъ апостоль при опредѣленіи смысла тѣхъ, или другихъ историческихъ явленій. Есть ли исторія чело-
вѣчества чисто механическое сдѣяніе событій, гдѣ все зависитъ отъ слѣпонаго случая, или наоборотъ въ основѣ историческаго процесса лежитъ идея порядка, цѣли, закономерности. Въ зависимости отъ того, или другого взгляда опредѣляется и участіе личности въ историческомъ развитіи чело-
вѣчества. Фаталистическая точка зрѣнія на исторію сводитъ къ нулю значеніе личности въ историческомъ процессѣ. Личность здѣсь слѣпое орудіе, автоматъ, безсознательно выполняющій историческія функціи. Внести что-либо свое, повліять такъ, или иначе на ходъ историческаго движенія, чело-
вѣкъ здѣсь не въ состояніи. Онъ не творецъ, не кузнецъ своего счастья.

Видное положеніе чело-
вѣку въ исторіи отводитъ другой взглядъ, который въ историческомъ процессѣ все приписываетъ

личной инициативѣ, какъ главному рычагу, управляющему всѣмъ механизмомъ исторіи. Здѣсь человекъ является какъ активное существо, онъ—единственный факторъ исторіи, дающій направленіе цѣлымъ историческимъ эпохамъ. Насколько въ первомъ взглядѣ на исторію принижается значеніе каждаго индивидуума до степени простого автомата, настолько въ данномъ случаѣ возрастаетъ его значеніе. Съ точки зрѣнія второго взгляда на исторію, послѣдняя есть процессъ непрерывнаго, индивидуальнаго творчества, совокупность отдѣльныхъ человѣческихъ поступковъ, сознательно и активно направляющихъ исторію къ опредѣленнымъ цѣлямъ. Человекъ самъ создаетъ исторію, все въ исторіи чрезъ человека. Частыя отклоненія человечества со своего историческаго пути, нравственныя паденія, моменты подъема и совершенствованія, все это имѣетъ своею первопричиною человека, какъ личность творческую. Идея рока, желѣзной необходимости въ процессѣ развитія, опредѣляющая внутреннюю жизнь человечества, словомъ дѣйствіе какихъ-то высшихъ силъ, будь то историческіе законы, или христіанская идея промысла, здѣсь упраздняется.

Такимъ образомъ, исторія человечества, въ глазахъ одной части людей ею занимавшихся, представляетъ какую то бессознательную эволюцію, совершающуюся по законамъ исторической необходимости. Съ точки зрѣнія другихъ, она есть исключительно дѣло человѣческихъ личностей, которыя сами создаютъ исторію и управляютъ ея ходомъ. Эти двѣ крайности должны найти свое примиреніе въ одномъ опредѣленномъ взглядѣ. Исторія человечества, въ глубоко психологическомъ освѣщеніи Ап. Павла, отражаетъ свободный и чисто христіанскій взглядъ на историческіе факторы, взглядъ подтверждаемый и исторической дѣйствительностью. На протяженіи всѣхъ посланій этого апостола, можно найти точку примиренія двухъ крайностей въ глубоко христіанской идеѣ провиденціализма. Эта идея проливаетъ свѣтъ на многія загадочныя явленія историческаго процесса. Она, не уничтожая зерно истины въ обоихъ вышеуказанныхъ направленіяхъ по вопросу о факторахъ міровой исторіи, даетъ объясненія многимъ моментамъ историческаго процесса. Вытекая изъ теистическаго пониманія

міра и человѣка идея провиденціализма, покоящаяся на признаніи Божескаго участія въ судьбахъ человѣчества, устанавливаетъ въ сознаніи апостола-особую точку зрѣнія на историческій процессъ, точку зрѣнія „телеологическую“. Исторія человѣчества, со стороны ея факторовъ, есть по мысли апостола гармоническое взаимодействіе двухъ силъ: Божеской—промыслительной и человѣческой—созидательной. Человѣкъ отнюдь здѣсь не устраняется съ исторической сцены, какъ активный дѣятель. Наоборотъ. Значительная доля участія въ строеніи исторіи предоставляется человѣку. По первому впечатлѣнію, если мы остановимъ свое вниманіе на отдѣльныхъ моментахъ историческаго процесса, можетъ показаться, что человѣкъ самъ ведетъ свою исторію, расходясь повидимому съ планами Божескаго руководительства. Человѣческая сторона исторіи, изображаемая апостоломъ, можетъ привести пожалуй къ серьезнымъ недоумѣніямъ, поставить не одинъ вопросительный знакъ... Такъ сложна и видимо противорѣчива эта историческая дѣйствительность, созданная человѣческой свободой. Историческій процессъ, поскольку онъ создается человѣкомъ, трудно поддается объясненію и обобщенію своихъ законовъ. Въ иныхъ случаяхъ, настолько является непонятнымъ тотъ, или другой шагъ человѣчества, что сомнительной кажется и самая идея благого провидѣнія, направляющаго ходъ исторіи къ опредѣленнымъ цѣлямъ.

Однако, это сомнѣніе скоро исчезаетъ, какъ только вспомнить высокій библейскій взглядъ на человѣка, какъ на личность свободно-разумную, неприкосновенную въ своей свободѣ, даже со стороны самого Бога. Образъ Божій свято чтится въ человѣкѣ и свобода—это самое дорогое свойство человѣческой личности, является вершителемъ судебъ цѣлыхъ народовъ, важнымъ факторомъ въ процессѣ историческаго развитія. Провидѣніемъ терпятъ всѣ опшибки на пути историческаго движенія человѣчества, какъ результатъ самоопредѣляющагося человѣческаго „я“, допускается свободное проявленіе и злой воли въ тварныхъ существахъ, хотя до извѣстныхъ предѣловъ. Въ силу свободы людской и исторія человѣчества не прямая линія, математически опредѣлившаяся, а ломанный путь до безконеч-

ности разнообразный и запутанный. Цѣлыя вѣка, напримѣръ, человѣчество только и дѣлаетъ, что катится по завѣдомо ложному пути за тѣмъ, чтобы по прошествіи извѣстнаго періода, въ ужасѣ взглянуть на себя и съ болью вспомнить о хорошемъ прошломъ. Съ нашей точки зрѣнія подобное явленіе, кажется, представляетъ ясное доказательство нецѣлесообразности въ исторіи человѣчества, говорящее далеко не за, а противъ планомѣрности въ историческихъ движеніяхъ. Между тѣмъ, стоитъ только отрѣшиться отъ субъективнаго пониманія исторіи, взять фактъ въ связи съ прошлымъ и будущимъ человѣчества и дѣло представляется въ иномъ освѣщеніи. Что казалось ранѣе несмысленнымъ и даже нелѣпымъ, на самомъ дѣлѣ, полно историческаго значенія. И этотъ хотя бы фактъ многовѣковаго блужданія человѣчества по пути нравственнаго развращенія, нисколько не уничтожаетъ идеи провиденціализма. Какъ уступка человѣческой свободѣ, которая для своего же блага должна исчерпать себя въ своихъ крайностяхъ, многовѣковая жизнь язычества, только себѣ предоставленнаго, имѣла глубокой педагогическій смыслъ въ общемъ ходѣ исторіи человѣчества. И самому ап. Павлу, давшему намъ въ посланіи къ Римлянамъ, какъ говорятъ ¹⁾, великую теодицію міровой исторіи, стоило только шире взглянуть на планы Божественнаго водительства и его недоумѣніе разрѣшалось полными энтузіазми словами: „о бездна богатства и премудрости и вѣдѣнія Божія! какъ непостижимы судьбы Его и неизслѣдимы пути Его“ (Рим. 4, 33) „ибо все изъ Него, Имъ и къ Нему“ (36 ст.) и въ общемъ, ходъ исторіи несомнѣнно есть разумный порядокъ и планъ, который блительно охраняется провидѣніемъ, ведущимъ человѣчество къ одной опредѣленной цѣли. Пусть человѣчество идетъ разнообразными путями въ своемъ историческомъ движеніи, пусть эти пути часто невѣрны, нецѣлесообразны, пусть они надолго тормозятъ общечеловѣческой прогрессъ, въ общей своей совокупности, люди все таки идутъ впередъ, все ближе къ своему назначенію. И идея провиденціализма, допускающая активное вмѣшательство Божества въ сферу историческаго дѣланія, вполне совмѣстима съ свободой человѣка.

¹⁾ Лекція пр. Голубовскаго.

Взглядъ христіанства на верховное начало—на Бога, какъ на существо живое, взглядъ чуждый всякихъ пантеистическихъ и деистическихъ элементовъ, а съ другой стороны высокое положеніе личности въ христіанствѣ и ея отношеніе къ божеству, исключаютъ всякую возможность деспотизма, какого нибудь произвола и жестокости со стороны Верховнаго Существа. Взаимоотношеніе Богочеловѣка въ христіанствѣ, какъ взаимоотношеніе личностей—отца и сына, предполагаетъ прежде всего уваженіе свободы личности. Самый фактъ предопредѣленія однихъ людей ко спасенію, другихъ къ гибели, основывается по мысли апостола, на предвѣдѣніи Божіемъ. (Римл, 8, 29). Божество всегда считается съ человѣческой свободой, хотя и ограничиваетъ, какъ несовершенную. Предоставляя человѣчеству внутреннюю свободу самоопредѣленія къ добру и злу, Божество всегда полагаетъ внѣшнія стѣсненія проявленіямъ злой воли, когда находятъ это своевременнымъ и полезнымъ. И человѣкъ, въ данномъ случаѣ не имѣетъ права предъявлять къ Богу никакихъ требованій. Сознаніе своей тварности и ограниченности, ставитъ человѣка въ подчиненное положеніе въ отношеніи къ своему Творцу. Правда человѣческая, какъ несовершенная, бессильна вступать въ препирательство съ Божественной правдой, которая, по апостолу, кого хочетъ-милуетъ, а кого схочетъ ожесточаетъ“ (Рим. 9, 18): „Не властенъ ли горшечникъ надъ глиною, чтобы изъ той же смѣси сдѣлать одинъ сосудъ для почетнаго употребленія, а другой для низкаго“ (21 с.). Эти слова, которымъ нельзя отказать въ справедливости, больно отдаются въ душѣ каждой личности. Нравственное сознаніе человѣка, какъ свободно-разумнаго существа, „который призванъ къ свободѣ“, не мирится съ этой мыслью апостола—жестокимъ кажется это слово. Неужели человѣческая личность, сотворенная по Образу Божію и имѣющая своимъ назначеніемъ богоуподобленіе, ничто въ глазахъ Божіихъ? Нѣтъ. Идея любящаго Бога, который избралъ насъ во Христѣ прежде созданія міра“ (Еф. 1, 4), Который возлюбилъ человѣка, когда онъ былъ еще грѣшникомъ“ (Рим. 5, 6—7), смѣняетъ это отчаяніе чувствомъ живой радости. И это чувство радости и твердой надежды на Бога, Который не въ ущербъ человѣческой

свободѣ, ведетъ человѣка къ его высокому назначенію, сквозить во всѣхъ посланіяхъ Апостола. Любовь Божія служитъ гарантіей сохраненія свободы личности и гонитъ всякую мысль о несправедливомъ предопредѣленіи людей-однихъ ко спасенію, а другихъ къ гибели.

Исторія человечества, какъ результатъ взаимодействія двухъ разумно-свободныхъ факторовъ—Бога и человѣка, эта исторія не фаталистична. Исторія, выполняющая въ своемъ общемъ ходѣ предначертанія промысла, отнюдь и не связана этими послѣдними, какъ чуждыми, навязанными ей извнѣ. Эти предначертанія тѣсно, можно сказать больше, органически связаны со всѣмъ предшествующимъ ходомъ историческаго процесса. Они какъ увидимъ впоследствии,—естественное завершеніе тѣхъ или другихъ историческихъ моментовъ, необходимое слѣдствіе предшствующихъ причинъ. Дѣло въ томъ, что человѣкъ дорогъ Богу не какъ страдательное орудіе Его воли,—такихъ орудій довольно и въ мірѣ физическомъ,—а дорогъ, какъ добровольный союзникъ и соучастникъ Его всемірнаго дѣла ¹⁾“. Поэтому всѣ Божественныя цѣли, опредѣляющія собою часто направленіе цѣлыхъ историческихъ эпохъ, не принимаются пассивно человечествомъ, какъ нѣчто принудительное. Нѣтъ. Они, вполне гармонируя съ естественнымъ путемъ развитія общечеловѣческой души, находятъ откликъ въ душѣ въ силу духовнаго родства двухъ субъектовъ, именно въ безотчетномъ и инстинктивномъ тяготѣніи каждаго къ цѣли духовнаго совершенствованія, дѣлаются собственными стремленіями человѣческаго духа, его насущными потребностями. Такимъ образомъ. Божественныя планы руководящія процессомъ историческаго развитія человечества, входя въ плоть и кровь послѣдняго, дѣлаются его собственными планами. Эти планы въ формѣ сознательнаго или полуинстинктивнаго стремленія, при сохраненіи свободы самоопредѣленія человѣка. являются главнымъ импульсомъ на пути историческаго прогресса. И участіе высшей силы въ историческихъ судьбахъ человечества, не уничтожаетъ естественной эволюціи. Она идетъ своимъ чередомъ, ее нельзя

¹⁾ В. С. Соловьевъ „Опр. добра“ гл. VI, стр. 187.

отрицать, она есть фактъ. Провидѣніе только направляетъ ее къ лучшимъ послѣдствіямъ.

Насколько сохраняется индивидуальное творчество и въ процессѣ развитія человѣчества и какое мѣсто Апостоль удѣляетъ естественному совершенствованію, представляя руководящее направленіе въ исторіи провидѣнію, увидимъ впослѣдствіи, когда будемъ разбирать историческій процессъ въ связи съ фактами, которыми Апостоль иллюстрируетъ свои воззрѣнія. Теперь, какъ резюме всего сказаннаго, можно привести классическое мѣсто изъ одного апостольскаго посланія, очень характерное. „Со страхомъ и трепетомъ совершайте свое спасеніе, потому что Богъ производитъ въ васъ и хотѣніе и дѣйствіе по своему благоволенію“ (Фил. 2, 12—13). Эти слова апостола, въ которыхъ онъ раскрываетъ свой взглядъ на спасеніе человѣка (со стороны его факторовъ), прекрасно поясняютъ его точку зрѣнія и на историческій процессъ человѣчества вообще, какъ на фактъ гармоническаго взаимодействія двухъ началъ: Божескаго и человѣческаго. Провиденціальное руководство человѣчества нисколько не противорѣчитъ этой гармоніи, потому что подчиненіе человѣка Провидѣнію не является слѣпымъ и рабскимъ—человѣкъ отнюдь не бессмысленное, а сознательное орудіе высшихъ силъ.

II.

Изъ опредѣленія основной точки зрѣнія Апостола на историческій процессъ, со стороны его факторовъ, выясняется нѣсколько и сущность этого процесса. По крайней мѣрѣ, внѣшній механизмъ процесса заключается во взаимодействіи двухъ силъ, въ постоянномъ творествѣ отдѣльныхъ индивидуумовъ. Однако, такое опредѣленіе историческаго процесса со стороны его формы крайне неопредѣленно и далеко недостаточно. Вѣдь всякая жизнь, поскольку она не есть простое существованіе, есть взаимодействіе, творчество. Это, не только въ царствѣ людей, какъ свободно-равумныхъ существъ, а и въ мірѣ животныхъ, растений. Эволюція, какъ переходъ отъ низшихъ формъ бытія къ высшимъ, процессъ всемірнаго совершенствованія есть основной законъ міровой жизни. Поэтому, характеризо-

вать историческую жизнь человѣчества, только какъ стремленіе къ совершенствованію, къ развитію того, что дано въ человѣческой душѣ, какъ первичное, зачаточное, это значитъ, ничего не сказать. Понятіе человѣка, какъ существа смыслящаго и свободнаго, который сознательно долженъ жить и ставить цѣли, отдавая всегда отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, выдвигаетъ совершенно новый вопросъ о смыслѣ жизни, о конечной цѣли совершенствованія. И ап. Павелъ, захватывающій въ своихъ посланіяхъ отдаленное прошедшее человѣчество, и невѣдомое будущее, несомнѣнно не имѣлъ въ виду увѣковѣчить одни только историческіе факты. Наоборотъ. Его исторія человѣчества есть по преимуществу исторія, наиболѣе характерныхъ моментовъ историческаго дѣланія. На этихъ моментахъ, Апостоль останавливаетъ свое особенное вниманіе, старается понять ихъ внутреннее значеніе въ отношеніи къ основной идеѣ исторіи, къ ея общему смыслу. Что сдѣлалъ человѣкъ на протяженіи многихъ вѣковъ въ своей внутренней жизни, какой цѣли достигали тѣ, или другія историческія эпохи, какъ осуществлялись, насколько цѣнны, обо всемъ этомъ Апостоль говоритъ постольку, поскольку это необходимо для его основной цѣли, показать какой смыслъ имѣла вся многовѣковая исторія человѣчества, гдѣ ея исходное начало и конецъ. Невозможно представить, чтобы человѣчество, какъ совокупность различныхъ существъ, шло во всѣ періоды своей исторіи случайно пробитой тропой, безъ всякой цѣли и смысла. Пусть были долгія пріостановки и временный регрессъ, пусть были многія, невѣрныя, не ведущія къ цѣли, пути, пусть человѣчество не много запоздало, такъ какъ не руководилось принципомъ наименьшей затраты силъ и времени,—оно все таки приближается къ своему идеалу. Исторія человѣчества, представляющая комбинацію какихъ то случайныхъ и повидимому не полезныхъ явленій, на самомъ дѣлѣ, вращается все время около одного центральнаго пункта, только имъ живетъ и къ нему стремится. Этотъ центральный пунктъ, есть идея Богочеловѣчества, какъ конечная цѣль разумныхъ существъ. Эта великая міровая тайна, которую Богъ, по апостолу, „прежде положилъ во Христѣ,—дабы все небесное и земное соединить

подъ главою Христомъ“ (Еф. 1, 9—10), примиривъ съ Собою все посредствомъ Его, умиротворивъ черезъ Него, кровію креста Его, и земное и небесное“ (Кол. 1, 20), „да будетъ Богъ все во всемъ“ (1 Кор. 15, 28).

Конечный смыслъ исторіи и ея отдѣльныхъ моментовъ, опредѣляются по Апостолу ея отношеніемъ къ средоточію ея—идеи Богочеловѣка—Христа. Въ первую половину своей исторической жизни, человѣчество стремится найти свое основаніе, отъ котораго оно своевольно оторвалось въ лицѣ своего родоначальника. Историческій путь заблужденій и нравственнаго паденія, повидимому такъ далекій отъ всякаго стремленія къ правдѣ и свѣту, на самомъ дѣлѣ, проникнуть былъ однимъ, быть можетъ, до извѣстной степени инстинктивнымъ стремленіемъ соединить небо съ землей, которые расторгла человѣческая свобода. Человѣческая природа, создавшая дисгармонію во всемъ строѣ міровой жизни, и породившая разладъ въ собственной душѣ, не въ состояніи была жить этой аномаліей. Духовная сущность человѣка всячески протестовала противъ такого порядка вещей. Пусть эта оппозиція была мало замѣтной, пусть ея голосъ не всегда беспокоилъ людей, она всегда жила въ человѣкѣ, какъ голосъ внутренняго человѣка, поработеннаго грѣхомъ. Та психологія духовной борьбы человѣка, со властью грѣха, та раздвоенность человѣческой природы, которую Апостоль показаль намъ въ одномъ изъ своихъ посланій (Рим. 7, 14—27), всегда имѣла мѣсто въ человѣческой душѣ. „Наше житіе на небесѣхъ“ (Фил. 3, 20)—эти слова Апостола выражаютъ общее и давнишнее желаніе всего человѣчества, которое всегда тяготилось землей, потому что оно небеснаго происхожденія. Вникая въ процессъ исторической жизни человѣчества, мы видимъ, что стремленіе къ богообщенію никогда не исчезало и въ средѣ язычествовавшаго міра и не могло исчезнуть, потому что оно было выраженіемъ его насущныхъ потребностей (Рим. 2, 14—15). Правда, язычество не устояло въ томъ строѣ религіозной жизни, который былъ нарушенъ грѣхопадениемъ „и славу нетлѣннаго Бога измѣнило въ образъ, подобный тлѣнному человѣку, и птицамъ, и четвероногимъ, и пресмыкающимся“ (Рим. 1, 23). Однако, человѣчество не утра-

тило идеи богообщенія, не отказалось отъ высшей цѣли своего существованія. Язычники оказались „богоненавистниками“ (3 с.) въ томъ смыслѣ, что они отреклись отъ истиннаго пути къ совершенству, указанному Провидѣніемъ, ошиблись въ средствахъ достиженія богообщенія, пошли своимъ ложнымъ путемъ. Отъ Бога, какъ конечной цѣли своего существованія, они не отказались. „Замѣнивши истину Божию ложью“ (25 ст.), язычники всетаки „поклонялись и служили твари“, т. е. не переставали искать Бога, что доказали самымъ фактомъ идолослуженія. Въ своей религіозной жизни язычники руководились, хотя и смутнымъ, но законнымъ идеаломъ возможно лучшей жизни, жизни во взаимоотноеніи съ Божествомъ, которое представляли по своему, сообразно съ своимъ грѣховно-плотскимъ міровоззрѣніемъ. Если язычество можно укорить въ томъ отношеніи, что оно отвергло Божество, какъ авторитетъ, и автономно, чрезъ самовольное дѣйствіе, захотѣло овладѣть тѣмъ совершенствомъ, къ которому было призвано по своей природѣ; то нельзя его упрекнуть въ намѣренномъ возстаніи противъ Бога, въ потерѣ самой идеи совершенствованія. Свернувъ съ прямого пути, человѣчество пошло своей дорогой къ „невѣдомому Богу“, долго оно искало Его, томилось тоской, которая, наконецъ, разрѣшилась всеобщимъ воплемъ отчаянія, горькимъ признаніемъ своей беспомощности и безсилія. А человѣчество, въ лицѣ своего представителя, стояло вначалѣ на пути положительнаго дѣланія. Постепенно познавая Божество, приобщаясь Его жизни, живя лицезрѣніемъ своего Творца, человѣчество должно было только переживать блаженство богообщенія. Но актъ человѣческой свободы, посягнувшей на боговластіе, искажилъ порядокъ вещей. „Какъ однимъ человѣкомъ грѣхъ вошелъ въ міръ и грѣхомъ смерть, такъ и смерть перешла во всѣхъ человѣковъ, потому что въ немъ всѣ согрѣшили“ (Рим. 5, 12). Фактъ всеобщаго паденія, нарушившій первоначальные планы Провидѣнія, своимъ происшествіемъ опредѣлялъ характеръ и дальнѣйшій ходъ человѣческой жизни. Проявленіемъ своего „я“, какъ начала самодовлѣющаго, человѣкъ положилъ начало исторіи въ собственномъ смыслѣ,—исторіи чисто человѣческой. Историческая жизнь человѣчества пошла теперь дру-

гимъ русломъ. Весь путь жизни человѣчества до Христа есть путь преимущественно самостоятельной мысли, проявленіе собирательной воли. Такое направленіе жизни было дѣломъ и естественной необходимостью. „Непослушаніемъ одного человѣка, говоритъ Апостоль, многіе сдѣлались грѣшниками“ (Рим. 5, 19). Это замѣчаніе Апостола, не разъ имъ подчеркиваемое, очень характерно. Единоличное преступленіе было безсознательнымъ грѣхомъ всего человѣчества. Адамъ, какъ родоначальникъ человѣчества, въ силу единства крови, въ силу не только духовнаго, но и природнаго родства съ своими потомками, долженъ былъ необходимо отразиться и въ каждомъ отдѣльномъ индивидуумѣ. Законъ природной наследственности въ этомъ всемірно-историческомъ фактѣ напелъ наиболее яркое выраженіе. Нашъ прародитель, содержавшій въ себѣ, такъ сказать, *implicite* все человѣчество въ его природномъ началѣ, привилъ сѣмя грѣха всей человѣческой натурѣ, сдѣлавъ его неотъемлемымъ свойствомъ каждой личности, поскольку она связана съ своимъ предкомъ. Въ силу того, что весь родъ человѣческой произошелъ отъ одной крови (Дѣян. 17, 26), грѣхъ Адама не былъ только грѣхомъ индивидуальнымъ, но и родовымъ. Вотъ почему существованіе Адама и его поступокъ уже предрѣшали надолго впередъ будущій путь человѣчества. Последнее въ моментъ паденія уже все жило, предсуществовало реально, своей психо-физической стороной въ своемъ родоначальникѣ. Фактъ грѣхопаденія краснорѣчиво, кажется, подтверждаетъ и то, что исторія въ своей внутренней жизни есть тѣсное, органическое взаимодействіе индивидуумовъ. Каждый шагъ предка, какъ причина, вызываетъ необходимое слѣдствіе въ рядѣ послѣдующихъ поколѣній. Это тѣсное родство людей по своей природѣ, даетъ Апостолу право разсматривать все человѣчество, какъ одинъ цѣлый организмъ.

Переносясь мыслью въ прошлое человѣчества и разсматривая его со стороны духовнаго развитія, со стороны тѣхъ принциповъ, которыми оно руководилось въ своей жизни, Апостоль видитъ единство настроенія, тождество религіозной мысли. Это единомысліе даетъ Апостолу право говорить о язычествѣ, какъ

объ одномъ народѣ, даже какъ объ одномъ человѣкѣ (Рим. 2, 10), изображать его исторію, какъ исторію одного поколѣнія. Апостоль зналъ, что какъ прежнее такъ и современное ему язычество, оставалось вѣрно своимъ основнымъ традиціямъ въ религиозной жизни и съ этой стороны оно было однимъ тѣломъ, проникнутымъ одними стремленіями. Изображеніе же внѣшне-культурной жизни человѣчества, какъ извѣстной націи съ тѣмъ, или другимъ образомъ правленія и политическимъ устройствомъ, съ гражданскими отношеніями, гдѣ, правда, Апостоль могъ бы отмѣтить индивидуальную разницу у многихъ народностей,—такое изображаніе не входило въ задачу Апостола. Правда, въ параллель съ язычествомъ, въ которомъ объединены были для Апостола всѣ народы древняго міра, онъ разсматриваетъ еще жизнь Еврейства, какъ особаго народа. Выдѣливъ ничтожную часть изъ общей семьи человѣчества, Апостоль останавливаетъ на ней особое вниманіе, слѣдитъ за каждымъ шагомъ развитія ея религиознаго сознанія, душевно страдаетъ за Еврейскій народъ, „желая быть даже отлученнымъ отъ Христа за братьевъ своихъ, родныхъ ему по плоти“ (Рим. 9, 3). Однако не кровное, конечно, родство съ Іудейскимъ народомъ—причина особеннаго вниманія Апостола къ этой націи. Особое положеніе этого народа на пути историческаго движенія къ цѣли существованія, его провиденціальнаго назначенія, осуществляемое подъ непосредственнымъ руководствомъ Божественнаго авторитета—вотъ, что даетъ основаніе Апостолу самостоятельно говорить о Евреяхъ, какъ особой части человѣчества. Еврейство характерно для Апостола не со стороны его индивидуальныхъ качествъ, а со стороны его миссіи, его теократическаго пути, на который оно было поставлено Провидѣніемъ съ момента грѣхопаденія. Духовная жизнь этого народа исторически протекала въ особыхъ условіяхъ. Она регулировалась нормой богооткровеннаго закона, какъ выраженія требованій высшей воли. „И великое преимущество Евреевъ, по Апостолу, состоитъ въ томъ, что имъ было ввѣрено слово Божіе“ (Рим. 2. 3...). Истина, которую оцупью искало язычество, здѣсь была выражена въ формѣ точнаго категорическаго требованія. „Имъ (израильтянамъ) принадле-

жать усыновленіе и слава п завѣты и законоположенія и бого-
служеніе и обѣтованія“ (Рим. 9. 4).

Такимъ образомъ, актъ грѣхопаденія далъ исторической жизни человѣчества два теченія. Большая часть людей, оторвавшись отъ своего центра и избравшая путь свободнаго историческаго движенія, была Провидѣніемъ предоставлена самой себѣ. Покинувъ прямой и легкій путь къ достиженію совершенства и, желая остаться себѣ послѣдовательной, язычеству-ющая часть міра должна была идти къ истинѣ своими окольными и трудными путями. Эти окольные пути къ истинѣ не были обреченіемъ на какое то броженіе въ потемкахъ, безъ всякаго руководства со стороны Провидѣнія. Отвергнувшись отъ человѣчества, Богъ не оставилъ его безпомощнымъ. Человѣчество вступило на путь самостоятельнаго развитія съ знаніемъ истины (Рим. 1, 21), какъ положительнаго идеала, который поддерживалъ въ человѣкѣ и свѣтъ естественнаго откровенія. Мало этого. Въ глубинѣ своего духа оно имѣло чуткость врожденной совѣсти, сердце его было носителемъ естественно правственнаго закона—„дѣло закона у нихъ написано въ сердцахъ, о чемъ свидѣтельствуется совѣсть ихъ и мысли ихъ, то обвиняющія, то оправдывающія одна другую“ (Рим. 2, 15). Наконецъ, въ рукахъ язычниковъ было еще естественное средство богопознанія: созерцаніе окружающихъ явленій природной жизни, которая краснорѣчиво говорила о Божественныхъ совершенствахъ. Правда, этотъ естественный путь богопознанія не указывалъ практическихъ пріемовъ для проведенія истины въ жизнь, но онъ прояснялъ истину въ сознаніи, какъ единственную цѣль человѣческихъ стремленій (Рим. 1, 19—20). Все это не было, такъ сказать, привилегіей, спеціальнымъ благомъ, которымъ снабдило Провидѣніе язычника, отправляющагося въ дальнее и неизвѣстное путешествіе. Это духовное содержаніе было врожденнымъ богатствомъ его души, его неотъемлемымъ достояніемъ. Нужно сказать, что отверженіе язычниковъ Богомъ, какъ естественное слѣдствіе ихъ добровольнаго уклоненія, было актомъ полной справедливости. Не желая нарушить человѣческой свободы и прекратить временно видимое вмѣшательство, Провидѣніе не отняло

у человѣка возможности идти путемъ правды. Всѣ данныя, устоять въ истинѣ богопознанія и идти къ цѣли надежнымъ путемъ, были на лицо, такъ что всякое самооправданіе юридически было невозможнымъ и незаконнымъ. Съ точки зрѣнія справедливости, какъ такой, язычники, „не прославившіе впоследствии Бога и осуетившіеся въ умствованіяхъ своихъ“ (Рим. 1, 21), передъ судомъ Божиимъ „были безотвѣтны. Путь нечестія, которымъ пошло язычество, имѣлъ причину только въ немъ самомъ, не больше. Предъявляютъ какія бы то ни было требованія, претенціознаго характера въ отношеніи къ Богу, язычники не имѣли права.

По первому впечатлѣнію, быть можетъ, фактъ отверженія язычниковъ представляется проявленіемъ жестокости со стороны Бога, особенно когда поставить въ параллель этому отношенію, отношеніе Бога къ избранному народу Еврейскому. Каждый шагъ Еврея предусмотрѣнъ не только въ области религіознаго развитія, но и въ сферѣ гражданско-политической жизни. Обрѣзанія, омовенія, разнаго рода жертвы, многочисленныя предписанія и т. п. словомъ, весь укладъ жизни, нормируемый точной буквой закона Моисеева, ясно говорилъ Евреямъ о средствахъ къ достиженію Богообщенія. Здѣсь человѣкъ, кажется, никогда не могъ сойти съ истиннаго пути, потому что иной, заботливо-воспитательной обстановки нельзя, повидимому, было и придумать. Однако такое, какъ будто крайне пристрастное отношеніе Бога къ одной части людей, въ ущербъ остальному человѣчеству, можетъ быть результатомъ только перваго впечатлѣнія. На самомъ дѣлѣ Еврей не получалъ никакихъ выгодъ въ смыслѣ скорого и легкаго достиженія высшей цѣли своего существованія, потому что дарованный ему положительный законъ былъ выраженіемъ того же нравственнаго закона, какимъ руководились и язычники. Законъ Евреевъ только ясно и точно формулировалъ тѣ велѣнія совѣсти и естественныя добрыя влеченія человѣка, которыя были присущи и душѣ язычника и представилъ ихъ народу въ формѣ внѣшне законныхъ предписаній. Изъ ученія Апостола о смыслѣ закона и его значеніи въ жизни Еврейскаго народа ясно, что этотъ законъ данъ былъ отнюдь не для достиженія совершен-

ства. Отношеніе Бога къ человѣку, выражаемое закономъ, было основано на чисто юридической идеѣ самодѣятельности и возмездія. Правда, „законъ былъ святъ, и заповѣдь свята и праведна и добра“ (Рим. 7, 12), „исполнители закона оправданы будутъ“ (2, 13), и Іудей старался рьячески примѣнить норму закона къ жизни, въ надеждѣ достигъ состоянія праведности.

Однако это доброе стремленіе приводило іудея не къ исполненію закона, имѣло своимъ фактическимъ слѣдствіемъ не воплощеніе закона въ жизни, а только уясняло ему самый смыслъ и назначеніе закона, его временныя цѣли. Сознаніе же дѣйствительнаго назначенія, закона, который данъ былъ затѣмъ, чтобы въ конецъ уничтожить въ человѣкѣ горделивую вѣру въ себя, породивъ, нравственныя страданія, такое сознаніе камнемъ ложилось на душу, приводило къ смиренію. Законъ, заставлявшій жить человѣка неудовлетвореннымъ, требовавшій крайняго напряженія силъ, въ концѣ концовъ приводилъ человѣка къ горькому разочарованію. Онъ убивалъ человѣка, (2 Кор. 3, 6), заключалъ его подъ грѣхъ (Гал. 3, 22), несъ гнѣвъ Божій (Римл. 4, 15), проклятіе, „какъ неисполнившему всего того, что написано въ книгѣ закона (Гал. 3, 10). Еврей-исполнитель закона не зналъ, что конечная цѣль закона: „познаніе грѣха“ (Рим. 3, 20), потому что посредствомъ заповѣди грѣхъ становится сознательнымъ и потому крайне грѣшнымъ (Рим. 4, 15; 7, 7—14). Законъ, переводя грѣхъ изъ области безсознательнаго въ сферу личнаго сознанія и свободной воли и дѣлая человѣка уже внутреннимъ участникомъ преступленія, увеличивая силу грѣха („сила грѣха—законъ“ 1 Кор. 15, 56), и дѣлалъ самого человѣка нравственно-отвѣтственнымъ и заслуживающимъ возмездія. Мало этого. Законъ дѣлая человѣка юридически преступникомъ и вмѣняя ему грѣхъ, какъ дѣло свободнаго произволенія, приводилъ человѣка къ убѣжденію въ его фактической неспособности дѣлать добро,—порождалъ состояніе душевной раздвоенности (Рим. 7, 14—23). Законъ писанный открывалъ человѣку наличность другого закона во внутренней природѣ человѣка—„закона грѣховнаго“, который порабощалъ человѣка, дѣлая его своимъ плѣнникомъ (17, 23). Грѣхъ познавался какъ свойство природы, какъ нравственная

немошь и человекъ поставленный между двумя силами: силой закона Божія, влекущаго къ добру и силой закона грѣховнаго парализовавшаго всякое усиліе идти по пути праведности, долженъ былъ нравственно страдать отъ сознанія своего безсилія. „Бѣдный я человекъ! кто избавить меня отъ сего тѣла смерти“ (Рим. 7, 29), эти слова Апостола очень ярко выражаютъ психологію подзаконнаго человека, заключеннаго подъ иго закона. Поставленный между двумя теченіями—плоти и духа, человекъ долженъ былъ вести тяжелую и непосильную борьбу, которая всегда оканчивалась тяжелымъ пораженіемъ для внутренняго человека. Человекъ, какъ рабъ грѣха, не въ состояніи былъ разрушить эти тиски сдвливающие его добрые порывы и заставлявшіе его служить, помимо желанія, началу зла, нравственно его умервщлявшему. Такимъ образомъ, всякая попытка исполнить законъ покупалась цѣной нравственнаго страданія. Стремленіе жизни согласно съ закономъ, имѣло слѣдствіемъ духовную смерть, несло возмездіе, вызывало проклятіе. И стоитъ только немного войти въ положеніе іудея, охраняемаго отовсюду закономъ, чтобы понять какая тяжелая трагедія происходила въ его внутренней жизни. Язычники, которыхъ Богъ предалъ въ похотяхъ сердець ихъ нечистотѣ, предалъ постыднымъ страстямъ, (Рим. 1, 24—26), такъ мучительно не страдали. Надъ ними не висѣлъ этотъ контроль закона, постоянно укорявшій въ нравственной несостоятельности, и жестоко каравшій за нарушеніе своихъ требованій. Могучая волна беззаконія, нечистота и растлѣніе, какъ физическое, такъ и нравственное, скоро заставили умолкнуть голосъ нравственнаго сознанія... Жизнь теперь регулировалась своими законами, выработанными плотскимъ грѣховнымъ человекомъ. Ею руководило исключительно начало грубаго, животнаго эгоизма, самообоготворенія. Здѣсь повидимому были моменты, когда человекъ былъ нравственно спокоенъ, испытывая по своему хотя временное удовлетвореніе. Самый процессъ стремленія къ намѣченной (пусть ложной) цѣли, которую бессознательно ставило себѣ человечество въ поискахъ за истиной, былъ всетаки счастливой минутой надежды. Человекъ, хотя недолго, но жилъ пріятной иллюзіей;

въ каждый опредѣленный моментъ у него была цѣль, результаты которой онъ не могъ предвидѣть и которая заполняла все его существованіе! Мучительная тоска по истинѣ проснулась уже въ концѣ его историческаго пути, передъ пришествіемъ Спасителя. Ничего подобнаго не было у Еврея ¹⁾ подзаконнаго, такъ какъ законъ немедленно разрушалъ всѣ его мечты, обращая въ горькій самообманъ его стремленіе къ самоправедности. Еврей былъ освобожденъ отъ труда выработать себѣ опредѣленную практическую программу жизни, ее ему диктовалъ законъ, на которомъ онъ и долженъ былъ пробовать свои силы. Теоретическое познаніе о Богѣ, какъ такое, было сообщено ему въ формѣ ясно выраженнаго ученія. Поэтому свои духовныя силы Еврей долженъ былъ направлять преимущественно на воплощеніе закона въ жизнь и этимъ путемъ выработать изъ себя идеальнаго человѣка. Въ своей духовной жизни іудей стоялъ передъ прямой и широкой дорогой, на которую и долженъ былъ направлять свою самостоятельность. Религіозно-практическая жизнь язычествовавшаго міра текла въ иномъ направленіи. Здѣсь, правда, дѣло не въ цѣли, послѣдняя, какъ увидимъ, была общей у іудеевъ и язычниковъ. Вопросъ въ томъ, какъ практически достигалась эта общечеловѣческая цѣль совершенствованія, какими познаніями располагала языческая мысль ²⁾ и какой нравственной нормой руководилось язычество въ своемъ духовномъ развитіи? У него впереди въ самомъ началѣ его исторіи, не оказалось настоящаго пути, потому что Божественныя начала жизни, заложенные въ душѣ, скоро ослабѣли и совсѣмъ угасли, какъ только возгосподствовало начало эгоизма и началось торжество плоти надъ духомъ. „Будучи помрачены въ разумѣ, „язычники были отчуждены“ отъ жизни Божіей, по причинѣ ихъ невѣжества и ожесточенія сердець ихъ“ (Евр. 4, 18). Естественнo-нравственный законъ скоро пересталъ совсѣмъ реагировать на

1) Не имѣемъ въ виду спеціальныя обѣтованія, данныя избраннымъ ветхозавѣтнымъ людямъ.

2) Разумѣется, познаній религіозныхъ, теоретически обоснованныхъ и ясно выраженной конечной цѣли своего существованія—у язычниковъ не было, хотя смутное предчувствіе этого было и у нихъ.

волю, голосъ совѣсти окончательно смолкъ и язычникъ остался безъ всякаго руководящаго начала. Если что и осталось отъ прежняго,—то одно только смутное влеченіе къ чему то лучшему, одна только неустойчивая форма, которую язычество и стремилось заполнять разнообразнымъ содержаніемъ. Оно создаетъ одну форму идолослуженія съ тѣмъ, чтобы въ самомъ не-продолжительномъ времени замѣнить ее другою. И на всемъ протяженіи своей исторіи язычество только и дѣлаетъ, что одною рукою разрушаетъ то, что такъ усиленно другою созидаетъ. Религіозное міровоззрѣніе, созданное лучшими людьми и практическій путь къ совершенствованію скоро обнаруживаютъ свою несостоятельность, не удовлетворяютъ духовно-голодающаго язычника. Но язычникъ не смущается этимъ. Повинуясь какой то невѣдомой силѣ („ходили къ безгласнымъ идоламъ—такъ, какъ бы васъ вели“) (Кор. 12, 2), онъ ищетъ все новыя формы, выбираетъ другіе пути, попадая среди этихъ исканій на края духовной пропасти, переживая состоянія крайняго невѣрія, развращенности. Язычникъ, оторвавшись отъ Источника истины, долженъ былъ пережить всѣ крайности въ дѣлѣ своего духовнаго развитія, пройти всѣ стадіи эволюціи грѣха, какъ въ области волевой, такъ и интеллектуальной. Онъ старался не столько осуществлять извѣстную норму ¹⁾, сколько вырабатывать ее въ сознаніи, утверждать на извѣстныхъ основаніяхъ, чтобы представить ее волѣ въ качествѣ безусловно законнаго требованія. Если вся исторія Еврейства есть коллективная попытка осуществить богодарованный законъ, который былъ пробнымъ камнемъ для волевой силы человѣка, для нея по преимуществу,—то вся исторія язычества есть бессильная потуга найти собственнымъ умомъ абсолютную истину, какъ теоретически-обоснованное убѣжденіе, фактическимъ выраженіемъ которой было бы опредѣленное религіозное ученіе и извѣстный культъ. Язычество прежде всего должно было выработать опредѣленные принципы духовной жизни. Прежде стремленія къ Богообщенію оно должно было выяснитъ себѣ самый смыслъ этого взаимнаго союза. Нужно было возстановитъ въ сознаніи идеаль истинны, которая была утрачена язычествомъ. „Они, назы-

¹⁾ Ея у него не было, какъ разъ данной и строго опредѣленной.

вая себя мудрыми, обезумѣли“ (1 Рим. 1 22). „Они не заботились имѣть Бога въ разумѣ, то предаль ихъ Богъ превратному уму—дѣлать непотребство“ (28 с.). Слѣдовательно, язычество работало на исторической сценѣ не столько въ области практическаго примѣненія идеала къ жизни, сколько искало этотъ идеаль, напрягая всѣ усилія ума къ созданію той истины, „которую подавило неправдою“ (Рим. 1, 18). И когда взглянешь на всю исторію человѣчества, съ высоты той цѣли, которую осуществляло Провидѣніе, предоставивъ людямъ самостоятельный путь развитія, то ясно становится, что эта цѣль совершенствованія достигалась своеобразнымъ путемъ. „Богъ всѣхъ заключилъ въ непослушаніе, говоритъ Апостоль, чтобы всѣхъ помиловать“ (Рим. II. 32), чрезъ сознаніе своей немощи, своего нравственнаго безсилія „дабы никакая плоть не хвалилась предъ Богомъ“ (1 Кор. 1, 29). На этомъ историческомъ пути человѣчество должно было изучать себя со стороны своей жизнеспособности, проявляя себя во всемъ, испробовавъ свои духовныя силы во всѣхъ видахъ творчества. Самообольщеніе перваго человѣка, преувеличенное мнѣніе о себѣ на всемъ протяженіи исторіи, должно было детально выясниться и быть понято человѣкомъ, какъ заблужденіе горькое, но поучительное. Эта задача историческаго самосознанія осуществлялась человѣчествомъ одновременно, такъ сказать, съ двухъ сторонъ соотвѣтственно тѣмъ двумъ, относительно самостоятельнымъ центрамъ духовной жизни—уму и волѣ, превратное мнѣніе о которыхъ губило человѣчество. Ветхозавѣтный законъ, какъ выраженіе благодаровапой истины, котораго не могъ исполнить Іудей, приводилъ человѣка къ сознанію своей духовной дряблости, отсутствія силъ, столь необходимыхъ для добродѣланія. Еврей разочаровывался прежде всего въ той могучей духовной силѣ своей, которая является важнѣйшимъ факторомъ въ созиданіи человѣкомъ своего внутренняго счастья. Воля была парализована, она рабствовала грѣху, какъ главному началу духовной жизни. „Желаніе добраго есть во мнѣ, но чтобы сдѣлать оное, того не нахожу“ (Рим. 7, 18)—вотъ тотъ результатъ, къ которому приводилъ законъ Еврея, употреблявшаго всѣ усилія на его исполненіе.

Въ это время язычество, путемъ длиннаго психологическаго опыта, постепенно устанавливало ту же истину ограниченности и поврежденности человѣческой природы съ другой стороны—интеллектуальной. „Что есть истина?“ этотъ основной вопросъ человѣческаго сознанія, какъ необходимаго принципа жизни, всегда стоялъ предъ язычествомъ, звучалъ во всѣхъ его ученіяхъ, красною нитью проходилъ черезъ его культы. Умъ язычника проникалъ всюду, употреблялъ всѣ средства, изоощрался въ умозаключеніяхъ, переходилъ онъ обоготворенія твари къ самообоготворенію и обратно, словомъ, все предпринималъ, чтобы удовлетворить безотчетную потребность въ истинѣ, какъ теоретическомъ догматѣ. Но все, что созидалъ его умъ въ области религіознаго знанія, оказывалось скоро ложью. Внутренній человѣкъ проситъ большаго, суррогаты истины его не удовлетворяли и безконечная смѣна боговъ (въ которыхъ языческой умъ воплощала свой теоретически добытые результаты въ погонѣ за истиной), была явнымъ тому доказательствомъ. Умъ язычника не могъ подняться выше того міра, который окружалъ его, человѣкъ сдѣлался неспособнымъ фактически усмотрѣть „Божество и вѣчную силу въ твореніяхъ видимыхъ“. Сила грѣха и въ сферѣ сознанія сказалась самымъ плачевнымъ образомъ, невольно притягивая умъ человека къ грѣховной землѣ и заставляя оперировать только надъ плотскими вещами. Тотъ же „законъ грѣховный“, который не давалъ человѣку дѣлать добро, препятствовалъ ему и искать добро, какъ основной принципъ жизни. Въ силу „грѣховнаго закона“ міръ своею мудростью не позналъ Бога въ премудрости Божіей (1 Кор. 1 гл.). Такимъ образомъ, трагизмъ положенія какъ Еврейства, такъ и язычества заключался въ роковой борьбѣ между сознаніемъ и желаніемъ должнаго и неспособностью исполнить это должное. На пути къ истинѣ стояла громадная сила внѣшняго препятствія—грѣха, чуждаго природѣ человѣка, разбиравшая въ прахъ всѣ его мечты и добрыя намѣренія, заставлявшая терять всякую вѣру въ себя, вызывая вопль безсилія и безпомощности.

Человѣкъ мучительно страдалъ, толкаемый внутренно на забытый путь богообщенія, порывавшійся къ истинѣ, на дѣлѣ

же служившій злу и невольно ему рабствовавшій. И въ этомъ фактѣ душевнаго страданія, человѣчество невольно оглядывалось на свой пройденный историческій путь, здѣсь личность и приходила къ правильной оцѣнкѣ своихъ духовныхъ силъ. Здѣсь человѣчество въ первый разъ принуждено было взглянуть на себя трезво, безъ всякой предвзятости, долгіе годы идя къ сознанию своей ошибки, совершенной въ лицѣ прародителя. И горькое сознание своего самообольщенія, правильный взглядъ на себя, какъ на ограниченнаго субъекта, нуждающагося въ постоянной поддержкѣ, сторонней помощи, долженъ былъ явиться непремѣннымъ результатомъ долгаго историческаго пути. Что было дѣлать? Что предпринять? Инстинктивное чувство подсказывало, что нужно возвратиться къ старому порядку вещей, нарушенному прародителемъ. Нужно отказаться отъ безусловной самостоятельности, подчинившись Божественному авторитету, возстановить душевную гармонию, опять приблизить Бога къ себѣ и съ сознаниемъ полной покорности Провидѣнію, начать жизнь сначала. Только теперь, послѣ долгаго и печальнаго опыта, вспомнился первозданный еще 'непавшій Адамъ, съ возрожденія котораго и должна была снова начаться исторія.

А. Лебедевъ.

(Окончаніе будетъ).

РУССКАЯ ДУХОВНО-АКАДЕМИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФІЯ, КАКЪ ПРЕДШЕСТВЕННИЦА СЛАВЯНОФИЛЬСТВА И УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ФИЛОСОФІИ ВЪ РОССИИ.

(Продолженіе* *).

III.

Наиболѣе значительные труды академической философіи въ первую половину XIX вѣка. Философія въ Петербургской академіи: прот. Сядонскій и его: „Введеніе въ философію“.

Мы прослѣдили вліяніе академической философіи на университетскую, вліяніе, обусловливавшееся самымъ характеромъ состава университетскихъ профессоровъ, нерѣдко выходившихъ изъ сферы духовныхъ академій. Теперь намъ предстоитъ прослѣдить вліяніе академической философіи на университетскую и на общее просвѣщеніе Россіи по самымъ сочиненіямъ первыхъ академическихъ дѣятелей. Мы должны разсмотрѣть, не затрогивались ли въ академической философіи тѣ вопросы, которые потомъ стали темами университетской философіи и выразились въ различныхъ философскихъ направленіяхъ русской мысли, прежде всего въ славянофильствѣ.

Для достиженія же этой нашей задачи, мы должны изучить содержаніе академической философіи. Конечно, намъ нѣтъ нужды изучать всѣ труды академическихъ мыслителей: для нашей цѣли достаточно изслѣдовать лишь наиболѣе характерныя академическія работы и преимущественно тѣ, которыя имѣютъ отношеніе къ главнымъ философскимъ и общественнымъ направленіямъ русской мысли и, прежде всего, къ славянофильству. Главныя и характерныя положенія славянофильства,

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 3, за 1907 г.

какъ извѣстно, сводились къ очень немногочисленнымъ тезисамъ. Первое мѣсто среди этихъ тезисовъ занималъ выводъ объ односторонности западно-европейской цивилизаціи, съ одной стороны, и самобытности русской культуры и жизни—съ другой. Этимъ же двустороннимъ выводомъ опредѣлялись и дальнѣйшіе пункты ученія славянофиловъ—ихъ ученіе о возможности и необходимости новыхъ началъ философіи. Этотъ же общій вопросъ вызывалъ за собою частное изслѣдованіе западно-европейской культуры по сравненію ея съ русскою, прежде всего въ области религіи и философіи. Отсюда критика началъ западно-европейской культуры и анализъ основныхъ началъ русской жизни и мысли. Мы видимъ, то, что первый основной тезисъ славянофильства вполне естественно велъ за собою цѣлый рядъ вопросовъ на пути изслѣдованія основныхъ началъ западно-европейской и русской жизни.

Теперь является вопросъ, какія же изъ проблемъ, выдвинутыхъ потомъ подъ флагомъ славянофильства, были прежде затронуты представителями академической философіи?

Таковыми проблемами, ранѣе всего затронутыми въ академической философіи, являются именно вопросы о необходимости для Россіи самобытной философіи. Такъ вопросъ этотъ былъ затронутъ въ трудахъ такихъ выдающихся представителей академической философіи, какъ Сидонскій, Карповъ, Новицкій, Михневичъ и др.

Мы начнемъ изслѣдованіе академической философіи съ работы пр. Сидонскаго, какъ одного изъ самыхъ оригинальныхъ и даровитыхъ представителей академической философіи. Сидонскій былъ воспитанникомъ и профессоромъ Петербургской академіи и затѣмъ профессоромъ Петербургскаго Университета. Петербургская академія значительно моложе Кіевской и Московской, если считать началомъ жизни послѣднихъ годы перваго открытія ихъ, не какъ духовныхъ школъ, а какъ вообще единственныхъ, правильно поставленныхъ учебныхъ заведеній Россіи, т. е. для Кіевской академіи 1615 г., а для Московской 1685 годъ. Но если считать жизнь нашихъ академій въ ихъ настоящемъ видѣ, т. е. собственно какъ „духовныхъ академій“,—то Петербургская академія должна считаться старшею

сестрою: она открыта въ 1809 г., какъ первая духовная академія; затѣмъ была преобразована Московская въ 1814 г., далѣе Кіевская въ 1819 г., и наконецъ въ 1842 г. Казанская.

Преподаваніе философіи въ Петербургской академіи, съ самаго начала ея существованія, было поставлено на прочную почву и шло въ курсѣ современной науки, такъ какъ первыми профессорами философіи были иностранцы, получившіе образованіе за границей, именно Фесслеръ и Горнъ ¹⁾. Эти профессора дали солидную постановку философіи въ Петербургской академіи и воспитали цѣлый рядъ дѣятелей для занятія профессорскихъ кафедръ философіи въ другихъ академіяхъ. Такъ, изъ 1-го выпуска Петерб. академіи—1814 г., между прочими, вышелъ Кутневичъ, бывшій потомъ первымъ профессоромъ философіи въ Московской духовной академіи и наставникомъ и руководителемъ знаменитаго профессора и родоначальника философіи въ Московской духовной академіи прот. Теодора Александровича Голубинскаго. Второй же выпускъ Петербургской академіи (1817 г.) далъ извѣстнаго философа Скворцова, сдѣлавшагося потомъ первымъ профессоромъ и родоначальникомъ философіи въ Кіевской академіи. Такимъ образомъ мы можемъ видѣть, что изъ духовныхъ академій Петербургской, какъ старѣйшей, выпало сыграть 1-ю роль въ насажденіи философіи въ духовной средѣ,—и потому мы имѣемъ серьезное основаніе начать изложеніе философіи въ духовной средѣ съ работъ, появившихся въ Петербургской академіи, именно съ произведеній упомянутаго нами профес. прот. Сидонскаго.

Протоіерей Теодоръ Теодоровичъ Сидонскій родился въ 1805 г. По окончаніи Петербургской Духовной академіи въ 1829 г., онъ былъ оставленъ при ней бакалавромъ сперва англійскаго языка, потомъ философіи, которую и преподавалъ до 1835 года, когда онъ, вскорѣ послѣ изданія своего „Введенія въ науку философіи“ долженъ былъ оставить Петерб. академію ²⁾; и за-

¹⁾ Объ этомъ профессорѣ, а также и вообще о характерѣ преподаванія философіи въ Петерб. акад. см. Чистовича: „Исторія С.-Петербург. Дух. Акад. особенно стр. 249—250, 345—347.

²⁾ Причиной невольнаго оставленія Сидонскимъ академіи было то, что его

тѣмъ въ продолженіе цѣлыхъ 30 лѣтъ Сидонскій оставался лишь приходскимъ священникомъ при Казанской церкви въ Петербургѣ. Но въ 1865 году Петерб. университетъ, вскорѣ послѣ открытія по новому уставу (1863 г.) философской каѳедры на историко-филологическомъ факультетѣ, пригласилъ Сидонскаго занять въ качествѣ посторонняго преподавателя каѳедру философіи. Сидонскій читалъ философію въ университетѣ до 1873 г., а въ этомъ году, за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти, послѣдовавшей 6 декабря 1873 года, перешелъ на каѳедру богословія.

Отъ Сидонскаго осталось лишь одно крупное сочиненіе по философіи, именно упомянутое его: „Введеніе въ науку философіи“; изъ мелкихъ же работъ по философіи намъ извѣстна лишь одна: „Критическій этюдъ о „Нѣмецкой психологіи“ Троицкаго (Ж. М. Н. П. 1867 г. 6-ая 925—946 стр.). Такъ какъ всѣ наиболѣе существенные взгляды Сидонскаго высказаны въ его „Введеніи въ науку философіи“, то мы разберемъ исключительно это сочиненіе.

„Введеніе въ науку философіи“ появилось въ 1833 году, когда его автору было всего 28 лѣтъ. Но несмотря на молодость автора, сочиненіе это проникнуто глубоко зрѣлыми мыслями и представляетъ собою выдающееся философское сочиненіе, особенно для своего времени.—Мы изложимъ руководящія мысли этого сочиненія.

Уже въ предисловіи къ своему труду Сидонскій выражаетъ надежду на развитіе философіи въ Россіи: онъ убѣжденъ, что сыны Россіи, призванные давать миръ народамъ своимъ мужествомъ, и успѣхами ума положить прочное основаніе міру въ области умозрѣній¹⁾. При этомъ Сидонскій указываетъ, что продукты умственного творчества народовъ, предварившихъ насъ на поприщѣ образованія, не должны оставаться безплодными, перешедши на нашу почву. Они ожидаютъ отъ сыновъ Россіи спокойнѣйшей обработки, чтобы подъ воздѣйствіемъ генія славянъ принять новую благороднѣйшую форму. Но среди

направленіе, выразившееся въ „Введеніи въ философію“, было найдено недостаточно строгимъ, съ точки зрѣнія школьно-официальныхъ взглядовъ.

¹⁾ Сидонскій „Введеніе въ науку философіи“ Пред. 5 стр.

всѣхъ произведеній умственнаго творчества, среди всѣхъ наукъ философія имѣетъ особое, исключительно важное, значеніе. Если всѣ науки свѣтъ, то философія свѣтъ по преимуществу. Отсюда нашъ мыслитель дѣлаетъ выводъ, что кто не боится свѣта, тотъ не можетъ не полюбить и философіи; и если геній славянъ приметъ участіе въ разработкѣ всѣхъ наукъ, то онъ приметъ участіе и въ разработкѣ философіи. Но, выражая надежду на участіе славянъ въ дѣлѣ развитія философіи, Сидонскій считаетъ нужнымъ предостеречь противъ односторонняго мнѣнія тѣхъ, которые разработку философіи считаютъ удѣломъ какой-нибудь одной націи. Онъ говоритъ ¹⁾, что философія, какъ и самый умъ, не принадлежатъ какому-либо частному лицу, но цѣлому человѣчеству.

Но что же есть философія? Сидонскій подходитъ къ опредѣленію философіи путемъ историческимъ: онъ приводитъ историческія справки, какъ понимали философію въ различныя эпохи, начиная съ древнѣйшей. Итоги его справокъ таковы: основной вопросъ, выступившій въ философіи первымъ по порядку времени, былъ вопросъ о происхожденіи міра; но уже Сократъ далъ другое направленіе философіи, указавъ на внутреннія нравственныя требованія ума, какъ на коренную цѣль, къ которой должны направляться всѣ философскія изысканія. Затѣмъ философія своимъ главнымъ предметомъ имѣла вопросы теософскіе. Съ появленіемъ уже христіанства философскія изысканія приняла новый оттѣнокъ, именно—религія христіанская, установивши фактъ зависимости міра отъ Бога, предписавшаго твердые законы и цѣли дѣятельности, въ своей дальнѣйшей исторіи обратилась преимущественно къ познаніямъ человѣческимъ. Таковъ въ общихъ чертахъ ходъ исторіи философіи со стороны главнаго предмета послѣдней.

Давши историческую справку о томъ, какъ въ различныя эпохи философія понимала свою задачу, и сдѣлавши выводъ, что главная задача философіи была въ разумѣніи міра, Сидонскій постепенно подходитъ къ такому опредѣленію философіи: философія есть учебное рѣшеніе вопроса о жизни вселенной, выведенное изъ строгаго разсмотрѣнія природы на-

¹⁾ См. „Введеніе въ науку философіи“ стр. 8.

шего ума и проведенное до опредѣленія законовъ, по какимъ должна направляться наша человѣческая дѣятельность“ 1).

Опредѣливши понятіе философіи, Сидонскій далѣе выясняетъ важность философскихъ изслѣдованій. Философскіе вопросы въ высшей степени важны, такъ какъ они возникаютъ изъ самой природы человѣческаго духа. „Что же вытекаетъ изъ самой природы духа, что естественно открывается въ ея развитіи, что составляетъ неподавимую нашу потребность, на то уже нельзя смотрѣть съ пренебреженіемъ, хотя бы подобная потребность открывалась въ насъ и не съ первымъ чувствомъ себя самихъ. Всѣ эти изслѣдованія, какъ удовлетворяющія вопросы, присущіе нашему духу, очевидно, не дѣло простой только любознательности; нѣтъ, они такъ жизненны, такъ важны для того, чтобы человѣкъ могъ спокойно и твердо идти въ своей дѣятельности, чтобы разъ убѣдившись въ своихъ воззрѣніяхъ, могъ всего себя, всю свою жизнь посвятить на служеніе своей святыни, своему идеалу правды и добра“ 2).

Уяснивши важность философскихъ изслѣдованій, Сидонскій далѣе выясняетъ условія возможности успѣховъ философіи; именно, онъ прежде всего подчеркиваетъ ту мысль, что только въ коллективномъ творествѣ философія можетъ имѣть успѣхъ, ибо въ умѣ человѣчества, какъ цѣлаго, не можетъ не быть нѣкотораго предрасположенія къ правильному взгляду на вселенную 3); а если такъ, то хотя бы отдѣльные люди ошибались, человѣчество, какъ цѣлое, можетъ надѣяться на правильное постиженіе истины.—Что касается исходнаго пункта при изслѣдованіи философскихъ проблемъ, то таковымъ пунктомъ, какъ мы увидимъ далѣе, Сидонскій признаетъ прежде всего и болѣе всего опытъ. „Ощутимый для всякаго міръ опыта кажется мнѣ,—говоритъ Сидонскій 4), самую приличною опорой, надежнѣйшимъ исходнымъ пунктомъ философскаго мышленія, ибо онъ же можетъ и завершать вѣрность сего мышленія“.

1) Введеніе въ науку философіи стр. 23—24.

2) См. Введеніе въ философію стр. 88.

3) См. *ibid.* 68 и 90 стр.

4) См. Введеніе въ философію 485 стр.

По нашему мнѣнію, говоритъ Сидонскій въ другомъ мѣстѣ ¹⁾, надежнѣйшій исходный пунктъ философскихъ умозрѣній есть опытное происхожденіе міра видимаго. Соглашаясь съ тѣмъ, что философія есть высшая наука въ ряду другихъ наукъ, Сидонскій все-таки подчеркиваетъ, что она не можетъ нарить безотчетно; сама она развивается на успѣхахъ другихъ наукъ, естественныхъ и положительныхъ, а потому и въ своихъ умозрѣніяхъ должна исходить изъ опыта. Но здѣсь можетъ быть такое возраженіе: зачѣмъ поставлять разумъ въ такую зависимость отъ опыта, когда въ немъ самомъ заключаются такія мысли, идеи, по которымъ онъ построитъ свое міровоззрѣніе, оживляя притомъ и всю бездушную природу. Къ чему же, въ такомъ случаѣ, зависимость отъ опыта? Или же, если допустить эту зависимость отъ опыта, то является вопросъ, не въ томъ ли она должна заключаться, что опытъ даетъ только первый толчекъ умственной дѣятельности, но не даетъ тѣхъ мыслей, тѣхъ представленій, которыя завершаютъ разумѣніе природы?—Нѣтъ—отвѣчаетъ на этотъ вопросъ Сидонскій,—идеи заключены не только въ разумѣ, но и въ природѣ; одна и та же разумная Сила создала природу, насъ окружающую, и поставила среди природы силы мыслящія, настроенныя постигать начала природы творческой. Кромѣ опыта, Сидонскій допускаетъ возможность догадокъ. Нашъ мыслитель находитъ, что дѣйствительность условнаго не оставляетъ сомнѣнія въ необходимости безусловнаго. Но здѣсь естественно можетъ явиться вопросъ: на чемъ же основываются догадки и чѣмъ опредѣляется ихъ вѣрность? Этотъ вопросъ Сидонскій разъясняетъ въ томъ смыслѣ, что вѣрность догадокъ основывается на ихъ согласіи съ опытомъ.

Разъясняя этотъ вопросъ въ другомъ мѣстѣ, Сидонскій проводитъ ту мысль, что увѣренность въ нѣкоторыхъ высшихъ истинахъ неразрывно связана съ бытіемъ души ²⁾. Сильный такимъ убѣжденіемъ, Сидонскій не боится критическихъ изслѣдованій по философіи; онъ убѣжденъ, что философскія изысканія и система истинъ вѣры—двѣ отличныя, но не отдѣльныя истины ³⁾. Но въ чемъ состоятъ отличительныя харак-

¹⁾ Ibid. 355.

²⁾ Ibid. 157 стр.

³⁾ Ibid. 191 стр.

терныя черты философскихъ изслѣдованій? Нашъ мыслитель, такъ опредѣляетъ эти черты: философія ищетъ постояннаго, осуждаетъ все неестественное, устремляетъ къ непрерывному усовершенствованію. Какъ духъ человѣческій, чтобы воспринять въ своей истинной жизни, долженъ высвободиться изъ подъ дѣйствія на него предметовъ внѣшнихъ, мыслью встать выше ихъ, такъ и философія, какъ высшее развитіе мыслей, саморазумѣніе духа человѣческаго, должна, по коренному своему требованію, становиться выше всего предметнаго и своего личнаго; она должна быть, какъ выражется Сидонскій, проникнута характеромъ выпренности ¹⁾. Основаніе и источникъ этой выпренности лежитъ въ томъ, что умъ, не довольствуясь тѣмъ, что даетъ видѣть опытъ, усиливается проникнуть во внутреннюю жизнь всего существующаго, открыть тѣ представленія, которыя разрѣшаютъ загадку всякаго бытія, или разливаютъ свѣтъ на природу и законы нашихъ познаній и дѣйствій. Этою выпренностью только философъ и можетъ проразумѣвать значеніе частнаго во всей цѣлости бытія, и такимъ образомъ возсоздать въ мысляхъ своихъ истинную систему природы. Но, признавая такое значеніе за выпренностью (умозрительностью) ума, Сидонскій однако находитъ, что возвышенность ума, столь необходимая въ философскихъ построеніяхъ, нисколько не говоритъ о томъ, чтобы философія въ своихъ слѣдствіяхъ могла совершенно расходиться съ дѣйствительностью. Нѣтъ, нашъ мыслитель находитъ, что какъ въ разъясненіи частныхъ существующаго наши гаданія не могутъ быть однимъ уклоненіемъ отъ дѣйствительности, но вмѣстѣ съ тѣмъ являются и вѣрными ея истолкователями, такъ и въ изъясненіяхъ философскихъ, умъ, возвышаясь надъ всѣмъ дѣйствительнымъ, всегда можетъ болѣе и мелѣе вѣрно уразумѣть внутреннія начала этого дѣйствительнаго, и въ мысленномъ построеніи сблизиться съ жизнью, какъ она есть на самомъ дѣлѣ.—Но отсюда, очевидно, что въ философскихъ изысканіяхъ никогда нельзя отрѣшиться отъ субъективнаго элемента; но если ужъ нельзя производить философскія изысканія внѣ всякой личности, то нужно стремиться къ наибольшей объектив-

¹⁾ Ibid 198.

ности. Отсюда нашъ мыслитель устанавливаетъ прямое требованіе отъ всѣхъ философскихъ изслѣдованій: задача ихъ состоитъ въ томъ, чтобы собрать всѣ возможные взгляды на предметы и, отдѣливъ, что въ нихъ переменнo и приходитъ отъ лицъ, принимающихъ предметы въ свое сознаніе,—оставить одно постоянное.—Это, по Сидонскому, и будетъ то представленіе о предметѣ, которое мы можемъ назвать наиблаговѣйшимъ. И философія не можетъ придти ни къ какому другому понятію о цѣлой совокупности предметовъ, какъ именно только къ тому, который сколько возможно отрѣшенъ отъ субъективнаго взгляда ¹⁾).

И такъ мы видимъ, что Сидонскій признаетъ неизбежность въ философскихъ изысканіяхъ субъективнаго элемента, но онъ также признаетъ и законность и желательность того, чтобы этотъ субъективный элементъ былъ какъ можно болѣе ограниченъ въ своихъ проявленіяхъ и какъ можно болѣе провѣрялся мнѣніями и убѣжденіями другихъ наукъ, причемъ философія въ своихъ изысканіяхъ не должна смущаться авторитетами въ области мысли: философія должна, по нашему мыслителю, стоять выше геніевъ: какъ ни возвышенны бываютъ геніи, какъ ни увлекательны, какъ ни смѣлы бываютъ представленія, ими высказываемыя, философія не можетъ признать какое либо изъ этихъ представленій вѣрнымъ по одному довѣрію къ умственнымъ силамъ лица, ихъ высказавшаго. Истина мысли для философіи опирается не на важность лица, но на естественность самой мысли ²⁾).

Отсюда самостоятельность во взглядахъ нашъ мыслитель считаетъ кореннымъ характеромъ философскихъ изысканій; и хотѣтъ, чтобы была философія, а умъ не дѣйствовалъ, не судилъ самостоятельно, значить, по удачному сравненію нашего мыслителя, хотѣтъ согласить несогласимое ³⁾). Стремясь же достигнуть этой самостоятельности, философія должна допускать въ себѣ непрерывную повѣрку и вмѣстѣ съ тѣмъ движеніе нашихъ познаній. Если возрастаютъ познанія наблюдательныя, умъ долженъ пытаться силы въ порывахъ созерцательныхъ; если же усилія разума оказываются безуспѣшными

¹⁾ Ibid. 221—222.

²⁾ Ibid. 226.

³⁾ Ibid. 230.

въ приложеніи къ жизни, умъ снова обращается въ область наблюденій и критическаго разбора явленій, и производитъ этотъ разборъ до тѣхъ поръ, пока, оживленный лучшимъ познаніемъ опыта, опять неволью не пускается въ область цѣлесообразныхъ гаданій. Выясняя далѣе вопросъ о самостоятельности философскихъ изысканій, Сидонскій вмѣстѣ съ тѣмъ касается и вопроса объ отношеніи двухъ міровъ философскаго изслѣдованія: умозрѣнія (или по терминологіи Сидонскаго „выспренности“) и опыта—къ дѣйствительности. Нашъ мыслитель находитъ, что въ самомъ характерѣ самостоятельности, какъ онъ долженъ открываться въ философіи, нѣтъ ничего опаснаго для истиннаго разумѣнія. Какъ своимъ умозрѣніемъ, философія не отдѣляется всецѣло отъ природы, а напротивъ, успѣваетъ подняться къ вѣрному сужденію о каждомъ частномъ явленіи, или существѣ въ природѣ, такъ и самостоятельностью сужденія она успѣваетъ доходить до вѣрнаго суда о частныхъ взглядахъ, или мысляхъ, высказанныхъ въ извѣстное время, извѣстными лицами, даже болѣе того, успѣваетъ вознестись до умозрѣнія, какъ долженъ мыслить весь родъ человѣческій. Выспренностью—(умозрѣніемъ) мы достигаемъ того, что можемъ сказать: такъ, а не иначе произошла природа; и посредствомъ самостоятельныхъ соображеній, мы можемъ дойти до увѣренности, что такъ, а не иначе объ извѣстномъ явленіи можетъ судить весь родъ человѣческій. Указывая далѣе причины компетентности того и другаго способовъ познанія, Сидонскій говоритъ, что основаніе успѣховъ выспренности (умозрѣнія) лежитъ въ томъ, что законы ума настроены согласно съ законами природы, а основаніе въ значеніи самостоятельныхъ изысканій,—опытныхъ наблюденій и логическихъ заключеній состоитъ въ справедливой увѣренности, что умъ частнаго лица имѣетъ настроеніе, согласное съ настроеніемъ ума всего человѣчества. Указывая основанія увѣренности въ значеніи обоихъ способовъ познанія, нашъ мыслитель, далѣе, разбираетъ и то возможное возраженіе, что разумъ не умѣетъ самъ собою уразумѣть истинное въ надлежащей полнотѣ и совершенствѣ.

Выставляя то положеніе, что разумъ человѣческій, по самой природѣ своей, есть способность разумѣть истинное, Сидонскій

говорить, что воспринимаемая впечатлѣнія отъ предметовъ, мы могли бы остаться безъ истиннаго познанія лишь въ томъ случаѣ, если бы этого познанія вовсе не было: дано въ предметахъ, или въ томъ случаѣ, если бы умъ человѣческій не былъ способенъ постигать значенія совершающихся предъ нашими очами явленій и переводить ихъ въ понятія.—Такимъ образомъ, дѣлаетъ заключеніе нашъ мыслитель ¹⁾, гдѣ бы мы ни положили основу истиннаго—въ творческой ли способности ума нашего; или въ природѣ самихъ предметовъ, мы все равно не можемъ усумниться въ достиженіи истиннаго.

Установивши вопросъ объ источникахъ философскаго познанія, Сидонскій далѣе выясняетъ вопросъ объ отношеніи философіи къ другимъ наукамъ. Какъ завершеніе вѣдѣнія, философія давно уже собираетъ даны со всѣхъ другихъ наукъ и живетъ ихъ жизнью; за то она, переработавъ въ себѣ силы общей совокупности наукъ, проливаетъ жизнь въ тѣ науки и столько же облагораживаетъ, сколько утверждаетъ ихъ ростъ. Въ этомъ отношеніи всѣ науки могутъ считаться подчиненными философіи,—поскольку философскій элементъ, проникая ихъ, освѣжаетъ ихъ крѣпость, раститъ ихъ силы. Посему, замѣчаетъ нашъ мыслитель, только бѣдный душою можетъ пожелать, чтобы которая либо изъ наукъ стояла въ совершенной независимости отъ началъ философскихъ. Вообще, если даже освободить науки отъ вліянія философскихъ элементовъ, онѣ еще многое будутъ носить въ себѣ, что собственно составляетъ плодъ философскаго развитія мыслей. Ибо, разъясняетъ свою мысль Сидонскій; всѣ науки тѣмъ только получаютъ стройность и окрѣпость; что подвергаются философскому взгляду, обрабатываются по идеѣ, если не заимствованной изъ философіи, то составленной подъ ея руководствомъ. И здѣсь нашъ мыслитель справедливо указываетъ на то, что самое строеніе и развитіе всѣхъ наукъ тѣмъ бываетъ совершеннѣе; чѣмъ мысль общая, положенная ими въ основаніе, будетъ строже и вѣрнѣе опредѣлена философіею. Сидонскій признаетъ и тотъ фактъ, что нѣкоторыя науки могутъ быть обрабатываемы и

¹⁾ Ibid 250 стр.; ср. также 322—329 стр., гдѣ Сидонскій опять касается вопроса объ источникахъ философіи.

обрабатываются дѣйствительно въ нѣкоторой независимости отъ философскаго воззрѣнія; но за то онъ находитъ, что и тѣ познанія, какія онѣ доставляютъ, хотя не бесполезны въ жизни, въ общемъ остаются въ головѣ нашей однимъ сборомъ (fragments), или превращаются въ одну механическую ловкость.

Но признавая то положеніе, что всѣ науки уступаютъ и должны уступить первенство наукѣ философіи, Сидонскій указываетъ, что есть еще два источника истинъ, которые, какъ старшіе по происхожденію, оспариваютъ важность философіи. Это религія въ положительныхъ ея проявленіяхъ и общій смыслъ. Философія, какъ справедливо признаетъ нашъ мыслитель, моложе по происхожденію и религіи и общаго смысла. Но признавая позднѣйшее происхожденіе философіи, въ сравненіи съ религіей и здравымъ смысломъ, Сидонскій указываетъ на спеціальное значеніе философіи: возникая на развитіи религіи и здраваго смысла, философія какъ бы усиливается довершить ихъ дѣйствіе, облагородивъ вѣщанія здраваго смысла выпренностию (умозрѣніемъ), а вѣщанія вѣры—приблизивъ къ разумнѣю самостоятельностью развитого сознанія. Но философія имѣетъ еще особую миссію по отношенію къ религіи: она служитъ критеріемъ для отличія истинной вѣры отъ ложной. Мы, говоритъ Сидонскій, (260 стр.) блаженствуя въ лонѣ вѣры истинной, не можемъ ощущать тѣхъ противорѣчій, въ какія поставляютъ человѣка самого съ собою религіи ложныя; всякая религія, конечно, есть выраженіе идей разума, но до тѣхъ поръ пока мы не опредѣлили способа, какимъ можетъ религія истинная отличена быть отъ невѣрныхъ, до тѣхъ же поръ не можемъ говорить, что мы стоимъ на точкѣ зрѣнія извѣстной вѣры. Философія необходима и для христіанъ. Мы—христіане твердо увѣрены, что религія христіанская есть религія истинная; но чтобы проложить путь къ подобной развитой увѣренности другимъ,—мы должны стать на точку зрѣнія общую, съ которой удобнѣе усматривается достоинство и значеніе, какое можетъ имѣть каждая религія.

Религія, разсматриваемая съ точки зрѣнія ея содержанія, есть, по нашему мыслителю, выраженіе идей разума; но какъ не всѣ призваны природою выражать идеи въ произведеніяхъ

творчества, такъ не всякій способенъ содѣлаться органомъ небесныхъ откровеній. Какъ въ искусствахъ дѣло таланта обыкновеннаго только разбираться и обсуждать творенія гениа, а не самому созидать оныя, такъ и въ дѣлѣ религіи обыкновенный умъ всегда стоитъ только въ отношеніяхъ таланта: его дѣло разбираться, обсуживать. Но какъ въ художественныхъ произведеніяхъ, или во всемъ, что можетъ подлежать суду, талантъ можетъ находить недостатки, такъ и въ религіяхъ несовершенныхъ умъ, поднявшись къ большей зрѣлости, необходимо успеетъ открыть недостатки, усмотрѣть примѣсь неразумія въ выраженіи идей разума. Чтобы еще болѣе выяснить значеніе разума въ религіи, Сидонскій задается такимъ вопросомъ: что должно выйти, если въ дѣлахъ вѣры отвергнуть употребленіе разума, дать мѣсто одной вѣрѣ, какъ требуетъ первая крайность? Очевидно, отвѣчаетъ Сидонскій, всякая вѣра, всякое проявленіе чувства религіознаго, и правильное и неправильное, должны будуть оставаться неприкосновенными, священными; тогда религія не только мало по малу можетъ принять недостойные наросты, но и нѣкоторымъ образомъ освящать самыя страсти и пороки, представляя оныя въ богахъ; тогда мнимое угожденіе Божеству будетъ требовать гоненія неосторожныхъ, превратно понимаемый образъ примиренія съ Божествомъ—кровавыхъ жертвъ человѣческихъ. Очевидно, заключаетъ нашъ мыслитель, такія слѣдствія ужасны, ибо чувство, не озаряемое умомъ, слѣпо ¹⁾. Но не лучше дѣло обстоитъ въ противоположномъ случаѣ. На самомъ дѣлѣ, что должно быть, если религію предоставить суду и распоряженію одного ума? Опять получатся слѣдствія не совсѣмъ благопріятныя. Умъ, не обуздываемый уваженіемъ давняго (традиціоннаго), утвержденного другими, будетъ стремиться къ безпрерывному измѣненію въ дѣлахъ вѣры; ничего не будетъ твердаго. Дальше, такъ какъ умъ въ каждомъ изъ насъ получаетъ различную степень развитія и образованія, а въ зависимости отъ этого и требованія различныхъ умовъ будутъ различныя, то въ дѣлахъ вѣры не будетъ единства—умъ безъ чувствъ не твердъ. Даже допуская предположеніе, что нѣкогда

¹⁾ Ibid. 271.

всѣ люди поднимутся на такую степень образованія, на которой возможно единство; съ другой, что могутъ составиться общества людей сходныхъ по своему образованію и потребностямъ сердечнымъ, все, однакожъ, утвержденія системы вѣрованія на философскомъ основаніи. ожидать невозможно.

Такимъ образомъ, поясняетъ мыслитель, ни одному уму исключительно; ни одному преданію, исключаящему изысканія разума, дѣло религіи представить невозможно. Одно изъ нихъ не можетъ обойтись безъ другого.—Признавая значеніе ума въ дѣлахъ вѣры, Сидонскій показываетъ и границы его приложенія. Такъ нашъ мыслитель указываетъ на то, что умъ не можетъ не входить въ разсмотрѣніе возможности, общепольности, потребности Откровенія. И самая истинная вѣра ни чѣмъ не можетъ рѣшительнѣе отличена быть отъ ложныхъ, какъ тѣмъ, что въ ней разумъ человѣческой найдетъ чистое отраженіе идей, коихъ мерцаніе въ себѣ заставляло его искать большаго свѣта. Уясняя значеніе разума въ дѣлѣ познанія, нашъ мыслитель проводитъ ту мысль, что въ области вѣры умъ не можетъ совершенно потеряться и исчезнуть; если, и переступивъ въ область вѣры, онъ будетъ еще удерживать прежнюю изыскательность, то и это воспрещено ему быть не можетъ, и будетъ совершаться по тому же какъ бы праву, по какому умъ въ собственной области не отвергаетъ довѣрія, допускаетъ разумную вѣру.

Проводя ту мысль, что всякая вѣра имѣетъ въ виду доставить человѣку полное вѣдѣніе и этимъ какъ бы освобождаетъ его отъ обязанности больше и больше развивать и расширять свои познанія—и какъ бы предполагаетъ замѣнить человѣку неразвившійся еще въ немъ разумъ, Сидонскій, однако, признаетъ, что все-таки вѣра не ниспровергаетъ собственно усилий человѣческихъ; ни умственной дѣятельности самостоятельной, напротивъ, только еще воспитываетъ къ нимъ. И нашъ мыслитель глубоко убѣжденъ, что между истиннымъ Откровеніемъ и умомъ не можетъ быть противорѣчія; ибо и нашъ разумъ, какъ истинное Откровеніе, данъ намъ отъ Бога, и слѣдовательно долженъ содержать въ себѣ по крайней мѣрѣ предчувствіе того, что можетъ или должно сообщить Откровеніе. И

Сидонскій убѣжденъ, что, кто ищетъ истины и не зашелъ до излишней самодовѣренности, тотъ непременно легко и скоро сблизится съ Откровеніемъ. Двѣ причины служатъ достаточной порукой единства разума и Откровенія: съ одной стороны, потребность зависимости, глубоко положенная внутри нашей разумной природы, съ другой—невозможность обойтись безъ важныхъ истинъ, сообщаемыхъ Откровеніемъ. И нашъ мыслитель находитъ здѣсь умѣстнымъ вспомнить извѣстное изреченіе одного изъ отцевъ Церкви, что душа человѣка по самой природѣ своей—есть христіанка, то есть, человѣку, по самой его природѣ, должны быть близки истины Откровенія. Но здѣсь является вопросъ: не можетъ ли слѣдованіе истинамъ Божественнаго Откровенія лишить умъ человѣческой характера самостоятельности? Нашъ мыслитель на этотъ вопросъ даетъ отрицательный отвѣтъ: онъ указываетъ на ту истину, что умъ человѣческой можетъ согласиться на извѣстныя истины не иначе, какъ на основаніи достаточныхъ убѣжденій. А такъ какъ истинное Откровеніе не можетъ не сопровождаться сего рода убѣжденіями, ибо Богъ не можетъ идти противъ разума, однажды даннаго, не можетъ давать Откровенія такъ, чтобы не оставить на немъ достаточныхъ признаковъ его небснаго происхожденія: то согласіе ума на истины Откровенія истиннаго отнюдь не будетъ противъ главнаго характера философіи (принципа самостоятельности изслѣдованія); напротивъ, будетъ совершенно въ духѣ законовъ природы нашего ума. Слѣдовательно, заключаетъ нашъ мыслитель ¹⁾, не тогда философія можетъ поступать противъ собственнаго характера, когда принимаетъ Откровеніе,—но тогда, когда бы вздумала безрасудно отвергать Откровеніе,—въ обоихъ случаяхъ,—разумѣется, истинное.

Но все же могутъ оказаться и дѣйствительно оказываются различія въ истинахъ Откровенія и выводовъ разсудка. Является вопросъ: какъ же поступать при оказавшейся дѣйствительной разности выводовъ Богословія съ опредѣленіями фи-

¹⁾ Ibid. 283 и слѣд.

дософіи? Нашъ мыслитель на этотъ вопросъ даетъ отвѣтъ въ томъ смыслѣ, — что въ тягостной мысли о неизбежности сихъ небольшихъ разногласій можно утѣшать себя по крайней мѣрѣ небезосновательнымъ ожиданіемъ легкаго сближенія ихъ между собою. Примеръ этому Сидонскій видитъ на нашихъ познанияхъ: не будучи полными обладателями истины, мы все однакожь постепенно больше и больше уравниваемся съ природою въ своихъ представленіяхъ. Кончая свое изслѣдованіе вопроса объ отношеніяхъ Откровенія и знанія, — Богословія и философіи, Сидонскій находитъ нужнымъ указать на желательность сближенія Богословія съ философіей. „Не освобождая философіи отъ обязанности сближенія съ Откровеніемъ посредствомъ Богословія, — говоритъ онъ, — можемъ здѣсь напомнить сей послѣдней наукѣ, чтобы она не забывала сближаться съ философіей“¹⁾.

Выяснивши отношеніе философіи къ религіи, Сидонскій выясняетъ отношеніе философіи къ общему смыслу.

Какъ относится философія къ общему смыслу? — Хотя этотъ источникъ истиннаго нерѣдко противопоставляютъ философіи, требуя, чтобы рѣшенія послѣдней нисколько не различались съ убѣжденіями перваго, но, по сужденію нашего мыслителя, философія не имѣетъ и не можетъ находить въ смыслѣ общемъ заклатаго противника своимъ опредѣленіямъ. Общій смыслъ долженъ непремѣнно искать себѣ помощи отъ философіи, чтобы удержать свое вліяніе во всѣхъ стадіяхъ развитія силы мысленной; безъ подпоры философіи силы его иногда могутъ оказаться скудными, опредѣленія шаткими, голосъ слабымъ. Если же онъ вступаетъ въ союзъ съ философіей, то всѣ опредѣленія его берутъ силу и вѣсъ; философія хотя не можетъ отождествиться или слиться съ общимъ смысломъ, ибо общій смыслъ безотчетенъ, тѣмъ не менѣе она не можетъ и отвергнуть его, ни вовсе признать ничтожными требованія и опредѣленія разсудка; иначе она лишила бы себя достаточной защиты. Напротивъ, она должна по отношенію къ общему чувству — взять его, опредѣлить его природное значеніе, устранить въ немъ

¹⁾ Ibid. 291 стр.

недостаточное; далѣе—прояснить требованія и разсудка соображеніемъ его въщаній со всѣми проявленіями природы внутренней и внѣшней; потомъ разборомъ всѣхъ проявленій разума, возвысить ихъ до отчетливости,—словомъ—темныя опредѣленія общаго смысла возвысить въ строгія требованія человѣческой природы. Таково отношеніе философіи къ здравому смыслу.

Уяснивъ это отношеніе, Сидонскій далѣе высказываетъ еще слѣдующую мысль: въ душѣ нашей есть какое то тайное расположеніе мыслить о совокуинности явленій міра такъ, а не иначе; намъ кажется, что долженъ быть извѣстный какъ бы обликъ природы, или органической жизни всего существующаго, который естественъ духу нашему; есть тайныя, важныя мысли, которыя какъ бы неразрывно соединены съ существомъ нашимъ. Особенно чаяніе Божества, убѣжденіе въ безсмертіи, живое, хотя темное чувство своей свободы,—суть такія мысли, которыя сопровождаютъ человѣка на всѣхъ ступеняхъ развитія его мышленія, во всѣхъ странахъ его скитанія по землѣ.—И эти мысли такъ тѣсно связаны съ разумною природою нашею, такъ плотно завиты во все видимое строеніе мірозданія, что тотъ принялъ бы на себя дѣло безмогучаго перестраиванія вселенной, кто захотѣлъ бы дать ей стройный видъ безъ одной изъ сихъ мыслей ¹⁾. Уяснить тотъ обликъ естественнаго намъ образа мыслей о жизни вселенной, приблизить къ сознанію наше необходимое къ нему предрасположеніе, развитъ тѣ мысли до непререкаемой очевидности для всѣхъ и cadaго—вотъ благородное дѣло, какое, по нашему мыслителю, долженъ принять на себя умъ философствующій.

Выяснивши общее отношеніе философіи къ здравому смыслу, Сидонскій далѣе выясняетъ значеніе философіи въ быту житейскомъ. Нашъ мыслитель даетъ такую краткую оцѣнку этого значенія: философія, какъ плодъ зрѣлаго ума, можетъ судить, что образовалось доселѣ въ обществѣ по нормѣ, представляемой природой, и не можетъ прикрывать дѣйствительныхъ уклоненій отъ нормы естественной. Не имѣя притязаній навязывать себя обществу, философія хочетъ служить указаніемъ, къ

¹⁾ 302—303 стр.

чему общество должно постоянно стремиться въ своихъ соотношеніяхъ, какими путями могутъ люди идти прямо къ счастью. Сосредоточиваясь въ саму себя, она отворитъ міръ вновь, по тѣмъ соображеніямъ, какія можетъ человѣкъ составить на самой высшей ступени своего умственнаго развитія. Но здѣсь является вопросъ: какое значеніе въ быту житейскомъ должно быть усвоено умозрительнымъ построеніемъ отношеній общезжитія? Правильный отвѣтъ на сей вопросъ, по нашему мыслителю, такой: философіи должно быть уступлено право составлять и излагать подобныя построенія; но сама философія, понимая правильно свою работу и ея отношеніе къ быту обыкновенному, никакъ не должна требовать скороспѣшнаго переведенія своихъ идеаловъ въ бытъ дѣйствительный ¹⁾.

Указывая далѣе на то, что бытъ житейскій можетъ разсматриваться или какъ совокупность отношеній общественныхъ, или какъ случайныя положенія лицъ частныхъ, Сидонскій проводитъ ту мысль, что въ томъ и другомъ видѣ общезжитіе не можетъ не принимать болѣе или менѣе сильнаго вліянія отъ опредѣленій философіи. Именно, философія указываетъ и открываетъ тѣ отношенія, въ которыхъ люди должны стоять между собою по настроенію собственной природы. А изъ такого опредѣленія дѣла и задачи философіи очевидно, что отстранить ее отъ вниканія въ отношенія общезжитія, какъ онѣ образовались доселѣ,—значило бы устранить отъ обсуждения и проявленія общественныхъ отношеній самый разумъ, и слѣдовательно осудить родъ человѣчскій на безотчетное вращеніе въ отношеніяхъ неизмѣнныхъ, безъ всякаго лучшаго взгляда на будущность,—безъ благородныхъ, достойныхъ человѣка, усилій приблизить, по крайней мѣрѣ, къ понятію, истинное наше назначеніе и узнать ближе средства, могущія искупить бѣдное человѣчество отъ его бѣдности.

Разумѣя философію, въ ея истинномъ значеніи, какъ науку идеаловъ, Сидонскій находитъ, что въ такомъ пониманіи философія, какъ наука, усиливающаяся вознестись къ представленію чисто естественныхъ намъ отношеній, не только не опас-

¹⁾ См *ibid.* 303 стр.

на, но благотворна: она служитъ для обновленія жизни, ея освѣженія. Именно. для освѣженія жизни общественной нужно чаще выставлять на видъ человѣчеству, къ чему должно оно стремиться во взаимныхъ связяхъ, какой видъ должны имѣть отношенія общезитія ¹⁾).

Но какъ и какими путями философія въ этомъ случаѣ достигаетъ своей цѣли?

Она, по нашему мыслителю, достигаетъ своей цѣли, дѣйствуя на сердце человѣка, на его духовные инстинкты: развить сѣмя добра, въ каждомъ изъ насъ положенное природою, одушевить людей къ дѣйствіямъ чисто человѣческимъ, оживить чувство благороднаго такъ, чтобы оно брало въ насъ перевѣсъ надъ всѣми приманками чувственности, истребляло всякое облѣненіе, непримѣтно отдаляющее людей отъ высшаго совершенства,—есть хотя не прямое назначеніе сей науки, но оно зиждется на изысканіяхъ собственно принадлежащихъ ей. Не дѣло, конечно, философіи полагать на сердца людямъ ихъ священныя обязанности, продолжаетъ нашъ мыслитель ²⁾), но распространите въ обществѣ лучшіе взгляды на наше нравственное величіе, разлейте разумное сознаніе законовъ нашей внутренней природы—вы увидите, какъ освѣжится жизнь общества, какъ облагородится бытъ житейскій. Какъ представительница разума, философія должна смѣло вразумлять людей въ ихъ отношенія и нужды высшія. Какъ терпѣливый наставникъ, она спокойно должна усиливаться развить въ людяхъ священныя понятія правды и добра. Подчеркивая такое важное значеніе философіи, Сидонскій касается того явленія, что въ его эпоху такъ многіе боялись философіи, такъ многіе опасались распространенія ея лучшихъ взглядовъ. Нашъ мыслитель причину этого явленія видитъ въ историческихъ обстоятельствахъ. „Переживъ недавно періодъ общенародной, пошлой философіи, когда благороднымъ именемъ любомудрія прикрывались безпокойныя выходки остроумія ³⁾), послѣ чего готовы

¹⁾ Ibid. стр. 310.

²⁾ 312—313.

³⁾ Здѣсь Сидонскій очевидно, имѣетъ въ виду вольтерьянство.

были зло общественное, проистекшее изъ другихъ источниковъ, изъ неуваженія къ правамъ человѣчества, относить на счетъ опостылѣвшей философіи, русскіе люди стали опасаться самого имени философіи“¹⁾. Но нашъ мыслитель, справедливо находитъ, что это проявленіе философіи не есть еще философія, и если въ русскомъ обществѣ принято нападать на философію, то это происходитъ отъ незнакомства съ самой философіей. „Къ сожалѣнію, говоритъ онъ, въ своемъ отечествѣ мы не успѣли еще съ именемъ философіи соединить драгоцѣнныхъ воспоминаній, о философіи мы знаемъ только по слухамъ, или отголоскамъ чужеземнымъ; удивительно ли, что она съ трудомъ только можетъ найти себѣ входъ? Стараясь выяснитъ себѣ причину нашего малаго развитія въ области философіи, Сидонскій указываетъ ее въ нашемъ неопредѣленномъ положеніи между Востокомъ и Западомъ—на серединѣ между богатымъ жизнью, но бѣднымъ собственно дѣятельностью востокомъ, и склоннымъ къ критическимъ изысканіямъ, самостоятельнымъ западомъ, мы—русскіе, противопоставлявъ сначала элементъ неподвижности, впоследствии можетъ быть чрезъ мѣру увлеклись силою быстротечнаго запада.

Нашъ мыслитель считаетъ себя въ правѣ призвать современное ему общество къ удержанію себя въ срединѣ. „Поймемъ свое значеніе, удержимъ середину, которая указана намъ, говоритъ онъ²⁾, природою. Познаніе природы человѣческой, какъ развилаь она доелѣ, должно предохранитъ насъ отъ неумѣреннаго стѣсненія ума и отъ безмѣрнаго послабленія порывамъ своего воображенія“.

Таковы главныя мысли, изложеннаго нами сочиненія Сидонскаго: „Введеніе въ науку философіи“. Намъ остается лишь сдѣлать общее заключеніе объ основныхъ воззрѣніяхъ Сидонскаго. Основнымъ и наиболѣе характернымъ воззрѣніемъ Сидонскаго, безъ сомнѣнія, нужно считать его воззрѣніе на источникъ и методъ философіи. Имѣя своимъ исходнымъ пунктомъ опытъ, философія, построитъ извѣстную

¹⁾ Ibid. 314 стр.

²⁾ Ibid. 314 стр.

систему, должна вновь, по воззрѣнію Сидонскаго, для повѣрки своихъ умозрительныхъ построеній обращаться къ тому же опыту. Вотъ центральное и основное воззрѣніе Сидонскаго на философію. Воззрѣніе это очень характерно и знаменательно, если припомнить ту эпоху, въ которую жилъ Сидонскій. То была эпоха увлеченія нѣмецкимъ идеализмомъ. Въ Россіи, въ эту эпоху (30-ые годы XIX в.), наиболѣе распространеннымъ направленіемъ было шеллингיאство, которое даже физіку (какъ напр. Велланскій) обращало въ философскую науку. И вотъ, въ такую то беззавѣтную эпоху увлеченія идеализмомъ, является трезвый мыслитель, который совершенно самостоятельно, ранѣе Милля и англійскихъ эмпириковъ, выдвигаетъ на первое мѣсто въ философіи опытъ и приписываетъ этому опыту не только значеніе исходнаго пункта философіи, но и значеніе методологическое: философія должна исходить изъ опыта и затѣмъ, построивъ міровоззрѣніе, снова обращаться для повѣрки своихъ выводовъ къ опыту. Но такой взглядъ на философію, соединившій методы—опытный съ умозрительнымъ, индукцію съ дедукціей, былъ для своего времени—тридцатыхъ годовъ XIX ст. глубоко оригинальнымъ и безусловно передовымъ, на много лѣтъ опередившемъ не только русскихъ, но отчасти и западно-европейскихъ философовъ. И въ этомъ великое значеніе Сидонскаго, какъ глубоко оригинальнаго, передоваго русскаго мыслителя. И это значеніе его сознавалось еще въ то время, при его жизни, какъ высшими учеными учрежденіями Имперіи, такъ и практическими дѣятелями по насажденію философіи въ Россіи. Такъ Сидонскій за свои глубокіе, оригинальнѣе философскіе взгляды удостоился въ 1864 г. отъ столичнаго (Петерб.) университета званія почетнаго доктора философіи и приглашенія преподавать въ указанномъ университетѣ философію. Практическіе же дѣятели по насажденію философіи въ Россіи сознавали это значеніе еще ранѣе. Такъ еще въ 1845 г., преподаватель Нижегородской семинаріи, А. Надежинъ, кандидатъ Петерб. дух. акад. выпуска 1833 г., слѣдовательно слушатель Сидонскаго, выпуская свой серьезный трудъ по философіи: „Опытъ науки философіи“ прототивъ всѣхъ послѣдую-

щихъ „основаній философіи“,—заявляетъ въ своемъ предисловіи, что изъ отечественныхъ современныхъ писателей онъ особенно обязанъ трудамъ священника Ѳ. Ѳ. Сидонскаго. Такимъ образомъ мы видимъ, что значеніе Сидонскаго, какъ русскаго мыслителя, было серьезно и уже очень давно, вскорѣ же по явленіи его главнаго труда по философіи, сознавалось многими, какъ общественно-учеными корпораціями, такъ и частными лицами, имѣвшими отношеніе къ философіи.

Александръ Никольскій.

(Окончаніе бюджета).

СВЯТООТЕЧЕСКОЕ УЧЕНІЕ О ПРОИСХОЖДЕНІИ ДУШИ ЧЕЛОВѢКА.

(Продолженіе *).

Гипотеза креационизма.

Въ связи съ разсмотрѣнными выше гипотезами предсуществованія душъ и ученіемъ традуціанизма почти одновременно возникла и третья гипотеза, извѣстная подъ именемъ креационизма или творенія душъ. Гипотезою творенія душъ предполагалось, что души человѣческія не существуютъ отъ начала міра и не производятся родителями въ моментъ зачатія, но созидаются Самимъ Богомъ въ то время, когда образуется для нихъ тѣло. Гипотеза креационизма встрѣтила въ церкви христіанской весьма благопріятный пріемъ. Въ то время, когда гипотезы рожденія и предсуществованія душъ признаны были противорѣчащими догматическому ученію церкви и несостоятельными во многихъ другихъ отношеніяхъ, гипотеза креационизма все болѣе и болѣе укоренялась въ сознаніи св. отцевъ и христіанскихъ писателей, пока, наконецъ, не заняла господствующаго положенія въ церквахъ восточной и западной.

Ученіе о непосредственномъ твореніи душъ Самимъ Богомъ взяли подъ свою защиту выдающіеся христіанскіе писатели, въ ряду которыхъ мы видимъ такихъ отцевъ и учителей церкви какъ св. Иринея, св. І. Златоустъ, св. Ефремъ Сиринъ, св. Кирилль Александрійскій, бл. Теодоритъ, св. Афанасій Александрійскій, и такихъ христіанскихъ писателей на западѣ, какъ Епиктетъ, Лактанцій, св. Иларій, св. Амвросій Медиоланскій, бл. Иеронимъ и Левъ Великій¹⁾. Указанные отцы и учи-

*) См. журналъ «Вѣра и Разумъ» за 1907 г. № 3.

1) Въ до-христіанскій періодъ мнѣніе креационистовъ раздѣлялъ даже величайшій философъ Греціи Аристотель, который и принялъ это послѣднее, какъ самое вѣроятное разрѣшеніе важнѣйшаго вопроса о происхожденіи душъ. (Ист. уч. объ отц. церк. Арх. Филар. т. I, стр. 317).

тели христіанской церкви раскрыли и уяснили истинное ученіе креаціонизма, обосновавъ его не только на почвѣ св. Писанія и Преданія, но и на доводахъ разума. Благодаря имъ это ученіе, возникшее первоначально въ смутномъ видѣ еще до Рождества Христова, приняло видъ стройной и вполне определенной системы, согласованной съ ученіемъ христіанскимъ.

Св. Іоаннь Златоустъ не допускаетъ мысли о какомъ-либо иномъ способѣ происхожденія души, кромѣ непосредственнаго ея творенія самимъ Богомъ. Онъ прямо утверждаетъ, что „душа не рождается и не рождаетъ, и не знаетъ какого-либо отца, кромѣ того, къмъ сотворена“. Св. Ефремъ Сиринъ, Кирилль Александрійскій и бл. Теодоритъ также учили, что души творятся Самимъ Богомъ. Общій смыслъ ученія всѣхъ этихъ отцевъ церкви можно кратко выразить словами св. Афанасія Александрійскаго, который въ письмѣ къ князю Антиоху пишетъ по сему вопросу, что „душа происходитъ отъ Бога“. Но съ особенною силою отгѣняетъ мысль о происхожденіи душъ отъ Бога учитель христіанской церкви Епиктетъ, который исключаетъ даже участіе родителей въ рожденіи душъ. „О, возлюбленный, взываетъ онъ, отецъ, родившій тебя по плоти, не есть истинный отецъ, потому что онъ родилъ только тлѣнную плоть твою, а истинный Отецъ твой есть всемогущій Богъ создавшій душу безсмертную и влившій ее въ плоть твою, Его же повѣленіемъ зачатую“¹⁾.

Подтвержденія мысли о происхожденіи души отъ Бога св. отцы старались искать въ самомъ св. Писаніи. Такъ, бл. Теодоритъ приводитъ изъ Св. Писанія Ветхаго Завѣта три мѣста въ подтвержденіе озпаченной мысли. Исповѣдуя предъ Творцомъ, говоритъ онъ, вѣру свою, праведный Іовъ взываетъ къ Богу: „вспомни, что Ты, какъ глину обдѣлалъ меня, и въ прахъ обращаешь меня; жизнь и милость даровалъ мнѣ, и попеченіе Твое хранило духъ мой“ (Іовъ 10, 9, 12). Сими словами, продолжаетъ бл. Теодоритъ, Іовъ указалъ, между прочимъ, какъ творятся души и соединяются съ тѣломъ. Подобнымъ образомъ и богоглаголивый Давидъ взываетъ: „руцѣ Твои сотвориште мя“. (Ис. 118, 73). Кромѣ писанія бл. Теодоритъ въ подтвержденіе

¹⁾ Бл. Теол. о прир. чел. Хр. ч. 1846. IV. 60.

той же мысли ссылается еще и на свидетельство самой церкви, удостоверяя, что въ его время это вѣрованіе сдѣлалось уже общецерковнымъ. „Церковь, говоритъ онъ, вѣря божественному Писанію, учитъ, что душа творится вмѣстѣ съ тѣломъ...; по волѣ Творца“ ¹⁾).

Изъ западныхъ отцевъ церкви теоріи креоціанизма строго держался св. Иринеи Ліонскій. Возставая противъ теоріи предсуществованія душъ, св. Иринеи противопоставлялъ ей свое учение о непосредственномъ твореніи душъ Самимъ Богомъ и высказывалъ ту мысль, что „какъ каждый изъ насъ получаетъ свое тѣло чрезъ художество Божіе, такъ получаетъ (онъ) и свою душу“ ²⁾ Правда здѣсь еще не рѣшается вопросъ о самомъ способѣ происхожденія душъ отъ Бога, появляются ли они путемъ непосредственнаго творенія ихъ Самимъ Богомъ, или только вслѣдствіе Его общепромыслительнаго воздѣйствія. Нѣкоторое основаніе для мысли о непосредственномъ участіи Бога въ твореніи душъ даютъ слѣдующія за симъ слова того же писателя, который присовокупляетъ, что „Богъ не такъ бѣденъ и скуденъ, что не могъ даровать каждому тѣлу свою душу, равно какъ и особенный характеръ“ ³⁾. Къ той же мысли, повидимому, склоняется и бл. Іеронимъ, который выразивъ сомнѣніе въ достовѣрности двухъ разсмотрѣнныхъ выше ученій по этому предмету, цѣлымъ рядомъ мѣстъ Св. Писанія подтверждаетъ истинность гипотезы креаціонизма (Іоан. 5, 17; Зах. 12, 1; Ис. 32, 15) ⁴⁾. Еще яснѣе и опредѣленнѣе выражаетъ эту мысль св. Иларій, который писалъ, что „души каждый день появляются сокровенною и невѣдомою силою Божіею“ ⁵⁾. Убѣжденія Иларія вполне раздѣлялъ и св. Амвросій Медиоланскій ⁶⁾. Узнавши по собственному опыту, насколько трудно разрѣшить вопросъ о происхожденіи душъ бл. Августи́нъ, выражая основную сущность этого вопроса, замѣчаетъ: какъ бы ни происходила душа, все же она происходитъ отъ Бога. Но самымъ ревностнымъ защитникомъ ученія о тво-

¹⁾ Опр. пр. догм. бог. Ев. Сильв. т. III. стр. 325.

²⁾ Ibid. стр. 314.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ См. выше.

⁵⁾ Иран. дог. Бог. Арх. Филар. т. I стр. 317.

⁶⁾ Опр. пр. догм. бог. Ев. Сильв. т. III. стр. 326.

реніи душъ въ замѣну ложныхъ распространившихся на западѣ гипотезъ о предсуществованіи и рожденіи душъ является Лактанцій, который со всею твердостью высказывалъ то убѣжденіе, что одинъ только Богъ обладаетъ творческою силою и одинъ Онъ можетъ творить души, почему всѣ мы имѣемъ одного Отца, т. е. Бога, и одно небесное происхожденіе. „Надобно признать за вѣрное, что одинъ только Богъ можетъ творить души... Ясно открывастся, что души происходятъ не отъ нашихъ отцевъ и матерей, но отъ Бога, Который есть нашъ общій Отецъ и одинъ сохраняетъ въ сокровищницѣ Своей премудрости тайну нашего рожденія, такъ какъ Онъ одинъ власть надъ симъ рожденіемъ имѣетъ“ ¹⁾.

По сравненію съ гипотезами предсуществованія душъ и традуціонизма, теорія креационизма представлялась и болѣе разумною, и болѣе правдоподобною. Прежде всего въ ней не только не усматривалось чего-либо противорѣчащаго основнымъ догматамъ христіанства, но, напротивъ, она представлялась вполне соотвѣтствующею духу и смыслу Писанія. Въ особенности же выразительно это ученіе подтверждается тѣми мѣстами слова Божія, гдѣ Богъ является Творцемъ духовъ ²⁾, и сердца въ человѣкѣ ³⁾, и гдѣ говорится, что духъ возвратится къ Богу, иже даде его ⁴⁾ и др. ⁵⁾.

Другою положительною стороною гипотезы является то обстоятельство, что она не противорѣчитъ, какъ на примѣръ гипотеза традуціонизма, понятію о самой душѣ, какъ самостоятельной и отличной отъ тѣла духовной сущности. Если души всякій разъ творятся Самимъ Богомъ, то они, безъ всякаго сомнѣнія, сохраняютъ ту духовную, общую всѣмъ человѣческимъ душамъ, природу, какою онъ благоволилъ создать душу первозданнаго человѣка. Но какъ можетъ сохраниться духовная природа человѣка путемъ физическаго рожденія и передачи ее отъ родителей къ дѣтямъ. Вѣдь „отъ смертнаго человѣка ничто не можетъ родиться, что не было бы смертно такъ же, какъ и онѣ“ ⁶⁾. Достоинствомъ этой же гипотезы является

¹⁾ О твор. Бож. ч. XVIII, стр. 312. 318.

²⁾ Евр. 12. 9.

³⁾ Ис. 32. 15.

⁴⁾ Евкл. 12. 17.

⁵⁾ Ис. 42, 5; Іер. 1, 5; Зах. 12 1; Мавк. 7, 22, 23; Іоан. 8. 6 и др.

⁶⁾ Опр. пр. догм. бог. Ев. Сильв. т. III, стр. 325.

и то, что при посредствѣ ея легко объясняется ничѣмъ инымъ необъяснимое, необычайное разнообразіе индивидуальных особенностей, наблюдаемыхъ нами въ духовной природѣ человѣка. Единственнымъ успокоеніемъ человѣка въ данномъ случаѣ можетъ служить его увѣренность въ томъ, что Самъ Богъ по своей премудрости и благодати распредѣляетъ между людьми различныя таланты, давая иному десять, иному пять и иному одинъ, сообразно съ своими премудрыми цѣлями. Въ этой увѣренности и родители „испрашиваютъ себѣ у Бога рожденія дѣтей, показывая этимъ, что не отъ нихъ самихъ зависить имѣть ихъ... По этой же причинѣ часто отъ родителей ученыхъ (нерѣдко) дѣти рождаются глупые, равно какъ, наоборотъ, отъ глупыхъ рождаются умные“ ¹⁾.

Отмѣченныя достоинства и преимущества гипотезы креационизма нельзя признать, однако-же, бесспорными. Что касается ссылки на разные мѣста св. Писанія, то какъ мы высказали въ своемъ мѣстѣ ²⁾, всѣ эти мѣста могутъ быть изъясняемы и не въ пользу ученія креационистовъ и во всякомъ случаѣ даютъ столь же сильныя основанія для оправданія и ученій противныхъ указанному. А существованіе столь же опредѣленныхъ мѣстъ св. Писанія, оправдывающихъ теорію традуціонизма ³⁾ и даже предсуществованія душъ ⁴⁾, еще болѣе ослабляетъ аргументальность теоріи творенія душъ Богомъ. Тоже самое можно сказать и о послѣднемъ указанномъ достоинствѣ гипотезы креационизма. Хотя вѣрующій человѣкъ и можетъ найти успокоительную увѣренность въ Богѣ, неравномѣрно распредѣляющемъ между людьми духовныя дарованія, по своей особой премудрости и благодати, тѣмъ не менѣе пытливый человѣческій умъ, ищущій во всемъ разумныхъ основаній, можетъ высказывать и основательныя возраженія противъ этого, какъ высказываетъ ихъ Оригенъ по поводу ученія креационистовъ.

И дѣйствительно, гипотеза творенія душъ разрываетъ естественную связь поколѣній рода человѣческаго между собою и дѣлаетъ необъяснимымъ переходъ какъ физическихъ, такъ и

¹⁾ Лакт. О твор. Бож. гл. XVIII.

²⁾ См. выше.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Ibid.

нравственныхъ свойствъ человѣка. „Съ точки зрѣнія этой гипотезы, говоритъ Оригенъ, остается вовсе неразрѣшимымъ, почему Самъ Богъ, творя души и творя ихъ одинаково чистыми и невинными, сразу обрекаетъ ихъ на самыя разнообразныя и даже до противоположности различныя состоянія и образы существованія въ здѣшнемъ мірѣ. Одни, напр. люди, какъ показываетъ опытъ, рождаются съ тѣлами вполне здоровыми и красивыми, другіе наоборотъ съ тѣлами болѣзненными и даже уродливыми, пораженными или всегдашнею слѣпотою, или хромотою, или же нѣмотою; одни рождаются среди удобствъ, довольства и даже излишествъ, другіе же среди скудости, бѣдности и даже вопіющей нищеты; одни рождаются отъ просвѣщенныхъ и благовоспитанныхъ родителей и сразу окружаются просвѣтительною и нравственно-воспитательною средою, другіе же происходятъ отъ дикихъ и грубыхъ варваровъ и не знаютъ другой среды, кромѣ невѣжества, варварства, грубости и жестокости,—словомъ, одни съ самого дѣтства обрекаются на жизненныя условія сравнительно самыя благопріятныя, отрадныя и счастливыя, другіе же, наоборотъ, на самыя незавидныя, тяжелыя и нерѣдко съ большимъ трудомъ переносимыя. Чѣмъ же объяснить все это, если только души творятся Богомъ, и если они, тотчасъ по выходѣ изъ рукъ Творца, ровно ничего не могли сдѣлать такого, чѣмъ бы могла быть заслужена ими счастливая или несчастная участь на землѣ? Развѣ вмѣстѣ съ послѣдователями Маркіона, Валентина и Василида предложить, что причина сему, независимо ни отъ какихъ нравственныхъ заслугъ душъ, заключается въ одной безусловной волѣ Божіей, которая, единственно, по своему личному усмотрѣнію, одиѣ души созидаетъ по самой ихъ природѣ совершенными или добрыми, другія же менѣе совершенными, а нѣкоторыя совершенно злыми, и соотвѣдственно съ симъ каждой изъ нихъ предопредѣляетъ ту или иную участь на землѣ? Но не будетъ ли этого значить изрѣкать клевету и хулу на Бога? ибо гдѣ тогда будетъ правда и святость Божія“? 1) Едѣ болѣе необъяснимо съ точки зрѣнія гипотезы творенія душъ то, какъ переходитъ наслѣдственная порча первороднаго грѣха Адама

1) Опр. пр. дог. бог. Еп. Сильв. т. III, стр. 317.

къ его потомкамъ. Это послѣднее обстоятельство создаетъ наиболѣе серьезное затрудненіе для принятія означенной гипотезы, нежели всѣ другія слабѣйшія стороны ея. На него съ особенною силою указываетъ св. Григорій Двоесловъ, который признавалъ неразрѣшимой для разума загадкой, объяснить при посредствѣ теории креационизма важнѣйшій догматъ христіанства о наслѣдственной передачѣ первороднаго грѣха и его слѣдствій. Изъ рукъ всесовершеннаго Творца могло произойти только святое и чуждое сверхны твореніе, и если душа творится Богомъ, то безъ сомнѣнія, и она должна быть такимъ же чистымъ и свободнымъ отъ грѣха твореніемъ. „Если тѣло, говоритъ онъ, подвержено первородной виѣ, то почему будетъ виновна душа, которая дается отъ Бога и которая въ дѣйствительномъ преступленіи не соизволяла тѣлу“ ¹⁾.

Въ святоотеческой литературѣ мы не находимъ сколько нибудь удовлетворительнаго рѣшенія вопроса о происхожденіи душъ, а посему приводимъ отвѣтъ на него нашего строго-православнаго догматиста еп. Сильвестра. „На это, говоритъ онъ, приходится отвѣчать тѣмъ, что прародительскій грѣхъ не составляетъ личнаго грѣха, принадлежащаго однимъ прародителямъ, а только его послѣдствія, переходяція отъ прародителей ко всѣмъ потомкамъ, вслѣдствіе родоваго и моральнаго между ними единства. Послѣдствія же эти состоятъ, съ одной стороны, въ недостаткѣ утраченныхъ еще первородителями сверхъестественныхъ даровъ Божіихъ, а съ другой въ поврежденности, тяготѣніи къ чувственности и смерти, зарождающихся подъ вліяніемъ грѣховныхъ пожеланій, и вслѣдствіе своей внутренней связи съ душою и на душу вредоносно дѣйствующаго тѣла, а также въ духовно моральномъ вліяніи на дѣтей со стороны ихъ родителей, начиная съ утробы матерей. Но при этомъ, естественно, возникаетъ новый вопросъ: для чего же Богъ обрекаетъ на столь неблагопріяныя и тяжелыя условія невинныя, Имъ Самимъ создаемыя, души? На это, опять остается отвѣчать только тѣмъ, что Богъ, опредѣливши создать челоуѣческія души для тѣлъ, имѣющихъ путемъ рожденія происходить отъ

¹⁾ S. Gregor. Veg. Epist. lib VII. indict. II. Epist. LIV. Fom. secund. pag. 820; см. у Кашменскаго. 149. 150.

самыхъ прародителей, положилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и соединить ихъ судьбу внутренно съ судьбою прародителей, вслѣдствіе чего, хотя онѣ, ставши членами человѣчества, должны были совмѣстно съ прародителями подвергнуться всѣмъ тягостнымъ послѣдствіямъ ихъ паденія, но за то вмѣстѣ же съ ними имѣли сдѣлаться причастниками тѣхъ благъ, какія имѣли быть дарованы человѣчеству его Искупителемъ“ ¹⁾).

Оставалось послѣ этого допустить одно, что все это разнообразіе физическихъ и духовныхъ свойствъ въ людяхъ и все нравственное зло въ мірѣ происходитъ отъ нашего тѣла и чувственной матеріи. Но этой мысли никогда не допускали серьезные христіанскіе мыслители, твердо будучи увѣрены въ томъ, что тѣло, какъ и всякая матерія, само по себѣ не можетъ быть источникомъ зла и что зло, какъ явленіе духовной природы человѣка, возможно только въ области свободы.

Противники гипотезы творенія душъ выставляютъ противъ нея не мало и положительныхъ возраженій. Гипотеза креационизма, говорятъ они, несправедливо вводитъ въ естественный порядъ вселенной міра сверхъестественное твореніе и потому самому никакъ не можетъ быть примирена съ покоемъ Творца, закончившимъ въ шесть дней мірозданія новое творчество. (Быт. 22). Это возраженіе нельзя признать основательнымъ. Возвращаясь къ предложеннымъ выше основаніямъ гипотезы, въ опроверженіе только что указаннаго противорѣчія ея библейскому повѣствованію о міротвореніи, мы могли бы указать на то, приводимое бл. Іеронимомъ свидѣтельство Писанія, изъ котораго видно, что хотя Богъ и почилъ отъ дѣлъ творенія, однако не прекращаетъ ни своей промыслительной, ни творческой дѣятельности, поскольку она является необходимою для поддержанія жизни и производительности созданныхъ Имъ существъ. Такимъ свидѣтельствомъ служатъ слова Самого Іисуса Христа: „*Отецъ мой доселѣ дѣлаетъ и Азъ дѣлаю*“, на основаніи коихъ, по словамъ бл. Іеронима, сама Церковь именуетъ Бога Творцемъ. Присоединимъ сюда толкованіе нашего выдающагося догматиста, который говоритъ, что „*означенными словами, хотя ближе всего указывается на*

¹⁾ Опр. пр. догм. бог. Еп. Сильв. т. III, стр. 338.

непрерывно проявляющуюся въ мірѣ промыслительную Божию дѣятельность, но не исключается и непосредственное участие Божіе тамъ, гдѣ при осуществленіи предначертаній Божіихъ оказываются бессильными вторичные или посредствующіе тварные дѣятели“¹⁾).

Гипотеза творенія душъ созидаетъ еще и то весьма важное затрудненіе, при которомъ совершенно непонятнымъ становится самое воплощеніе Спасителя. Если Христосъ такой же человекъ, какъ и всѣ люди, пріявшій не только плоть, но и душу человеческую, то какимъ образомъ и откуда получаетъ онъ душу свою. Вѣдь души людей непосредственно творятся Самимъ Богомъ и посылаются въ тѣла для соединенія съ ними въ моментъ рожденія ихъ отъ родителей. Потому и Спаситель нашъ, воплотившійся отъ Духа Святаго и Маріи Дѣвы, согласно этому ученію, получаетъ только одну плоть человеческую, душа же ниспосылается Богомъ, ея непосредственнымъ Творцомъ. Стоитъ-ли распространяться, что такое ученіе о вочеловѣченіи Господа стоитъ въ противорѣчій съ догматическимъ ученіемъ о семъ церкви христіанской.

При этомъ же ученіи, по замѣчанію Оригена, остается положительно необъяснимымъ, почему Богъ, будучи всемогущимъ и благимъ, не вначалѣ и не сразу создалъ души. а сталъ бы творить ихъ мало-по-малу, постепенно, и одиѣ раньше, а другія позже. Мало этого, если Самъ Богъ непосредственно творитъ души и посылаетъ ихъ въ тѣла для образованія человека, то какъ будемъ судить о случаяхъ противузаконныхъ половыхъ связей, при которыхъ рождаются дѣти. Если мы согласимся въ этомъ случаѣ съ ученіемъ креационистовъ, то поневолѣ должны будемъ подчинить творческую волю Божию дѣйствію преступныхъ страстей.

Впрочемъ и это послѣднее возраженіе въ значительной степени ослабляетъ Еп. Сильвестръ. „Если Богъ отъ начала предуставилъ, чтобы съ актомъ рожденія по плоти дѣтей отъ своихъ родителей всегда соединялся Его непосредственный актъ творенія душъ, то, понятно, что творить ли Онъ души для дѣтей, рождаемыхъ отъ браковъ законныхъ или отъ связей

¹⁾ Опр. пр. догм. бог. Еп. Сильв. т. III, стр. 336.

преступныхъ, поступаетъ въ семь случаѣ, какъ прилично Богу, совершенно независимо и свободно, сообразуясь не съ личными расположеніями и склонностями людей, а единственно съ предначертаннымъ своимъ премудрымъ планомъ объ умноженіи людей. Можно ли требовать, чтобы Богъ отступалъ отъ предуставленнаго Имъ Самимъ закона происхожденія людей, ради того только, что къ акту плотскаго рожденія дѣтей примѣшиваются порочныя пожеланія ихъ родителей, тогда какъ самъ въ себѣ актъ рожденія не заключаетъ ничего злого и преступнаго? Допуская же примѣсъ къ этому порочныхъ и незаконныхъ пожеланій со стороны родителей, Богъ въ семь случаѣ поступаетъ такъ, какъ поступаетъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, не потворствуя злу, а только допуская его силою дарованной Имъ человѣку свободы“¹⁾.

Изложенныя затрудненія и неудобства гипотезы творенія душъ издавна обращали вниманіе глубокомысленныхъ христіанскихъ писателей, которые, какъ увидимъ ниже, дѣлали съ своей стороны разныя попытки къ тому, чтобы приспособить это ученіе къ христіанскому взгляду на происхожденіе человѣческой души.

Попытки нѣсколько измѣнить смыслъ гипотезы творенія душъ и найти истину въ соглашеніи ея съ гипотезой традиціонизма дѣлались со стороны Григорія Богослова, бл. Θεодорита, св. Іоанна Златоуста и Григорія Нисскаго. Неизбѣжность и необходимость такого соглашенія двухъ указанныхъ ученій можно впрочемъ усматривать и въ словахъ Григорія Двоеслова, который, дѣлая оцѣнку cadaго изъ нихъ въ отдѣльности, какъ бы намекаетъ на то, что истину слѣдуетъ искать въ срединѣ между ними. „Если, говоритъ онъ, душа рождается отъ субстанціи Адама, то почему же она и не умираетъ вмѣстѣ съ плотію? А если вмѣстѣ съ плотію не рождается, то почему она въ этой заимствованной отъ Адама плоти и подчинена грѣхамъ“²⁾. Остается предположить одно, что души рождаются отъ душъ родителей, но не путемъ естест-

1) Он. др. догм. бог. Ев. Слзль т. III, стр. 387.

2) S. Gregos. Reg. Epist. lib. VII. См. Сист. св. уч. отц. о душѣ свлц. Ст. Кашинскаго.

веннаго плотскаго происхожденія, а при содѣйствіи Самого Бога, Который, не употребляя творческаго акта, даетъ бытіе имъ единственно по своему благоволенію.

Къ этому мнѣнію, хотя и съ особеннымъ ограниченіемъ и нѣкоторою нерѣшительностью, склонялся и св. Григорій Богословъ. Въ сущности онъ прямо не раздѣляетъ этого мнѣнія, относя сей предметъ къ области тайнъ, пріемлемыхъ вѣроу. Онъ утверждаетъ, что „душа прилѣпляется (къ тѣлу) невѣдомымъ образомъ, приходя со—внѣ въ перстный составъ, какъ знаетъ сіе Создавшій“¹⁾. Но нѣкоторыя разсужденія св. Григорія Богослова на первый взглядъ, повидимому, устраняютъ всякую возможность другого какого-либо истолкованія, кромѣ положительнаго утвержденія мысли о твореніи душъ Самимъ Богомъ. Проникаясь глубокимъ благоговѣніемъ къ Творческой Премудрости, проявившейся въ таинственномъ и непонятномъ сопряженіи души съ тѣломъ и оставляя всякія попытки проникнуть въ сущность этой тайны, св. Григорій Богословъ съ изумленіемъ останавливается предъ этимъ вопросомъ, взывая: „Кто сотворилъ такъ премудро человѣка?“ спрашиваетъ онъ въ одномъ своемъ „словѣ“. „Кто соединилъ противоположное, сочеталъ персть съ духомъ, составилъ живое существо, видимое и невидимое, временное и вѣчное, земное и небесное, стремящееся къ Богу, но не постигающее Его, приближающееся къ Нему, но далеко отъ Него отстоящее“²⁾. И въ другомъ мѣстѣ онъ даетъ на поставленный вопросъ положительный отвѣтъ: „Смертный отецъ“, говоритъ онъ, „виновникъ не цѣлаго человѣка, какъ говорятъ это, а только плоти и крови,—того, что разрушается въ человѣкѣ, душа же—дыханіе Бога Вседержителя, привходящее въ земной образъ со—внѣ. Какъ? это знаетъ Тотъ, Кто соединилъ ихъ, Кто вдохнулъ душу первоначально и соединилъ свой образъ съ землею“³⁾.

Итакъ, душа человѣческая, по ученію св. Григорія Богослова, привходитъ въ организмъ человѣка со—внѣ, хотя онъ

1) Ibid.

2) См. „Догм. уч. Гр. Бог.“ свщ. Виногр., стр. 370—371.

3) Carm. moral. S. in laudem Virginitatis, vv. 492—496, col. 557—559. См. Догм. уч. Гр. Бог. свщ. Н. Виногр., стр. 369.

и не даетъ объясненія тому, какъ это происходитъ. Въ то же время, какъ бы удовлетворяя своей любознательности, Назіанзенъ замѣчаетъ, что „иной, пришедши на помощь.... смѣло и слѣдую многимъ, присовокупилъ и слѣдующее заключеніе: „какъ тѣло, первоначально растворенное въ насъ изъ персти, сдѣлалось въ послѣдствіи потокомъ человѣческихъ тѣлъ и отъ первоначальнаго корня не прекращается, въ одномъ человѣкѣ заключающаго другихъ: такъ душа, вдохнутая Богомъ, съ сего времени сопривходитъ въ образуемый составъ человѣка, раждаясь вновь изъ первоначальнаго“ (конечно духовнаго) сѣмени удѣляемая многимъ“ ¹⁾).

Отсюда ясно, что не только самъ Григорій Богословъ, но и многіе его современники, по его свидѣтельству, склонны были признать за истину тотъ взглядъ на происхожденіе душъ человѣческихъ, по которому они творятся Богомъ отъ душъ самихъ родителей.

Болѣе опредѣленно выражаетъ эту мысль бл. Феодоритъ. Отвергая предположеніе гипотезы креаціонизма и не допуская въ то же время, чтобы душа могла происходить путемъ плотскаго рожденія отъ сѣмени родителей, онъ утверждаетъ, что своимъ происхожденіемъ души обязаны особому закону, изначала вложенному въ человѣческую природу Самимъ Богомъ. Вотъ подлинныя слова бл. Феодорита. „Младенецъ, говоритъ онъ, получаетъ душу, но не такъ, чтобы душа отъ нѣ привносила въ тѣло, и не такъ, чтобы рождалось отъ сѣмени“, т. е. отъ плоти и крови, „но потому, какой законъ Богъ отъ начала вложилъ въ человѣческую природу, получаетъ бытіе“ ²⁾

Итакъ, души обязаны своимъ бытіемъ родителямъ, рождающимъ ихъ отъ своихъ же душъ, но не самостоятельно, а при содѣйствіи Божіемъ, выражающимся какъ въ промыслительномъ его вліяніи, такъ и въ особой творческой дѣятельности. При этомъ творческое участіе Бога бл. Феодоритъ понималъ не въ смыслѣ созиданія, творенія вновь изъ ничего, а въ смыслѣ творенія изъ сущаго, каковое участіе Творца обнаруживается между прочимъ въ продолженіи родовъ и видовъ

¹⁾ Св. Гр. Бог. бл. Г. о душѣ. VI. 240.

²⁾ Бл. Феодор. О „природѣ человѣка“. Хр. Чт. 1846. VI. 60.

предназначенныхъ къ бытію существъ. Ибо, по его замѣчанію, „Владыка Богъ творитъ изъ несущаго и созидаетъ изъ сущаго: первое небо создалъ изъ несущаго, а второе сотворилъ изъ водъ“ ¹⁾. При такомъ ученіи о твореніи не трудно понять, какимъ образомъ „переставшій въ седьмой день творить и приводитъ отъ небытія въ бытіе“ даетъ жизнь цѣлому ряду духовно-разумныхъ существъ.

Что касается образа или способа происхожденія души человѣческой или, точнѣе, ея появленія въ извѣстный моментъ времени въ области видимаго міра для соединенія съ тѣломъ, то этотъ вопросъ еще больше представляетъ собою трудностей и еще менѣе доступенъ нашему сознанію и непосредственному чувству. Тѣмъ не менѣе въ святоотеческой литературѣ мы находимъ болѣе или менѣе обстоятельное разрѣшеніе сего вопроса, и хотя по сему предмету мы встрѣчаемся здѣсь съ двумя различными мнѣніями, но эти мнѣнія легко и удобно могутъ быть примирены въ одномъ опредѣленномъ и согласномъ ученіи.

Мы не станемъ упоминать объ извѣстной теоріи предсуществованія душъ, рассмотрѣнной нами выше. Будучи ученіемъ мало вѣроятнымъ, оно не даетъ намъ увѣренности въ томъ, что души появляются въ мірѣ до зачатія и образованія нашихъ тѣлъ. Но не приходятъ ли души послѣ тѣлъ; не являются ли они въ тѣлахъ послѣ зачатія и окончательнаго образованія ихъ?

Разборъ трехъ указанныхъ гипотезъ о происхожденіи душъ человѣческихъ приводитъ насъ къ тому заключенію, что ни одна изъ нихъ не даетъ намъ опредѣленнаго отвѣта на поставленный вопросъ и что всѣ они страдаютъ такими существенными недостатками, при которыхъ они ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть приняты каждая въ отдѣльности. Но, съ другой стороны, каждая изъ рассмотрѣнныхъ гипотезъ заключаетъ въ себѣ и извѣстную долю истины и извѣстныя положительныя стороны, весьма важныя въ томъ или иномъ отношеніи для выясненія вопроса о происхожденіи душъ. Поэтому весьма понятно, почему ни слово Божіе, ни разумъ человѣческій, ни

¹⁾ Бл. Феод. Толм. на кн. Быт. попр. 15.

свидѣтельства отцовъ церкви не благопріятствуютъ вполне ни одной изъ трехъ разсмотрѣнныхъ гипотезъ, хотя въ то же время весьма легко могутъ быть приспособляемы къ каждой изъ нихъ въ отдѣльности. Это положительно свидѣтельствуешь о томъ, что каждая изъ нихъ заключаетъ въ себѣ часть истины, которая и имѣетъ въ свою пользу то или другое основаніе въ Писаніи, въ соображеніяхъ разума и въ твореніяхъ св. отцевъ церкви. Выдѣлить эту долю истины изъ каждаго ученія, объединить ее въ одномъ согласномъ ученіи, путемъ соглашенія всѣхъ трехъ гипотезъ и устраненія ихъ крайностей, и составляло прямую задачу нѣкоторыхъ отцевъ церкви въ рѣшеніи вопроса о происхожденіи душъ человѣческихъ.

Принявъ лучшія стороны трехъ разсмотрѣнныхъ гипотезъ и очистивъ ихъ отъ наиболѣе рѣзкихъ недостатковъ, мы могли бы представить ученіе о происхожденіи душъ въ родѣ человѣческомъ въ слѣдующемъ видѣ.

Душа, какъ существо недѣлимое и въ то же время измѣняющееся, происходя вмѣстѣ съ тѣломъ отъ родителей, до происхожденія своего пребываетъ въ состояніи возможности въ ихъ естествѣ, именно родотворящей силѣ, усвоенной имъ, и чрезъ нихъ, и отъ нихъ приходитъ въ дѣйствительное бытіе. Вотъ *traducianismus*.

Но въ то же самое время душа, появляющаяся на поприще земного существованія при посредствѣ родителей, есть *дыханіе жизни*, сообщаемое Богомъ—Творцомъ. Слѣдовательно, истинный Родитель ея, если позволительно такъ выразиться, есть Богъ и начало бытія ея восходитъ въ область вѣчности. Вотъ *praexistentianismus!*

Между тѣмъ, происходящая душа есть новое существо, которое изъ состоянія чистой возможности переходитъ въ дѣйствительное бытіе. Основаніе этого бытія, хотя и заключается въ родителяхъ, но самая первопричина его полагается въ томъ, что въ нихъ есть, выше ихъ самихъ, а именно, въ безконечной силѣ Божіей, вліянной въ нихъ; дѣйствіе же этой силы всегда открывается подъ вліяніемъ свободной воли Божіей, возвышающейся надъ всѣми отношеніями времени. Переведеніе существа изъ состоянія чистой возможности въ состояніе дѣй-

ствительнаго бытія свободною волею Божіею есть твореніе. Вотъ *creatianismus!* ¹⁾.

Въ такомъ же смыслѣ принимала ученіе о происхожденіи душъ и христіанская церковь, которая открыто засвидѣтельствовала это ученіе, какъ общецерковное, формулировавъ его въ своихъ вѣроопредѣленіяхъ. Пятый вселенскій соборъ, осуждая мнѣніе Оригена о предсуществованіи душъ выразился о семъ такъ: Церковь, послѣдуя божественнымъ словамъ, утверждаетъ, что душа творится вмѣстѣ съ тѣломъ, а не такъ, чтобы одно творилось прежде, а другое послѣ, по лжеученію Оригена“ ²⁾. И такое мнѣніе было одинаково принято не только въ церкви восточной, но и западной. Вѣрованіе церкви восточной ясно и точно выразилъ бл. Θεодоритъ. „Св. церковь, говоритъ онъ, вѣруя божественному Писанію, учитъ, что душа творится вмѣстѣ съ тѣломъ, но не такъ, чтобы съ самымъ сѣменемъ, изъ котораго образуется тѣло, и она получила бытіе, но что по волѣ Творца, она тотчасъ же является въ тѣло, по его образованію“ ³⁾. Выразителемъ же вѣрованія Церкви западной, является св. Левъ Великій, папа римскій и бл. Іеронимъ. Точное опредѣленіе такого вѣрованія, принадлежащаго бл. Іерониму, изложено выше ⁴⁾. Что касается Льва великаго, то онъ въ своемъ посланіи къ Туррибію, писалъ между прочимъ слѣдующее: „Каѳолическая вѣра, говоритъ онъ, исповѣдуетъ, что каждый человѣкъ по своему тѣлу и душѣ образуется и одушевляется въ утробѣ матерней Творцемъ всяческихъ, такъ, впрочемъ, что остается зараза грѣха и смерти переходящая отъ прародителей на потомство“ ⁵⁾. Еще опредѣленіе ту же мысль высказываетъ Левъ великій въ другомъ мѣстѣ, когда говоритъ: каѳолическая вѣра постоянно и неложно проповѣдуетъ, что души людей прежде, чѣмъ стали жить въ своихъ тѣлахъ, не существовали, и что они воплощаются въ тѣ-

1) Безсмер. души и самоуб. Апост. опытъ Тихомирова. Москв. 1882 г. стр. 10.

2) Прав. Исп. ч. I. отв. на воп. 28.

3) Крат. изл. Бож. догм. гл. IX. Хр. чт. IX. 44. IV. 221.

4) См. выше.

5) Epist. 15. ad. Turrib. c. 9; см. оп. пр. догм. бог. Ев. Связи. т. III. 326.

лахъ не отъ кого-либо другого, какъ отъ Зяждителя Бога, который есть творецъ ихъ и тѣлъ“ 1).

Хотя каждая изъ приведенныхъ формулъ, выражающихъ вѣру церкви восточной и западной и даетъ основаніе для разныхъ разъясненій, тѣмъ не менѣе всѣ вмѣстѣ устанавливають совершенно точный и опредѣленный взглядъ церкви на происхожденіе душъ человѣческихъ. „Во всякомъ случаѣ, пишетъ нашъ русскій догматистъ еп. Сильвестръ, въ дальнѣйшее время мы уже не встрѣчаемся съ недоумѣніями по вопросу о происхожденіи душъ, и, какъ должно думать, съ этого времени твердо установилось въ церкви, какъ предпочтительное предъ всѣми другими, мнѣніе о происхожденіи душъ чрезъ всегдашнее посредствованіе творчества Божія, и творчества не въ обширномъ, а въ тѣсномъ и строгомъ смыслѣ сего слова. Такъ, по крайней мѣрѣ, оно было формулировано въ одобренномъ восточными патріархами православномъ исповѣданіи католической восточной церкви, въ которомъ по вопросу (вопр. 28) о происхожденіи душъ, читаемъ слѣдующее: „тѣло человѣческое отъ сѣмени Адамова происходитъ, но душа происходитъ отъ Бога, какъ говоритъ Писаніе: *прострый небо и основаяй землю, и созидаий духъ челоука въ немъ* (Зах. 12, 1) и въ другомъ мѣстѣ *и возвратится персть въ землю, якоже бѣ, и духъ возвратится къ Богу, иже даде ео* (Еккл. 12, 7). Дается же отъ Бога душа тогда, когда образуется тѣло, и сдѣлается способнымъ приять ее и когда она входитъ, то разливается по всему тѣлу подобно тому, какъ огонь въ раскаленномъ желѣзѣ“. Можно замѣтить, что мнѣніе о твореніи душъ осталось господствующимъ и въ западной церкви, какъ въ средніе вѣка, такъ и въ позднѣйшее время 2).

В. Давидово.

1) Ibid. стр. 10.

2) Опр. пр. дог. бог. Еп. Сильв. т III, стр. 327.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

п о

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

28 Февраля № 4 1907 года.

Содержаніе. I. О перенесеніи Чудотворной иконы Божіей Матери—Озерянскія.—
Епархіальныя извѣщенія.—Отъ Правленія Харьковской духовной Семинаріи.—
Харьковскій Народный календарь на 1907 годъ.

I.

Въ непремѣнную обязанность поставляется о.о. настоятелямъ приходскихъ храмовъ нѣсколько разъ объявить прихожанамъ, что нынѣ перенесеніе чудотворной иконы Божіей Матери—Озерянскія изъ Покровскаго Харьковскаго монастыря въ Куряжскій будетъ совершено на пасхальной недѣлѣ въ четвергъ (26 апрѣля).

Арсеній Архiepископъ Харьковскій.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

I. Объ опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста

а) діаконъ Рождество-Богородичной церкви, сл. Моревы, Харьковскаго уѣзда, Федоръ *Ковалевъ*, опредѣленъ 14 февраля н. года на священническое мѣсто при Троицкой церкви, слободы Михайловки, Валковскаго уѣзда.

б) Діаконъ Вознесенской церкви сл. Васильковки, Павлоградскаго уѣзда, Вкаторнославской епархіи, Петръ *Самойловъ* опредѣленъ 16 февраля на священническое мѣсто при Георгіевской церкви слоб. Бѣловода, Сумскаго уѣзда.

в) Крестьянинъ Филиппъ *Грузинъ*, допущенъ 16 февраля къ исправленію должности псаломщика при Рождество-Богородичной церкви сл. Шелестовой, Старобѣльскаго уѣзда.

г) Крестьянинъ Аванасій *Гончаровъ*, опредѣленъ 8 февраля н. д. псаломщика къ Ахтырско-Богородичной церкви, слободы Бугаевки, Изюмскаго уѣзда.

д) Крестьянинъ Андрей *Толмачевъ*, опредѣленъ 11 февраля н. д. псаломщика къ Владимірско-Богородичной церкви, слободы Кочетка, Зміевскаго уѣзда.

2. О перемѣщеніи священно-церковно-служителей на другія мѣста.

а) Священникъ Троицкой церкви, сл. Михайловка, Валковскаго уѣзда, Іоаннъ *Рокитянский*, перемѣщенъ 14 февраля на священническое мѣсто при Василіевской церкви, села Ястребеннаго, Сумскаго уѣзда.

б) Протоіерей Богодуховской Покровской церкви, Василій *Доброславскій*, и священникъ Троицкой церкви, города Богодухова, Василій *Власовъ* перемѣщены 15 февраля одинъ на мѣсто другого.

в) Священникъ Успенской церкви, сл. Большой Писаревки Богодуховскаго уѣзда, Василій *Доброславскій* перемѣщенъ 23 февраля къ церкви села Ивановки. Харьковскаго уѣзда.

г) Псаломщики церквей: слободы Шандриголовой, Изюмскаго уѣзда, Василій *Филевскій* и села Вольнаго, Богодуховскаго уѣзда, Стефанъ *Ковалевъ* перемѣщены 16 февраля одинъ на мѣсто другого.

д) Протоіерей Харьков. Пантелеимоновской церкви, Василій *Ветуховъ* перемѣщенъ 20 февраля на 2-е священ. мѣсто при Харьковской Николаевской церкви.

е) Священникъ Троицкой церкви, сл. Мостковъ, Старобѣльскаго уѣзда, Іоаннъ *Полницкій* перемѣщенъ 23 февраля къ Харьковской Пантелеимоновской церкви.

3. Объ увольненіи за штатъ.

а) Священникъ Покровской церкви, города Богодухова Василій *Власовъ*, согласно его прошенію, уволенъ за штатъ 20 февраля 1907 года.

б) Псаломщикъ Владиміреко-Богородичной церкви, села Кочетка, Зміевского уѣзда, Михаилъ *Семейкинъ*, согласно его прошенію, уволенъ за штатъ 11 февраля 1907 года.

4. О смерти среди духовенства.

а) Священникъ Архангело-Михайловской церкви, заштатнаго города Краснокутска, Богодуховскаго уѣзда, Іоаннъ *Туранскій* умеръ 17 февраля 1907 года.

б) Священникъ Троицкой церкви, слоб. Ново-Россоши Старобѣльскаго уѣзда, Стефанъ *Козьменко* умеръ 15 февраля 1907 года.

5. Объ утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

а) Къ Георгіевской церкви, слоб. Голой Долины, Изюмскаго уѣзда, утвержденъ 7 февраля старостою крестьянинъ Теодоръ *Поляковъ*.

б) Къ Николаевской церкви, слободы Бѣлки, Ахтырскаго уѣзда, утвержденъ 7 февраля старостою мѣщанинъ Семеновъ *Годуновъ*.

в) Къ Антоніевской церкви, села Кричишнаго Ахтырскаго уѣзда, утвержденъ 7 февраля старостою крестьянинъ Косьма *Луценко*.

- г) Къ Акилицинской церкви, села Некременнаго, Изюмскаго уѣзда, утвержденъ 7 февраля старостою крестьянинъ Арсеній *Леоновъ*.
- д) Къ Θεодосіевской церкви, села Михайловки, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 12 февраля старостою крестьянинъ Тимошей *Куценко*.
- е) Къ Троицкой церкви, слободы Черкаскаго Бишгина, Зміевскаго уѣзда, утвержденъ 14 февраля старостою крестьянинъ Савва *Оклей*.
- ж) Къ Троицкой церкви, слоб. Кривой Луки, Изюмскаго уѣзда, утвержденъ 14 февраля старостою крестьянинъ Иванъ *Ермаковъ*.
- з) Къ Николаевской церкви, слоб. Шульгини, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 14 февраля старостою крестьянинъ Павелъ *Правенькій*.
- і) Къ Троицкой церкви, слоб. Марковки. Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 16 февраля старостою крестьянинъ Корнилій *Онопrienko*.
- к) Къ Успенской церкви, слободы Нижней Орели, Зміевскаго уѣзда, утвержденъ 19 февраля старостою крестьянинъ Адрианъ *Погрежкій*.

6. Объ утвержденіи въ должности законоучителей.

- а) Священникъ Архангело-Михайловской церкви, село Павловокъ, Сумскаго уѣзда, Николай *Чепуринъ* утвержденъ 15 февраля законоучителемъ мѣстнаго народнаго училища.
- б) Священникъ Архангело-Михайловской церкви, слоб. Старой Айдары, Старобѣльскаго уѣзда, Іаковъ *Лисенко* утвержденъ 17 февраля 1907 года законоучителемъ Счаственскаго народнаго училища, Старобѣльскаго уѣзда.
- в) Священникъ Успенской церкви, слоб. Хрущевой Никитовки, Богодуховскаго уѣзда, Александръ *Самойловъ* утвержденъ 20-го февраля 1907 года законоучителемъ Кіацковскаго народнаго училища, Богодуховскаго уѣзда.

7. Вакантныя мѣста.

а) Священническія.

- При Покровской церкви, сл. Терновъ, Лебединскаго уѣзда.
- Тихоновской церкви, слоб. Титаровки, Старобѣльскаго уѣзда.
- Архангело-Михайловской церкви сл. Павловокъ, Сумск. у.
- Архангело-Михайловской церкви, города Краснопутска, Богодух. у.
- Покровской церкви, села Богодухова.
- Троицкой церкви, сл. Ново-Росоши, Старобѣльскаго уѣзда.
- Успенской церкви, слоб. Большой Писаревки, Богодуховскаго уѣзда.
- Троицкой церкви, слоб. Мостковъ, Старобѣльскаго уѣзда.

б) Псаломщики.

- При Христорождественской церкви, сл. Гавриловки, Харьковскаго уѣзда.
- Сошествіевской церкви, сл. Хатней, Волчанскаго уѣзда.

ОТЪ ПРАВЛЕНІЯ ХАРЬКОВСКОЙ ДУХОЗНОЙ СЕМИНАРІИ.

Согласно § 155 семинарскаго устава, плата за содержаніе своекоштныхъ воспитанниковъ Семинаріи должна быть вносима по третимъ учебнаго года въ теченіе двухъ недѣль послѣ начала трети. Посему Правленіе Семинаріи покорнѣйше проситъ отцовъ таковыхъ воспитанниковъ озаботиться высылкой на имя Правленія въ теченіе марта за третью треть сего учебнаго года въ размѣръ 40 руб. съ воспитанниковъ духовнаго званія, не получающихъ пособія, 20 руб.—съ воспитанниковъ получающихъ пособие, и 60 руб.—съ инословныхъ воспитанниковъ. *Не внесшіе въ указанный срокъ денегъ за свое содержаніе воспитанники на основаніи того же устава, подлежатъ удаленію изъ общеземліи.*

ХАРЬКОВСКІЙ НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ НА 1907 ГОДЪ.

Среди многихъ календарей, появившихся въ свѣтъ предъ началомъ текущаго года, по всей справедливости занимаетъ видное, если не исключительное, мѣсто выше указанный нами народный календарь. Онъ преимущественно имѣетъ въ виду жителей Харьковской губерніи, городскихъ и сельскихъ, но по своему назначенію, содержанію и цѣли весьма благовремененъ и полезенъ и для жителей многихъ другихъ губерній. Его выдающееся достоинство состоитъ въ томъ, что онъ по возможности въ популярной и общедоступной формѣ старается дать отвѣты и сообщить правильныя понятія по нѣкоторымъ вопросамъ, наиболѣе интересующимъ современное намъ общество. Съ этою цѣлію, кромѣ обычныхъ календарныхъ свѣдѣній, наприм., о Россійскомъ Императорскомъ Домѣ, Пасхальной таблицѣ, Мѣсяцесловѣ и пр., онъ передаетъ сущность новѣйшихъ законоположеній, учрежденій и распоряженій, безъ сомнѣнія, еще недостаточно пзвѣстныхъ не только среди сельскихъ обывателей, но и многихъ городскихъ, далекихъ отъ центральныхъ управленій. Какъ это ни страшно, но до сихъ поръ у насъ еще не было сносныхъ и общедоступныхъ популярныхъ пособій въ этомъ отношеніи. Современная газетная литература, попадающаяся въ руки городского или сельскаго мало интеллигентнаго читателя, по большей части вкривъ и вкось отмѣчаетъ лишь мнимыя или воображаемые недостатки мѣропріятій, законоположеній и распоряженій, но не даетъ путеводной нити, существенной основы всѣхъ этихъ правительственныхъ постановленій и распоряженій для тѣхъ, кто пожелалъ бы прежде детальнаго изученія всего этого, имѣть общее руководящее представленіе о нихъ, ихъ назначеніи, характерѣ и содержаніи. Харьковскій

народный календарь идетъ на встрѣчу этому печальному опущенію въ жизни обывателя и старается сообщить ему вѣрныя и правильныя понятія по многимъ вопросамъ наиболѣе интересующимъ нашихъ современниковъ, волею или неволею вовлеченныхъ теперь въ водоворотъ тепленціозныхъ или партійныхъ толковъ по этимъ вопросамъ. Его точка зрѣнія не только легальна правильная, но и строго православная и патриотическая. Приведемъ два-три примѣра изъ содержанія этого дѣльнаго календаря.

Нѣтъ сомнѣнія, что нашъ русскій народъ религіозенъ; это же надобно сказать и о харьковскихъ малороссахъ. Но ихъ религіозность въ общемъ больше обрядовая, традиціонная, историческая, чѣмъ идейная или сознательная. А между тѣмъ въ наше время христіанскія идеи должны переходить изъ области традиціоннаго или обрядоваго чувства въ область яснаго сознанія и должны освѣщать собою все разнообразіе текущей жизни. Россія призывается къ новой жизни, къ обновленію себя не только въ обрядовомъ смыслѣ, но и къ сознательному пониманію христіанства и роднаго православія примѣнительно къ наплыву чуждыхъ, стороннихъ и нерѣдко враждебныхъ православію идей.— Поэтому въ „Словѣ“ на 17-е октября, помѣщенномъ въ этомъ календарѣ, прот. Вас. Добровольскій указываетъ практическіе христіанскіе приемы для проведенія христіанскихъ идей въ жизнь, при обсужденіи тѣхъ или другихъ вопросовъ жизни. На ряду съ этимъ читатель найдетъ очень дѣльныя мысли по вопросу: „Можно ли христіанину быть социалистомъ“, гдѣ въ то же время рѣшаются частнѣйшіе вопросы о томъ, что такое социализмъ и есть ли въ немъ что либо похожее на христіанство. Нельзя не признать популярное рѣшеніе подобныхъ вопросовъ весьма полезнымъ и благовременнымъ въ наше время, такъ какъ социалистическія идеи, идеи социаль-демократовъ и социаль-революціонеровъ, уже распространяются среди нашихъ рабочихъ и даже крестьянъ. Не менѣе полезны и благовременны и правительственныя сообщенія по нѣкоторымъ современнымъ или текущимъ отечественнымъ событіямъ, тоже помѣщенные въ этомъ календарѣ. Таковы прежде всего заявленія Государя Императора о бывшей Государственной Думѣ, когда, по словамъ Государя, „выборные отъ населенія, вмѣсто работъ строительнаго законодательнаго, уклонились въ непринадлежащую имъ область и обратились къ разслѣдованію дѣйствій поставленныхъ отъ насъ мѣстныхъ властей, къ указаніямъ намъ на несовершенство Законовъ Основныхъ, измѣненія которыхъ могутъ быть приняты лишь Нашею Монаршею волею, и къ дѣйствіямъ явно незаконнымъ, какъ обращеніе отъ лица Думы къ населенію. Смущенное же таковыми непорядками крестьянство, не ожидая законнаго улучшенія положенія, перешло въ цѣломъ рядѣ губерній къ открытому грабежу, хищенію

чужого имущества, неповиновенію закону и законнымъ властямъ* (*Маниф. 9 июля 1906 г.*). Вместе съ этимъ въ календаръ напечатано Правительственное сообщеніе о томъ, что Правительство внесло уже въ Государственную Думу свои предположенія о способахъ улучшенія и расширенія крестьянскаго землевладѣнія и объ измѣненіи порядка землепользованія крестьянъ на ихъ надѣльныхъ земляхъ. Сущность всего этого сообщенія кратко можетъ быть выражена слѣдующими заключительными его словами: *„Русское крестьянство должно знать и помнить, что не отъ смутъ и насилія оно можетъ ожидать удовлетворенія своихъ нуждъ, а отъ мирнаго своего труда и постоянныхъ о немъ заботъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА“*. Это же правительственное сообщеніе довольно подробно разъясняется затѣмъ въ другихъ мѣстахъ, именно въ статьѣ: *„Что хочетъ сдѣлать Правительство, чтобы улучшить положеніе крестьянъ?“*—И въ статьѣ: *„Высочайшій Указъ отъ 5 октября 1906 г.“*, въ которомъ Государь Императоръ нашъ выражаетъ волю свою завершить мудрыя предначертанія Царя Освободителя, возвѣщенные нынѣ царствующимъ Императоромъ, на началахъ гражданской свободы и равноправности передъ закономъ всѣхъ россійскихъ подданныхъ. Здѣсь указываются всѣ права, которыя высочайше дарованы всѣмъ россійскимъ подданнымъ по предначертанію Царя Освободителя, Его внукомъ—нынѣ царствующимъ Государемъ Императоромъ. Такимъ образомъ въ календаръ объединяются двѣ великія эпохи изъ исторіи русскаго народа, — эпоха освобожденія и эпоха завершения освободительныхъ предначертаній. Вместе съ тѣмъ указывается и то, что по волѣ Государя Императора, съ 1-го января 1907 года отмѣняется взиманіе съ крестьянъ выкупныхъ платежей за надѣльные земли и точно опредѣляются права новыхъ владѣльцевъ выкупленной земли (*Именной Высочайшій Указъ Правительствующему Сенату отъ 9 ноября 1906 года*). Но довольно. Мы не имѣли въ виду исчерпать все содержаніе Харьковскаго народнаго календаря. Представляемъ это сдѣлать самимъ читателямъ. Мы хотѣли только охарактеризовать главное направленіе календаря. Но кромѣ этого содержанія, читатели найдутъ въ немъ и нѣкоторыя другія свѣдѣнія, полезныя въ ихъ житейскомъ обиходѣ. Въ этомъ отношеніи его по справедливости можно назвать сборникомъ полезныхъ свѣдѣній. Сохраняя главный характеръ календаря, онъ въ то же время даетъ перечень крестныхъ ходовъ по Харьковской губерніи, ямарокъ, общихъ почтовыхъ и почто-телеграфныхъ свѣдѣній, административнаго раздѣленія Харьковской губерніи, лечебныхъ заведеній г. Харькова, желѣзнодорожныхъ свѣдѣній, землеустроительныхъ комиссій, совѣтовъ улучшенія крестьянскихъ хозяйствъ, лечебныхъ средствъ для домашнихъ

животныхъ и нѣсколькихъ патріотическихкихъ стихотвореній. Онъ даже начинается прекраснымъ стихотвореніемъ нашего Харьковскаго поэта г. Иванова, который весьма справедливо характеризуетъ между прочимъ смыслъ переживаемой нами эпохи, слѣдующею поэтической строфою:

„Душа Царя съ душой народа
Въ союзъ сливаются святой...
Растетъ разумная свобода,
Союзъ сирѣпяля вѣковой“... (6 Декабря).

Вообще надобно сказать, что „Харьковскій народный календарь“ составленъ весьма дѣльно, благонамѣренно и съ разумнымъ пониманіемъ переживаемыхъ нами дней. Надобно поэтому пожелать, чтобы онъ нашелъ въ обществѣ самое широкое распространеніе, особенно среди рабочихъ и крестьянъ. По своей цѣнѣ онъ вполне доступенъ многимъ. За двѣнадцать или болѣе печатныхъ листовъ (in 8°) онъ стоитъ всего только 10 к. съ пересылкою, а лицамъ выписывающимъ его въ большомъ количествѣ экземпляровъ, можетъ быть уступленъ еще дешевле по взаимному соглашенію. Складъ изданія находится въ типографіи Харьковскаго Губернскаго Правленія (*Соборная пл., въ зд. Присут. мѣстѣ*), куда желающіе приобрести это изданіе благоволятъ обращаться съ своими требованіями.

К. И—нз.

II.

Содержаніе. II. Къ вопросу о „безпартійности“ духовенства — Конечный идеалъ интеллигенціи съ точки зрѣнія его осуществимости. (Окончаніе). N. — Миссіонерскій листокъ. По поводу годового собранія русскихъ штундо-баптистовъ. I Коренько. — Чѣмъ объясняется трудность борьбы со штундою и что нужно для успѣха ея? Василія Попова — Епархіальная хроника — Архіерейскія богослуженія. — Чествованіе наблюдателя церковныхъ школъ Зміевскаго уѣзда, по случаю исполнившагося десятилѣтія наблюдательской его дѣятельности. — Инспекціонный отдѣлъ. — Миссіонерскій съездъ въ Самарской епархіи — Богословскіе курсы въ Рижской епархіи. — Разныя извѣстія и замѣтки. — Всероссийскій сектантскій съездъ. — Къ измѣненію программъ женскихъ училищъ духовнаго вѣдомства. — Новыя члены Государственнаго Совѣта. — Объявленія.

КЪ ВОПРОСУ О „БЕЗПАРТІЙНОСТИ“ ДУХОВЕНСТВА.

Въ послѣднее время много говорили и говорятъ объ отношеніи духовенства и Церкви къ современнымъ событіямъ, къ политикѣ... Вопросъ о томъ, какъ должно относиться духовенству къ политикѣ, — рѣшался различно. Разнообразныя политическія партіи стремятся, понятно, увлечь духовенство въ

свой лагерь,—нельзя вѣдь не признать, что духовенство является по безчисленнымъ русскимъ селамъ и деревнямъ крупной все-таки силой по вліянію на народъ, и каждой партіи не безынтересно, поэтому, привлечь къ себѣ такихъ сторонниковъ. Въ средѣ самого духовенства вопросъ этотъ рѣшался—для однихъ—фактомъ ихъ принадлежности къ той или иной политической партіи, для другихъ—совершеннымъ устраненіемъ себя отъ рѣшенія политическихъ проблемъ и дѣятельнаго участія въ политической жизни, и, наконецъ, какъ на особое теченіе, должно указать на стремленіе духовенства стать внѣ всякихъ партій, что, однако, не значитъ еще не принимать участія въ политической и общественной жизни страны.

Мы лично также склоняемся именно къ такому рѣшенію вопроса объ отношеніи духовенства къ политикѣ.—т. е.—духовенство должно быть внѣпартійнымъ.

Главное основаніе для рѣшенія вопроса въ такомъ именно смыслѣ мы видимъ въ характерѣ и цѣляхъ Церкви Христовой, какъ извѣстнаго учрежденія, представителемъ котораго является церковное пастырство. Церковь Христова есть Царство Божіе на землѣ, и какъ Царство *Божіе*, она является царствомъ не отъ міра сего, какъ и Господь, во время суда надъ нимъ, говорилъ: „царство Мое не отъ міра сего: если бы отъ міра сего было царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня“ (Іоанн. XVIII. 36). Что же это значитъ, что Церковь—Царство Божіе на землѣ является въ то же время царствомъ неземнымъ, царствомъ не отъ міра сего? Это и значитъ именно тѣ, что Церковь Христова есть союзъ людей, по характеру и цѣлямъ совершенно отличныхъ отъ царствъ мірскихъ. Церковь, Царство Христово есть духовный союзъ людей, основанный на любви вѣрующихъ между собою, любви, которая достигается путемъ упорной борьбы съ грѣховной природой, постояннаго бдѣнія надъ собой, въ совлеченіи, какъ говоритъ Слово Божіе, съ себя встхаго человѣка и облеченіи въ новаго,—путемъ духовнаго подвига. И эта любовь, какъ результатъ духовнаго подвига, перерождаетъ человѣка, перерождаетъ и общество, образуя такимъ образомъ свободный

идеальный союзъ любви и добра въ жизни. Любовь не знаетъ различій ни имущественныхъ, ни соціальныхъ, ни національныхъ, поэтому и въ Церкви Божіей „нѣтъ іудея, ни язычника, нѣтъ раба, ни свободнаго, нѣтъ мужскаго пола, ни женскаго, ибо всѣ одно во Христѣ Іисусѣ“ (Гал. III, 28). Любовь Христова создаетъ свободный любовный союзъ и исключаетъ всякое насиліе, поэтому и тѣ оружія, которыми воинствуетъ Церковь, никогда не могутъ быть оружіями насилія; броня Церкви—праведность, щитъ—вѣра, шлемъ—спасеніе, мечъ—Слово Божіе (Есс. VI, 14—17).

Наконецъ, конечная цѣль учрежденія и существованія Церкви Христовой есть спасеніе вѣрующихъ, приведеніе ихъ къ тому блаженному концу, когда все будетъ возглавлено во Христѣ Іисусѣ, и наступитъ вѣчное Царство славы, блаженства.

Если мы обратимся теперь къ царствамъ мірскимъ, то увидимъ, что и по характеру, и по цѣлямъ они далеко отличны отъ Церкви Христовой, такъ что она среди нихъ дѣйствительно находится, какъ нѣкій корабль, обуреваемый житейскими бурями и высоко держащій знамя идеальной жизни, жизни по Христу, жизни любви и всепрощенія,—она дѣйствительно, какъ свѣтлая звѣзда, путеводитъ среди злобы и борьбы за существованіе къ лучшему свѣту, къ зарѣ доброй жизни.

Царства мірскія основаны не только на нравственномъ авторитѣ, но и на принужденіи, на силѣ; право, лежащее въ основѣ царствъ мірскихъ, имѣетъ, несомнѣнно, принудительный характеръ, и всѣ политическія учрежденія носятъ тотъ же характеръ принудительности. Церковь не отвергаетъ ихъ, не борется съ ними, но эти учрежденія не—ея учрежденія, ея жизнь, какъ уже было сказано, основана на любви. Если отъ опредѣленія общаго характера царствъ мірскихъ перейдемъ къ частностямъ, то увидимъ, прежде всего, громадное различіе въ положеніи членовъ государственной организаціи... За равенство, равноправіе ратуютъ, его добиваются... Но если политическое равенство и достижимо, то затѣмъ остается громадное соціальное неравенство, происходящее отъ различій въ экономическомъ положеніи и совершенно дискредитирующее равенство политическое, которое является

только фиктивнымъ. Соціализмъ надѣется разрѣшить соціаль-
ный вопросъ, но по нашему глубокому убѣжденію, онъ никогда
не разрѣшитъ его. Доказывать это не входитъ въ цѣли на-
стоящей статьи. Соціальный вопросъ, какъ мы видѣли, разрѣ-
шаетъ Церковь Христова, какъ особый, *духовный* союзъ. Въ
ней всѣ братья, всѣ равны. И ап. Іаковъ сурово осуждаетъ,
напримѣръ, вѣрующихъ—устроителей церковныхъ собраній—за
то, что они предоставляютъ въ собраніяхъ первыя мѣста бо-
гатымъ, а бѣдныхъ оставляютъ у входа: „не бѣдныхъ ли міра,
говоритъ онъ, избралъ Богъ быть богатыми вѣрою и наслѣд-
никами Царствія, которое Онъ обѣщаль любящимъ Его“?
(Іак. II, 5).

Если, далѣе, перейдемъ къ политическимъ партіямъ въ го-
сударствахъ, то что мы можемъ сказать о нихъ, что лежитъ
въ ихъ основѣ? Мы совершенно согласны съ тѣмъ положеніемъ
К. Маркса, что въ основѣ всякой политической партіи лежитъ
классовая подкладка, т. е. всякая политическая партія обра-
зуется на основѣ экономическихъ интересовъ и отстаиваетъ
ихъ, враждуя съ другими партіями. Если у насъ теперь и су-
ществуютъ „буржуазныя“ партіи, которыя, отстуная отъ почвы
своихъ экономическихъ интересовъ, ратуютъ, повидимому, за
улучшеніе положенія бѣдныхъ классовъ, вдаются, такимъ
образомъ, въ идеализмъ, то довѣряться имъ довольно риско-
ванно и еще большой вопросъ, какъ будутъ онѣ говорить
дальше. Опытъ же Запада показываетъ, что основа политиче-
скихъ партій—классовая, на почвѣ общности экономическихъ
интересовъ.

Если, теперь, духовенство будетъ принадлежать къ полити-
ческимъ партіямъ, то этимъ, несомнѣнно, оно ввергнетъ себя
въ борьбу классовъ, классовую борьбу, которая есть подлинно
борьба за существованіе, самая упорная и ожесточенная. При-
надлежать къ какой-либо политической партіи это, далѣе,
значитъ, ввергнуть себя въ политическую борьбу, во всякаго
рода агитаціи, предвыборныя горячки, борьбу въ самомъ пред-
ставительствѣ народномъ, у насъ—въ Государственной Думѣ.
И не трудно видѣть, что въ общемъ—принадлежать къ какой-

либо политической партіи это значитъ—отстаивая интересы своей партіи, враждовать съ другими.

Припоминая теперь, что было сказано въ началѣ о духовномъ, любовномъ характерѣ Церкви Христовой, мы можемъ ясно видѣть, насколько соотвѣтствуетъ такому характеру принадлежность къ политическимъ партіямъ паствы Христова. Христово паство и все стадо Христово должно быть единымъ, объединено однимъ духомъ любви. Какъ же можетъ оставаться въ единомъ духѣ паство, какъ можетъ вести оно созидательную работу, если пастыри раздробятся, раздѣлятся, отойдутъ къ разнымъ партіямъ и по необходимости будутъ враждовать другъ съ другомъ? Какъ могутъ они выполнить св. Завѣтъ Апостола пастырямъ еесскимъ: „внимайте себѣ и всему стаду, въ которомъ Духъ Святой поставилъ васъ блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога, которую Онъ приобрѣлъ кровію Своею“? (Дѣян. XX, 28). Какое, далѣе, можетъ быть отношеніе къ пастью его пасомыхъ, есть нѣкоторыя изъ нихъ принадлежать, предположимъ, къ другой партіи, враждебной той, къ которой принадлежитъ пасть? Духъ любви утрачивается, характеръ и цѣль Церкви Христовой, какъ духовнаго, любовнаго союза людей остается гдѣ-то далеко, въ глубинѣ первыхъ вѣковъ.

Нѣтъ, духовенство должно быть внѣ партій и выше партій,— оно должно свидѣтельствовать Христову правду равно всѣмъ— и богатымъ и бѣднымъ, и высокимъ по положенію и низкимъ, должно стремиться къ тому, чтобы союзъ людей въ церкви Божіей былъ свободнымъ и основаннымъ на любви, а не на враждѣ и насиліи... Вовлекать же Церковь въ классовую и политическую борьбу это значитъ—утрачивать самую *идею* Церкви Христовой, это значитъ—„разбить въ нѣчто всѣ завѣтныя чаянія душъ о томъ, что и на этой землѣ возможенъ такой божественный союзъ, гдѣ нѣтъ *мірскихъ* началъ, гдѣ небо низшло на землю, гдѣ нѣтъ елиина и іудея, варвара и скиѣа, раба и свободнаго, но всѣ и во всѣхъ Господь“.

Если обратимся къ исторіи, то увидимъ грозный примѣръ, предостерегающій насъ отъ вовлеченія духовенства въ классовую и политическую борьбу. Мы разумѣемъ отдѣленіе Церкви

отъ государства во Франціи. Мнѣніе, что это отдѣленіе произошло потому, что Франція—невѣрующая, развращенна слишкомъ, разумѣется, поверхностно, чтобы на немъ останавливаться. Нѣтъ, это отдѣленіе именно и произошло вслѣдствіе вовлеченія католической церкви и духовенства въ политическія интриги, политическую борьбу, вслѣдствіе, въ частности, того влериализма, которымъ характеризуется на Западѣ общественная дѣятельность католическаго духовенства, какъ слѣдствіе, впрочемъ всей многовѣковой системы папизма. Историческій примѣръ этотъ пусть послужитъ для нашего духовенства предостереженіемъ ¹⁾...

КОНЕЧНЫЙ ИДЕАЛЪ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ ЕГО ОСУЩЕСТВИМОСТИ.

(Окончаніе *).

II.

Свидѣтельства Господа и Его апостоловъ должны быть убѣдительны для вѣрующихъ во Христа, но какъ могутъ убѣдить

¹⁾ Налечатавъ эту замѣтку, считаемъ однакоже долгомъ своимъ замѣтить, что мы не вполне согласны съ почтеннымъ авторомъ. По нашему мнѣнію, нельзя отождествлять папскаго влериализма съ христіанскимъ вліяніемъ пастырей вообще. Возможны политическія партіи, но крайней мѣрѣ у насъ, которыя просятъ и даже требуютъ пастырскаго христіанскаго вліянія въ своей средѣ. Въ этомъ равнѣ заинтересованы и пастыри и партія. Почему пастырь не долженъ идти на ихъ зовъ? Изъ опасенія не нарушить мира съ противоположными партіями? Но что же это за миръ? Не будетъ ли онъ похожъ на преступное попустительство зла со стороны пастырей? Нельзя также слишкомъ довѣрять Карлу Марксу, будто каждая политическая партія въ основѣ своей непременно имѣетъ классовой или экономической интересъ. Эта точка зрѣнія, какъ извѣстно, оспаривается теперь иными политико-экономическими школами, хотя тенденціозно защищается социаль-демократами.—Съ другой стороны, каковы бы ни были причины отдѣленія церкви отъ государства во Франціи, нельзя забывать того, что это отдѣленіе происходитъ вопреки конкордату. Да и нынѣшній папа настойчиво запрещаетъ своему духовенству участіе въ какой бы то ни было политической партіи, руководясь влеригальнымъ девизомъ *aut omnia aut nihil*, хотя молодое итальянское духовенство сильно домогается этого участія и даже основало свой печатный органъ, гдѣ доказываетъ необходимость этого въ наше время.—Съ нашей же русской точки зрѣнія не сомнѣваемся, что духовенство должно быть благодарно Правительству за дарованіе прекраснаго права избирать и быть избраннымъ, и отъ него зависить уже мудро воспользоваться этимъ. Ред.

^{*)} См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1907 г. № 2.

они невѣрующаго, отвергающаго христіанство, въ чемъ могутъ разувѣрить и невѣрующую интеллигенцію русскую? А вѣдь она и разошлась съ церковью именно изъ-за своего земного идеала, какъ это указываемо было представителями ея, п. формально пребывая въ церкви, фактически уже не живетъ жизнью церкви, настроена отрицательно по отношенію къ ней. И идеаль ея, въ данномъ случаѣ, получаетъ уже иное названіе не какъ царство Божіе на землѣ, а какъ конечное торжество прогресса...

Когда, отвергая христіанство, выставляютъ, какъ движущую міровую силу и цѣль—прогрессъ и будущее конечное торжество его, то въ данномъ случаѣ получается уже въ буквальномъ смыслѣ *земной* идеаль, съ отрицаніемъ будущаго небеснаго, будущей вѣчной жизни и тѣсно связанной съ нимъ идеи личнаго безсмертія. Но по нашему глубокому убѣжденію, безъ вѣры во Христа, безъ вѣры въ безсмертіе и будущую жизнь не можетъ собственно быть нравственности, не можетъ быть добродѣтели, а слѣдовательно, не можетъ быть и стремленія къ тому свѣтлому идеалу, который рисуютъ намъ въ видѣ будущаго царства всеобщаго братства, счастья, взаимной любви и самъ прогрессъ получаетъ *эгоистическій* и чисто внѣшній характеръ увеличенія матеріальныхъ благъ.

Дѣйствительно, если наше личное существованіе оканчивается со смертію тѣла, то какой смыслъ имѣетъ наша жизнь и самое главное, какой смыслъ для меня быть нравственнымъ, ограничивать себя въ желаніяхъ, воспитывать въ себѣ любовь и трудиться съ любовью, до самоотверженія даже на пользу другихъ? Не естественнѣе ли тогда и разумнѣе будетъ, если я употреблю всѣ усилія къ тому, чтобы доставить себѣ возможно большее количество матеріальныхъ благъ, удовольствій, чувственныхъ наслажденій, а если я потерплю на этомъ пути неудачу, меня стѣснятъ болѣе сильные меня и возьмутъ то, что хотѣлъ бы взять я, мнѣ же достанутся въ удѣлъ одни страданія, бѣдность и горе, то не лучше ли для меня сразу прекратить свое существованіе, не ожидая естественной моей смерти? »

Да, несомнѣнно, что при отрицаніи безсмертія и будущаго Царства Божія на небесахъ, участіе въ которомъ обуслови-

вается подвигомъ любви и возрожденія христіанина на землѣ, не можетъ быть нравственности, а тѣмъ болѣе, не можетъ быть и стремленія къ устроению будущаго рая для будущихъ поколѣній, напротивъ, открывается самый широкій просторъ, широкое поле дѣйствій для самаго грубаго эгоизма съ безчисленными наслажденіями, разгуломъ страстей, насиліями, а при неудачѣ лишеніями жизни.

„По разсужденію человѣческому, говоритъ ап. Павелъ, когда я боролся со звѣрями въ Ефесѣ, какая мнѣ польза, если мертвые не воскресаютъ? Станемъ ѣсть и пить, ибо завтра умремъ!“ (1 Коринѣ. XV, 32). Вотъ что, дѣйствительно, должно явиться девизомъ жизни, если нѣтъ будущей жизни, нѣтъ воскресенія, нѣтъ безсмертія: „да ямы и піемъ, утрѣ бо умремъ“,—девизъ чисто языческой, и христіане, отвергающіе благое иго Христова, снова подвергаютъ себя ярму язычества. „Нѣтъ добродѣтели, если нѣтъ безсмертія“—говоритъ Иванъ Карамазовъ у Достоевскаго ¹⁾. Его же разсужденія такъ передаетъ въ кельѣ старца Зосимы помѣщикъ Міусовъ.—Для каждаго частнаго лица, не вѣрующаго ни въ Бога, ни въ безсмертіе свое, нравственный законъ природы долженъ немедленно измѣниться въ полную противоположность прежнему религіозному и эгоизму, даже до злодѣяства, не только долженъ быть дозволенъ человѣку, но даже признанъ необходимымъ, самымъ разумнымъ и чуть ли не благороднѣйшимъ исходомъ въ его положеніи“ ²⁾.

И на Западѣ, дѣйствительно, какъ слѣдствіе невѣрія, отрицанія безсмертія и будущей жизни, появилась могучая и увлекательная, какъ самое зло, какъ адъ—аморальная философія Ницше. Мораль христіанская, мораль любви и смиренія, провозглашаетъ онъ, есть рабская мораль и ведетъ она къ вырожденію личности человѣка. Человѣкъ свободенъ, могучъ и гордъ, онъ долженъ забыть всѣ эти понятія „грѣха, зла, добродѣтели“, его свободное, независимое „я“ должно быть поставлено выше, по ту сторону добра и зла... Идеальный человѣкъ или сверхчеловѣкъ Ницше есть соединеніе всего могучаго, сильнаго, безъ различія, нравственно ли оно или безнравственно съ нашей точки зрѣнія, понятій добра и зла для него не существуетъ.

¹⁾ Е. М. Достоевскій т. XII стр. 84.

²⁾ Ibidem.

Цезарь Борджіа и Наполеонъ Бонопарте—вотъ идеальные типы людей! На мѣсто любви поставляется здѣсь страшный, не знающій мѣры, границъ, всесильный эгоизмъ... И провозглашеніемъ морали „сильнаго“ Нипцше думалъ освободить Западъ отъ охватившаго его, пронизывающаго весь строй жизни его „мѣщанства“, мелкихъ буржуазныхъ взглядовъ и узкихъ будничныхъ интересовъ. Мы же думаемъ, что провозглашеніе права „сильнаго“, „сверхчеловѣка“, способно вести не къ уничтоженію только „мѣщанства“, а гораздо далѣе, къ разрушенію всей жизни.

Намъ могутъ представить въ данномъ случаѣ возраженіе чисто опытнаго свойства, что вѣдь столько людей отрицаетъ теперь безсмертіе и будущую жизнь, а въ жизни своей они ничуть не хуже, если даже не лучше тѣхъ, которые вѣрують въ личное безсмертіе и небесное Христово царство; имъ также свойственны и любовь и состраданіе, и самоотверженіе, даже болѣе того, они и будущую-то жизнь отрицаютъ иногда для того, чтобы дѣло любви и служенія благу другихъ представить возвышеннѣе, чище, безкорыстнѣе. Мы должны на это сказать, что нравственная жизнь и отрицаніе личнаго безсмертія логически несовмѣстимы, „нѣтъ добродѣтели, если нѣтъ безсмертія“ такъ говоритъ холодный, безстрастный разсудокъ, отсюда всѣ отрицающіе личное безсмертіе и будущую жизнь и въ то же время проводящіе въ жизнь нравственные принципы являются людьми логически непоследовательными.

Но къ счастью, человѣкъ живетъ не одной логикой и нравственная жизнь, при отрицаніи безсмертія, вовсе не есть слѣдствіе глубокаго, *последовательнаго* міровоззрѣнія, а есть дѣло во первыхъ глубоко заложенаго въ природу человѣка нравственнаго „человѣческаго“ инстинкта, а во вторыхъ слѣдствіе тѣхъ именно христіанскихъ нравственныхъ началъ, которыми, и при отрицаніи христіанства, проникнута атмосфера окружающей насъ жизни. И какъ трудно, сказавъ „я долженъ“, тотчасъ перейти къ тому, чтобы дѣйствительно дѣлать всегда что должно, также трудно, хотя, быть можетъ, и не въ такой степени, сказавъ „я не долженъ“, тотъ-часъ перейти къ тому, чтобы и не дѣлать этого.

Но чѣмъ далѣе будетъ идти впередъ исторія, а невѣріе, отрицаніе безсмертія будущей жизни и въ основѣ всего — Личнаго Бога и будетъ распространяться въ массахъ, тѣмъ скорѣе и возможнѣе заглушеніе природнаго нравственнаго чувства и забвеніе тѣхъ нравственныхъ началъ, которыя возвѣщаны христіанствомъ, такъ что начала эти какъ бы то ни было проникающія собою жизнь и являющіяся основнымъ стимуломъ нравственнымъ дѣйствій людей, даже и при отрицаніи нѣкоторыми христіанства, начала эти постепенно отойдутъ вглубь вѣковъ, будутъ затемнены, стерты изъ быта и человѣческихъ отношеній, и мѣсто ихъ займетъ практической аморализмъ, древній путь языческой, какъ слѣдствіе аморальныхъ ученій, отрицающихъ личное безсмертіе и будущее царство Христово, это *conditio, sine qua* по нравственной жизни и добродѣтели.

Продуктъ такихъ ученій указанъ намъ Достоевскимъ въ лицѣ Смердякова, ласка бр. Карамазовыхъ. Онъ уже не теоретикъ невѣрія и отрицанія безсмертія, какъ Иванъ Карамазовъ, а практикъ, приводящій въ жизнь эти принципы—сознательно и обдуманно убиваетъ старика Карамазова и завладѣваетъ его деньгами. „Была такая прежняя мысль—съ, мотивируютъ онъ свой поступокъ Ивану,—что съ такими деньгами жизнь начну, въ Москвѣ, али пуце того за границей, такая мечта была—съ, а пуце все потому, что *все „позволено“*. Это вы вправду меня учили—съ, ибо много вы тогда мнѣ этого говорили, ибо коли Бога безконечнаго нѣтъ, то нѣтъ никакой добродѣтели, да и не надобно ее тогда вовсе“ ¹⁾

Это страшное „все позволено“ и есть прямое, неизбежное слѣдствіе невѣрія ни въ будущую жизнь, не въ безсмертіе, а въ основѣ всего, попятно, въ Личнаго Бога. И Смердяковъ заканчиваетъ самоубійствомъ.

Но допустимъ невозможное, предположимъ, что невѣрующіе въ христіанство и безъ Христа будутъ святы, и безъ вѣры въ безсмертіе будутъ добродѣтельны и преисполнены любви и добрыхъ стремленій, желаній, самоотверженнаго труда къ осуществленію великаго идеала, достиженію конечнаго торжества прогресса на землѣ.

¹⁾ Ibidem. стр. 748.

Мы спросимъ въ такомъ случаѣ, что будетъ представлять собою такое конечное идеальное состояніе и какой смыслъ имѣеть оно для всей исторіи, всѣхъ предшествовавшихъ и будущихъ еще, до наступленія золотого вѣка на землѣ поколѣній?

Если въ настоящемъ жизнь состоитъ въ постепенномъ, непрестанномъ *развитіи*, допустимъ, даже, что въ постепенной градаціи только отъ худшаго къ лучшему, отъ несовершеннаго къ болѣе совершенному, то въ чемъ будетъ состоять жизнь будущаго идеальнаго состоянія, жизнь конечнаго торжества прогресса? Совершенство достигнуто, стадіи развитія окончены, пройдены,—потому что, если не пройдены, если и тогда будетъ стремленіе къ болѣе совершенному, то вѣдь, и идеальное состояніе, значить не достигнуто, оно впереди еще, а если достигнуто, то это означаетъ собою полное прекращеніе развитія и отсюда, конецъ самой жизни, ибо процессъ жизни въ постепенномъ развитіи, и жизнь безъ развитія не имѣеть никакого смысла, отрицается.

Далѣе, какой смыслъ имѣеть такое конечное состояніе для всѣхъ предшествовавшихъ поколѣній? Міровое горе, страданія, муки, несчастья цѣлыхъ поколѣній, многовѣковая исторія человечества, полная крови и ужасовъ, геройскіе самоотверженные подвиги, борьба за свой идеаль, борьба великая, упорная, до мученій и смерти, труды предшествовавшихъ поколѣній,—все это, слѣдовательно, вело и ведетъ только къ тому, чтобы доставить извѣстную сумму счастья ряту другихъ поколѣній. Можно ли, всегда ратуя за свободу личности, болѣе жестокимъ образомъ *обезцѣнивать* личность человѣка, цѣлыя поколѣнія представлять не болѣе, какъ матеріаль для постройки зданія, котораго не увидишь и знать—совершенно не узнаешь?

При такомъ взглядѣ на прогрессъ, говоритъ нѣмецкій проф. Германъ Зибекъ, „ходъ развитія человечества не можетъ имѣть больше цѣнности, чѣмъ ходъ развитія отдѣльнаго человѣка, который, пользуясь чужими трудами, эксплуатируя и всячески притѣсняя другихъ людей въ теченіе первой половины своей жизни, успѣлъ обезпечить, по крайней мѣрѣ себѣ и своимъ близкимъ, пріятное существованіе въ теченіе второй половины жизни; что сказали бы мы, если бы этотъ человѣкъ вздумалъ

вдругъ требовать, чтобы личности, которыми онъ пользовался, какъ средствомъ для достиженія своей цѣли, которыхъ онъ обездолилъ, которымъ онъ причинилъ массу страданій, находили себѣ утѣшеніе въ сознаніи, что, обѣдствуя и страдая, онѣ способствовали созданію и упроченію счастья хоть для нѣсколькихъ другихъ личностей“¹⁾

Ясно, что идеальное торжество прогресса представляетъ полное противорѣчіе нравственной правдѣ и совершенно обезцѣниваетъ личность человѣка, вовсе не разрѣшая вопроса о смыслѣ жизни каждаго индивидуума и представляя эту личную жизнь человѣка въ существѣ дѣла бессмысленной.

Представляя, наконецъ, будущее торжество прогресса, не какъ сумму только *матеріальнаго* счастья, но и какъ царство братства, любви, съ существеннымъ элементомъ, слѣдовательно, нравственнаго совершенства членовъ этого царства, такъ какъ безъ этого совершенства, съ муками сердца, страданіями души при всемъ матеріальномъ счастьѣ, нѣтъ, разумѣется, никакого счастья, никакого блаженства, никакого свѣтлаго царства, да и ни какой гарантіи на постоянное *всобщее* матеріальное счастье,—представляя это царство такимъ именно образомъ, мы должны сказать о нравственномъ совершенствѣ его членовъ, что оно, слѣдовательно, досталось имъ не личнымъ подвигомъ, не личными усиліями, а борьбой, усиліями, страданіями предшествовавшихъ поколѣній.

„Подобное же совершенство, скажемъ словами того же проф. Зибекка, отнюдь нельзя назвать *нравственнымъ* совершенствомъ, такъ какъ состояніе, которое не создалъ себѣ человѣкъ самъ, путемъ собственнаго развитія и личной борьбы за идеаль, не заслуживаетъ названія нравственнаго состоянія. Всякая предшествующая эпоха, въ которую нравственность создавалась въ процессѣ борьбы и развитія, какъ бы ни была она несовершенна, стояла бы въ этическомъ отношеніи выше такого конечнаго идеальнаго состоянія“²⁾.

Итакъ, мы приходимъ къ тому окончательному выводу, что Царство Божіе на землѣ, замѣнимъ ли его понятіемъ конеч-

¹⁾ Прогрессъ, какъ нравственная задача. Кіевъ. 1903, стр. 25—26.

²⁾ Ibidem. стр. 26.

наго торжества прогресса, въ видѣ царства всеобщаго счастья, братства, свободы, равенства,—ни съ точки зрѣнія христіанско-догматической, ни съ точки зрѣнія разума, безъ вѣры въ Бога, безсмертія души и будущей индивидуальной нашей жизни,—неосуществимо и лишено смысла. Справедливо поэтому говоритъ нашъ философъ, проф. кн. Е. Н. Трубецкой, что въ основѣ нашей жизни лежитъ вѣра въ скрытый для насъ разумъ вселенной и въ окончательную его побѣду. И потому то окружающая бессмыслица ихъ не смущаетъ. Если бы эта надежда не жила въ человѣкѣ, если бы она не таилась даже въ тѣхъ, кто умомъ ее отрицаетъ, убита была бы всякая дѣятельность, приостановилась бы самая жизнь, ибо нѣтъ того человѣческаго дѣла, которое не обезцѣнивалось бы смертію. Чтобы жить и дѣйствовать нужно вѣрить, что міръ идетъ къ цѣли, что есть надъ нами солнце, которое не погаснетъ, что мы работаемъ не для могильнаго червя и что человѣческое достоинство не есть иллюзія... Вѣра эта предполагается всякимъ движеніемъ нашего ума и сердца, самою нашею жизнью и даже доказательствами. Доказать ее нельзя, но также не возможно изгнать ее изъ нашего сердца. Она,—сознаемъ ли мы ее или нѣтъ,—есть то чѣмъ мы живемъ и движемся... И въ этой вѣрѣ въ безсмертіе—смыслъ свободы и ея цѣнность. Какъ сосуду Безусловнаго, подобаешь человѣку свобода. Признаніе свободы—дань уваженія, которую мы платимъ безсмертію ¹⁾...

Въ заключеніе должны сказать, что мысль о земномъ Царствѣ Божіемъ не нова въ христіанской исторіи. Начало ея нужно видѣть еще въ чаяніяхъ древнихъ Евреевъ, ожидавшихъ, что съ пришествіемъ Мессіи Христа для нихъ откроется великое земное царство. Но въ этихъ чаяніяхъ существеннымъ элементомъ было господство Евреевъ надъ другими народами и подчиненное, рабское положеніе послѣднихъ, такъ что Царство, котораго ждали Евреи, не могло быть всеобщимъ и не имѣло бы нравственнаго характера. Ближе къ указаннымъ нами современнымъ воззрѣніямъ стоятъ воззрѣнія древнихъ хиліастовъ второго и третьяго вѣковъ, которые, опи-

¹⁾ „Русск. Вѣдом.“ 1906 г. № 231. Свобода и безсмертіе.

раясь на нѣкоторыя ветхозавѣтныя пророчества и на понятое въ буквальномъ смыслѣ мѣсто въ Апокалипсисѣ (XX, 2—6) о томъ, что сатана будетъ связанъ на тысячу (хиліазмъ) лѣтъ, вѣрили въ наступленіе на землѣ тысячелѣтняго Царства Христова, въ которомъ будутъ участвовать праведники.

Д. Мережковскій также часто повторяетъ, что должно же, наконецъ, когда-либо исполниться предсказанное тысячелѣтнее Царство Христова. Христіанство рѣшаетъ этотъ вопросъ. Заблужденія же всегда были возможны, и даже такіе учителя Церкви, какъ Іустинъ Философъ, Тертуліанъ раздѣляли эти воззрѣнія. А въ Египтѣ образовалась даже арсеноитская община хиліастовъ, во главѣ съ Непотомъ, еп. арсеноитскимъ. И пастыри Церкви, какъ, на примѣръ, пресвитеръ римскій Каий и особенно Діонисій, еп. Александрійскій тогда же ревностно обличали заблужденія хиліастовъ, какъ въ устныхъ бесѣдахъ, такъ и въ сочиненіяхъ.

Съ особенною же силою заблужденія эти распространяются теперь у насъ многими социалистами и социаль-демократами съ ихъ присными. Они пророчествуютъ о будущей блаженной жизни на землѣ, хотя и не для себя, а для будущихъ отдаленныхъ потомковъ. Наша же св. Церковь призываетъ чадъ своихъ, повторяемъ, не къ будущимъ земнымъ радостямъ, а къ духовнымъ подвигамъ. Она говоритъ, что Царствія Божія нельзя искать во внѣшнихъ условіяхъ жизни, въ политическихъ, общественныхъ и социальныхъ формахъ ея, но что оно начинается, возрастаетъ и развивается внутри насъ, въ тайникахъ нашей души, въ духовномъ обновленіи, т. е. въ религиозно-нравственныхъ подвигахъ. И только здѣсь можно полагать прочный фундаментъ нашихъ земныхъ радостей, нашего земного счастья, съ крѣпкою и непоколебимою надеждою на будущее загробное здовоздаяніе.

Н.

МИССИОНЕРСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ПО ПОВОДУ ГОДОВОГО СОБРАНІЯ РУССКИХЪ ШТУНДО-БАПТИСТОВЪ.

Предъ нами годовой отчетъ собранія русскихъ баптистовъ

въ г. Ростовѣ на Дону, бывшаго въ маѣ минувшаго года. Нѣкоторыя данныя этого отчета небезынтересны и для духовенства Харьковской епархіи.

На собраніи присутствовало 107 представителей сектантскихъ общинъ 21 губерній и областей Россіи. Здѣсь были представители не только юга Россіи, но и центральной ея части (Курской, Воронежской, Тамбовской губ.), и Поволжья (губ. Самарской и Саратовской) и далекаго сѣвера (губ. Петербургской). Изъ Харьковской губ. присутствовало три лица: М. Зайцевъ (изъ г. Харькова), С. Адриановъ (изъ с. Ольховатки, Изюмскаго уѣзда) и Ѳ. Макаренко (изъ Ковягъ Валковскаго уѣзда). Этотъ съѣздъ далеко не имѣлъ представителей *всѣхъ* баптистскихъ общинъ Россійской имперіи. Свои сѣти секта баптистовъ раскинула не только въ европейской Россіи, но и въ азіатской. Годовое собраніе признало необходимымъ созвать въ Омскѣ особый съѣздъ представителей отъ сибирскихъ церквей „для установленія тамъ нѣкотораго церковнаго общаго порядка и устройства святыхъ Божіихъ церквей“. Русскіе баптисты, какъ видно изъ отчета, находятся въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ баптистами Англии и Америки и получаютъ оттуда денежную помощь. На поприщѣ миссіонерскомъ трудились 28 человекъ; изъ нихъ 7 человекъ несли свой трудъ безвозмездно—фактъ заслуживающій вниманія и подражанія со стороны православныхъ. На текущій годъ вновь назначены 5 человекъ для „благовѣстія“, безъ содержанія, съ возмѣщеніемъ лишь путевыхъ расходовъ.

Для удовлетворенія нуждъ благовѣстія и страждущихъ братьевъ у сектантовъ существуютъ кассы. Правда, онѣ не богаты. Владѣльцы ихъ большею частію люди простые и бѣдные: взносятъ гроши. Но, принимая во вниманіе вообще скромныя потребности послѣдователей секты, нужно сказать, что въ достаточной степени удовлетворяютъ ихъ нужды. Такъ называемые благовѣстники или миссіонеры довольствуются жалованьемъ въ 100—300 р. Денежныя пособія въ нѣсколько десятковъ рублей, даваемые бѣднякамъ, служатъ средствомъ для привлеченія въ секту новыхъ членовъ изъ среды православныхъ. Въ этихъ подачкахъ, послѣдніе видятъ доказательство

истинно христіанской любви, живущей въ штундо-баптистской общинѣ, чего, дескать, не наблюдается въ православномъ приходѣ.

До 1906 года во главѣ союза русскихъ баптистовъ (болѣе 100 общинъ) стоялъ особый „Комитетъ“ подъ предсѣдательствомъ богача—землевладѣльца Д. И. Мазаева. Съ мая мѣсяца упом. г. рѣшено образовать „Комитетъ союзнаго правленія“ изъ пяти избранныхъ лицъ, очевидно, съ цѣлю сосредоточить дѣло миссіи въ одномъ исполнительномъ учрежденіи.

Словомъ, изъ чтенія отчета мы убѣждаемся, что баптизмъ организуется не только внутренно, но и внѣшнимъ образомъ для того, чтобы съ большимъ успѣхомъ пропагандировать свою догму. Средствами для послѣдней служить миссія и благотворительная дѣятельность. Въ частности нужно имѣть въ виду, что для миссіонерской дѣятельности въ Харьковской губерніи опредѣленъ Ѳ. Макаренко съ жалованьемъ 300 руб.

Однако и въ баптистскихъ общинахъ не все обстоитъ благополучно. Глава Тифлиссскихъ баптистовъ и видный пропагандистъ секты на югѣ Россіи, В. Павловъ, съ своими единомышленниками отлучены отъ церкви двумя предыдущими годовыми собраніями за защиту незаконнаго вѣнчанія Сосина съ Эмилией; это отлученіе подтверждается и настоящимъ годовымъ собраніемъ, если виновныя лица не послушаютъ увѣщаній посланныхъ.

Заслуживаетъ, наконецъ, вниманія предложенное на съѣздѣ рѣшеніе вопроса о смыслѣ наименованія „баптисты“. Многихъ, вступающихъ въ секту, соблазняетъ это не библейское и не русское названіе. Предсѣдатель собранія Д. Мазаевъ уясняетъ смыслъ этого слова. Этимъ названіемъ опредѣляется „истинное Евангельское ученіе и главнымъ образомъ *утверждается правильное Евангельское крещеніе въ воду*, въ противоположность тѣмъ, которые уклоняются въ томъ и другомъ отношеніи отъ прямого ученія Христа и Его Апостоловъ“. Баптисты поэтому не могутъ дать мѣста у себя ни „дѣтокрещенцамъ, ни обливанцамъ или окропленцамъ“. Съ этимъ согласилось все собраніе. Такимъ образомъ сущность своего ученія и отличіе отъ сектантовъ другого рода русскіе баптисты полагаютъ именно въ вопросѣ о способѣ и времени крещенія.

ЧѢМЪ ОБЪЯСНЯЕТСЯ ТРУДНОСТЬ БОРЬБЫ СО ШТУНДОЮ И ЧТО НУЖНО ДЛЯ УСПѢХА ЕЯ?

Всякая болѣзнь для своего—излѣченія требуетъ, удаленія тѣхъ условій, которыя способствовали ея возникновенію и примѣненія соотвѣтствующихъ лѣкарственныхъ средствъ, которыми она уничтожалась бы въ организмѣ заболѣвшаго.

Такого же точно метода должно держаться и при врачеваніи штундизма, этой религіозной болѣзни, постигшей православное христіанское русское общество въ половинѣ девятнадцатаго столѣтія. Нужно уничтожить тѣ условія, которыя вызвали появленіе штунды, чтобы, съ уничтоженіемъ ихъ, она не имѣла подъ собою почвы для своего дальнѣйшаго развитія и существованія; нужно и примѣнять разумныя средства борьбы, чтобы постепенно содѣйствовать ея совершенному уничтоженію. Только полное примѣненіе этого метода и можетъ обезпечить православному христіанскому обществу побѣду надъ штундизмомъ. И та трудность борьбы, которою сопровождается современная миссіонерская дѣятельность, тотъ слабый успѣхъ, который постигаетъ труды православныхъ борцовъ со штундою, и объясняется, именно, тѣмъ, что указанный выше методъ борьбы не точно выполняется, не съ надлежащей полнотою примѣняется къ дѣлу.

У насъ ведется усиленная миссіонерская борьба, но главныя причины существованія и развитія штундизма—недостатокъ въ народѣ точныхъ, ясныхъ и правильныхъ познаній о вѣрѣ, влекущій многихъ людей туда, гдѣ учительству, ознакомленію приверженцевъ секты съ ея догматическимъ и нравственнымъ ученіемъ, отводится видное мѣсто,—и жизнь православнаго общества, лишенная христіанской любви и благочестія и толкающая тѣхъ людей, въ которыхъ наиболѣе сильно стремленіе ко спасенію, туда, гдѣ жизнь, если не по существу, то, по крайней мѣрѣ, по видимости, во внѣшнихъ отношеніяхъ, исполнена добропорядочности, проникнута чувствомъ братства и любви,—эти причины не уничтожаются, на нихъ обращается вниманіе сравнительно меньше, чѣмъ должно. Естественно, что, если они не будутъ уничтожены, не унич-

тожатся и ихъ слѣдствія, т. е. существованіе и развитіе секты.

Въ этомъ и заключается корень неуспѣха нашей противосектантской миссіонерской дѣятельности.

Какимъ образомъ создается трудность борьбы со штундою, покажетъ разсмотрѣніе значенія указанныхъ выше причинъ.

Религіозное невѣжество, царящее въ средѣ простаго русскаго народа, обуславливается слабымъ развитіемъ или совершеннымъ отсутствіемъ церковнаго учительства. При далеко недостаточномъ числѣ школъ, духовное просвѣщеніе народа было возложено историческими обстоятельствами на русское православное духовенство. Отчасти въ силу общественныхъ условій—недостаточности духовнаго образованія, но „главнымъ образомъ, въ силу личныхъ нравственныхъ качествъ—нерадѣнія со стороны духовенства, паства во многихъ мѣстахъ, гдѣ впослѣдствіи, подъ вліяніемъ нѣмецкихъ колонистовъ, появилась штундизмъ, оставалась безъ церковнаго учительства въ теченіе очень долгаго времени. Какова была продолжительность того времени, въ которое паства оставалась безъ учительства, можно судить по слѣдующимъ двумъ примѣрамъ: въ слободѣ Ковягахъ, Харьковск. губ., въ теченіе 30-ти лѣтъ священникъ не произнесъ ни одной проповѣди; а въ слободѣ Коломакахъ Харьковской губ., протоіерей не произнесъ ни одного поученія въ теченіе цѣлыхъ 40 лѣтъ. Къ сожалѣнію и въ настоящее время на церковное учительство истинамъ христіанскимъ обращается въ иныхъ мѣстахъ мало вниманія. Вслѣдствіе этого оказывается, что простой русскій народъ своего догматическаго и нравственнаго ученія не знаетъ и не понимаетъ, смысла религіозныхъ обрядовъ, христіанскихъ богослуженій и таинствъ не видитъ. А „незнаніе основныхъ истинъ православной христіанской вѣры, неподготовленность русскаго человѣка къ сужденію о предметахъ вѣры вмѣстѣ съ отсутствіемъ надежныхъ руководителей въ этомъ отношеніи лежитъ въ основѣ большинства сектантскихъ движеній русскаго народа въ качествѣ главной положительной причины“ (О современномъ состояніи русскаго сектантства. Академическая рѣчь свящ. Титова 30 стр.). Положеніе создающееся вслѣдствіе неподготовки къ сужденію о предметахъ вѣры и отсутствія надежныхъ руководителей,

для простаго человѣка, стремящагося самостоятельно отыскать путь, ведущій ко спасенію,—весьма опасно: въ этомъ исканіи при такихъ условіяхъ онъ легко можетъ впасть въ ошибку, незамѣтную для него по его неразвитости, и своему самостоятельному пониманію христіанскаго вѣроученія, часто неправильному, раціонализму, онъ будетъ отдаваться слѣпо.

Кромѣ этого, при отсутствіи твердыхъ и правильныхъ знаній, въ немъ нѣтъ и критической способности разбираться въ ложности и неправильностяхъ другихъ вѣроученій, а потому онъ весьма доступенъ для вліянія со стороны сектантовъ. При всякомъ столкновеніи со штундистомъ по вопросамъ вѣры—онъ не въ состояніи дать ему должнаго отвѣта, станетъ въ затрудненіе; штундистъ же, воспользовавшись его смущеніемъ, можетъ унижить его правую вѣру, можетъ забить голову своими ученіями, которыя кажутся довольно понятными и легкими для усвоенія и, на первый взглядъ, правильными. Будучи не въ силахъ разобратся въ ложности штундовыхъ ученій, православный довѣряется штундисту, и отпаденіе отсюда уже недалеко. Конечно, этого не могло бы быть, если бы онъ въ достаточной степени былъ духовно просвѣщенъ.

Сама борьба была бы, кажется, легче съ такими людьми, которые до отпаденія были просвѣщены въ духѣ православной вѣры. Основаніемъ для такого предположенія служатъ психологическія свойства человѣка. Если-бы еще до знакомства со штундизмомъ въ душѣ человѣка были заложены религіозныя знанія въ духѣ православной вѣры, то, безъ сомнѣнія, они, какъ и всякія первыя впечатлѣнія, сознательно усвоенныя, оставили бы въ его душѣ глубокіе слѣды на всю жизнь; и если бы потомъ подъ вліяніемъ штундизма эти первыя его религіозныя знанія затемнились бы другими, то при благоприятныхъ условіяхъ, при миссіонерскихъ собесѣдованіяхъ, когда была бы раскрыта ложность его новыхъ знаній и истинность старыхъ, то эти послѣднія ожили бы въ человѣкѣ, снова могли бы заговорить съ такой силой, что заставили бы его вернуться въ лоно матери своей, православной церкви. Но такъ какъ этого нѣтъ, такъ какъ первыя отчетливыя и сознательныя религіозныя знанія запечатлѣлись въ душѣ человѣка

не въ духѣ православной церкви, но въ сектанской штундистской окраскѣ. такъ какъ тѣ званія, для пріобрѣтенія которыхъ работала много онъ сáмъ, штундистъ будетъ цѣнить особенно высоко, особенно глубоко будетъ убѣжденъ въ ихъ истинности, то понятно, что миссіонерская дѣятельность встрѣчаетъ большую трудность въ томъ упорствѣ и въ той ярости, съ какими отстаиваютъ свое ученіе штундисты. Въ миссіонерскихъ свидѣтельствахъ приводятся часто примѣры, подтверждающіе стойкость и упрямство штундистовъ при спорахъ.

Такимъ образомъ, религіозное невѣжество православной паствы, происходящее вслѣдствіе недостаточнаго церковнаго учительства, съ одной стороны, обезпечиваетъ возможность частыхъ отпаденій отъ православной вѣры, какъ самостоятельныхъ, ибо человеку представляется необходимость руководствоваться своими собственными соображеніями, такъ и подъ постороннимъ вліяніемъ, ибо онъ лишень критическаго навыка; и чрезъ это религіозное невѣжество способствуетъ не уменьшенію числа членовъ штунды, а, наоборотъ, увеличенію; съ другой стороны, оно порождаетъ и упорныхъ противниковъ въ лицѣ штундистовъ, ярыхъ и стойкихъ защитниковъ своего сектанскаго ученія.

Но трудность борьбы со штундою создается не однимъ религіознымъ невѣжествомъ. Ее создаетъ также и жизнь православнаго общества, которая находится въ большомъ противорѣчій съ евангельскимъ ученіемъ.

Темныя стороны этой жизни отмѣчаются народомъ, по преимуществу, въ тѣхъ лицахъ, которыя являются въ христіанскихъ обществахъ наиболее авторитетными и которымъ вѣрны особенно высокія права учительства и пастырства — въ духовенствѣ. Это происходитъ въ силу народнаго взгляда на пастыря. „Народъ желаетъ видѣть въ пастырѣ такое лицо, которое по своимъ нравственнымъ качествамъ стояло бы выше окружающей его среды. Если же народъ замѣчаетъ въ пастырѣ такія качества, которыя набрасываютъ тѣнь на его нравственную личность, то и относится къ нему гораздо строже, чѣмъ къ мірянамъ, носителямъ тѣхъ же качествъ“ (Южно русскій штундизмъ. Рождественскій. Стр. 28).

При такомъ взглядѣ на духовенство въ приходахъ весьма часто возникаетъ недовольство причтомъ, создаются весьма скверныя отношенія между пасомыми и паствою. Основаніемъ для этого большею частью служитъ существующій способъ вознагражденія за требоисправленіе. Въ настоящее время священникъ каждую потребу сопровождаетъ взиманіемъ опредѣленной платы. Безъ платы онъ не будетъ совершать ни одной требы. Если же священнику предлагать плату менѣе положенной, то это иногда сопровождается упрекомъ со стороны священника. Хожденіе по дворамъ также сопровождается постоянными поборами и нерѣдко упреками и выговорами давшимъ мало. Уже это одно покрываетъ въ прихожанахъ уваженіе къ духовенству, особенно въ средѣ бѣдныхъ, заставляетъ отзываться о духовныхъ лицахъ, что „они дерутъ и съ живого и съ мертваго“.

На этой же почвѣ возникаетъ еще неравенство въ отношеніяхъ священника къ прихожанамъ, выражающееся въ большей внимательности къ тѣмъ, которые даютъ больше, и въ отказѣ помощи бѣднымъ при возможности помочь. Это сильно дѣйствуетъ на прихожанъ, и недовольство развивается въ широкихъ предѣлахъ.

Къ этому слѣдуетъ прибавить недостаточное благоговѣйное отношеніе самихъ священниковъ къ различнымъ церковнымъ службамъ и временамъ праздничнымъ. Священникъ присутствуетъ иногда на свадьбахъ, принимая участіе въ семейныхъ торжествахъ и т. д. По праздникамъ иногда и у него въ домѣ устраиваются угощенія и т. п. Такое поведеніе тоже можетъ оказывать вредное вліяніе на темныхъ людей. Штундисты намѣренно преувеличиваютъ идеальныя требованія отъ жизни пастырей, укоряютъ ихъ въ томъ, что само по себѣ или не предосудительно ими, по крайней мѣрѣ, безразлично, и этимъ смущаютъ совѣсть людей темныхъ и неразвитыхъ.

Василій Поповъ.

(Обовчаніе будетъ).

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Архіерейскія богослуженія.

11-го февраля, въ воскресенье, въ Озерянской церкви Покровскаго монастыря литургію совершалъ Преосвященный Евгений, Епископъ Сумскій въ сослуженіи съ монастырскимъ духовенствомъ. При этомъ служеніи діаконъ Воронежской епархіи Іоаннъ Терятевъ, былъ посвященъ во священника къ Успенской церкви сл. Поповъ, Старобѣльскаго уѣзда, и псаломщикъ Успенской церкви с. Коломенки, Валковскаго у., Тихонъ Калашниковъ—во діакона къ Архангело-Михайловской церкви сл. Мурафы, Богодуховскаго уѣзда.

— 19 го февраля, въ среду, Преосвященнымъ Епископомъ Евгениемъ въ Харьковской Свято-Духовской церкви, соборнѣ съ городскими протоіереями и священниками, совершено отпѣваніе умершаго заштатнаго священника Іоакима Федорова.

— 15-го февраля, въ четвергъ, Его Преосвященствомъ въ Харьковской Николаевской церкви совершена литургія и отпѣваніе, скончавшагося 13 февраля настоятеля сей церкви, протоіерея о. Александра Федоровскаго. Въ служеніи литургій участвовали: кафедральный протоіерей о. С. Любвицкій, протоіерей Николаевской церкви о. Панкратій Ивановъ, благочинный военныхъ церквей протоіерей о. К. Воскресенскій, градскій благочинный священникъ о. П. Вишняковъ, полковой священникъ о. М. Феликсовъ и священникъ о. Н. Чернилевскій. Въ отпѣваніи участвовало до 30-ти градскихъ протоіереевъ и священниковъ.

— 17-го февраля, въ субботу, Преосвященный Епископъ Евгений совершалъ литургію въ Харьковской Вознесенской церкви по случаю празднованія 50-лѣтняго юбилея настоятеля сей церкви протоіерея о. Георгія Чеботарева. Въ служеніи литургій участвовали: юбиляръ протоіерей о. Г. Чеботаревъ, протоіерей о. П. Солдатовъ, ключарь протоіерей І. Гончаревскій, протоіерей о. П. Полтавцевъ, благочинный протоіерей о. В. Добровольскій, протоіерей о. Петръ Тимошеевъ, священникъ о. П. Олимпъ и священникъ о. Д. Поповъ. Послѣ литургіи былъ отслуженъ благодарственный мо-

лебенъ, на который выходило до 30-ти градскихъ протоіереевъ и священниковъ. Въ концѣ молебна, послѣ обычныхъ многолѣтій, было произнесено протодіакономъ многолѣтіе юбиляру.

— 18-го февраля, въ воскресенье, Преосвященный Евгений совершалъ литургію въ Озерянскоіи церкви, Покровскаго монастыря. При этомъ служеніи діаконъ с. Мерефа, Харьковскаго у., Феодоръ Коваленъ былъ рукоположенъ во священника къ Троицкой церкви с. Михайловки, Валковскаго уѣзда.

— 19-го февраля, въ понедѣльникъ, по случаю воспоминаній освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, въ кафедральномъ соборѣ была совершена литургія Преосвященнымъ Евгениемъ, Епископомъ Сумскимъ въ сослуженіи соборнаго духовенства. Послѣ литургіи былъ отслуженъ благодарственный молебенъ и послѣ обычныхъ многолѣтій была возглашена протодіакономъ „вѣчная память“ Государю Императору Александру II. При этомъ служеніи окончившій курсъ духовной семинаріи Михаилъ Пантелеимоновъ рукоположенъ во священника къ Николаевской церкви о. Богодаровой, Старобѣльскаго уѣзда, и псаломщикъ Митрофановской церкви с. Демьяновки, Староб. у. Петръ Гречишквинъ—во діакона къ Вознесенской церкви сл. Ново-Боровой того же уѣзда.

Протоіерей І. Гончаревскій.

Чествованіе наблюдателя церковныхъ школъ Зміевскаго уѣзда, священника О. М. Юшкова, по случаю исполнившагося десятилѣтія наблюдательской его дѣятельности.

12-го ноября 1906 г. въ г. Чугуевѣ, съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, состоялось торжественное чествованіе членами отдѣленія, о.о. завѣдующими и учителями церковныхъ школъ уѣзда—Зміевскаго уѣзднаго наблюдателя, священника о. Теодора Юшкова по случаю исполнившагося десятилѣтія наблюдательской его дѣятельности.

Къ этому дню въ г. Чугуевъ прибыли члены отдѣленія, представители отъ о.о. завѣдующихъ, учителей и учительницъ церковныхъ школъ уѣзда и многіе почетные гости. Самое чествованіе происходило въ Соборно-Покровской церкви, послѣ литургіи, которую совершалъ о. юбиляръ въ сослуженіи съ священниками—завѣдующими и діаконами—учителями.

За отсутствіемъ о. благочиннаго—предсѣдателя отдѣленія, который не могъ прибыть на торжество по случаю смерти его отца, —дѣлопроизводителемъ отдѣленія, священникомъ о. Теофаномъ

Дейнеховскимъ предварительно было сказано слово, въ которомъ ояъ выяснилъ причину настоящаго чествованія, указавъ въ общихъ чертахъ на десятилѣтнюю многотрудную и полезную дѣятельность о. наблюдателя, а затѣмъ юбиляру былъ поднесенъ слѣдующій адресъ отъ членовъ отдѣленія и о.о. завѣдывающихъ школами:

„Ваше Высокопреподобіе,
достоуважаемый о. Теодоръ Михайловичъ!

Десять лѣтъ тому назадъ Вы вступили въ должность наблюдателя церковныхъ школъ Зміевскаго уѣзда. Повидимому прошелъ небольшой періодъ времени, но кто былъ свидѣтелемъ этой десятилѣтней Вашей дѣятельности на поприщѣ народнаго образованія, тотъ знаетъ, сколько труда принесено было Вами этому дѣлу, сколько теплыхъ чувствъ было отдано ему.

Мы видѣли, что подъ вліяніемъ этихъ чувствъ Вы и въ дождь, и въ зной, и въ холодъ, часто изнуренный, истомленный и больной, изъ одного конца нашего довольно обширнаго уѣзда въ другой, всегда поспѣвали туда, гдѣ нужна была Ваша поддержка, Ваше вліяніе, Вашъ опытъ и руководство. Эти чувства къ церковно-школьному дѣлу были причиной и того, что нѣтъ ни одного уголка въ нашемъ уѣздѣ, куда бы ни проникъ Вашъ взоръ, гдѣ бы не была открыта церковная школа, и не только въ селахъ, но даже въ хуторахъ, и вотъ за десять лѣтъ Вашей наблюдательской дѣятельности количество церковныхъ школъ возросло отъ 32 до 84, такъ что большая половина школъ уѣзда своимъ существованіемъ обязана Вамъ.

Но этимъ не исчерпывается Ваша любовь къ школьному дѣлу. Вы съ особенною ревностью трудились надъ изысканіемъ матеріальныхъ средствъ содержанія школъ, усердно ходатайствуя объ этихъ средствахъ предъ высшимъ церковно-школьнымъ начальствомъ и располагая къ изысканію сихъ средствъ своихъ сотрудниковъ, приходскихъ священниковъ, а гдѣ нужно было и настаивая. Вотъ почему за десятилѣтній періодъ Вашей дѣятельности почти для всѣхъ 84 школъ уѣзда были устроены прекрасныя зданія, вполне отвѣчающія своему назначенію.

Для обезпеченія духовнаго развитія церковныхъ школъ, къ дѣлу учительства призваны были болѣе или менѣе знающіе в способные люди.

Далѣе, обращая должное вниманіе на воспитательную сторону школьнаго дѣла, Вы направляли его такъ, чтобы оно было вполне

разумное, чтобы не ограничивалось однимъ заучиваніемъ даваемыхъ дѣтямъ матеріаловъ, а проникло въ душу и сердце ихъ.

Говоря о Вашихъ отношеніяхъ къ подвѣдомственнымъ Вамъ лицамъ, нельзя не отмѣтить Вашей простоты, Вашей любезности и обходительности. Вотъ почему всѣ учащіе въ церковныхъ школахъ вздѣли въ Васъ всегда друга, въ которомъ находили и не-обходимую поддержку и руководство.

Цѣня эту Вашу многополезную дѣятельность, мы, Зміевское Отдѣленіе Училищаго Совѣта, завѣдующіе и законоучители школьные, приносимъ Вамъ нашу искреннюю благодарность за всѣ понесенные Вами труды на пользу церковно-школьнаго дѣла нашего уѣзда и покорнѣйше просимъ принять этотъ святой образъ. Пусть онъ всегда говоритъ Вашему сердцу о нашей любви и благодарности къ Вамъ, а святитель Николай, изображенный на этой иконѣ, да хранитъ Васъ еще на многіе и многіе годы на новомъ мѣстѣ Вашего служенія*.

По прочтеніи этого адреса, о. юбиляру былъ поднесенъ прекрасный образъ св. Николая, Мурлявкѣйскаго чудотворца, въ серебряной ризѣ, изящной ажурной работы, съ надписью: „Его Высокопреподобію, достоуважаемому наблюдателю церковныхъ школъ Зміевскаго уѣзда, о. Θεодору Михайловичу Юшкову отъ членовъ Зміевскаго отдѣленія Епархіальнаго училищаго Совѣта, о.о. завѣдывающихъ и законоучителей церковныхъ школъ уѣзда въ день десятилѣтняго юбилея наблюдательской его дѣятельности, 1906 года, ноября 12 дня“.

Потомъ представителями отъ учителей былъ поднесенъ слѣдующій, отличающійся особенною теплотою и сердечностью, адресъ отъ учителей и учительницъ церковныхъ школъ уѣзда:

„Дорогой и глубокоуважаемый

Отецъ наблюдатель!

Въ 1896 году, Вы призваны были на должность наблюдателя церковныхъ школъ Зміевскаго уѣзда. Школы, доставшіяся Вамъ, были въ самомъ плачевномъ состояніи,—какъ въ матеріальномъ, такъ и въ учебно-воспитательномъ. Молодые, только еще народившіяся, онѣ нуждались въ энергичномъ и дѣятельномъ строитель-хозяйинѣ, который готовъ былъ бы отдаться вполне служенію дѣлу народнаго просвѣщенія и могъ бы, съ усердіемъ и любовью до самоотверженія, изыскивать средства на ихъ устройство и на снабженіе учебными и другими принадлежностями, въ которыхъ онѣ такъ нуждались. Мы, учителя, нуждались въ опытномъ, руководи-

телѣ—совѣтнику, который бы и нравственно поддержалъ въ трудномъ дѣлѣ и могъ бы походайствовать объ улучшеніи быта учителей въ матеріальномъ отношеніи.

И такимъ усерднымъ и разумнымъ стровителемъ школъ, такимъ опытнымъ руководителемъ, отечески добрымъ къ труженницамъ и въ то же время строгимъ начальникомъ къ холодно относящимся къ святому дѣлу, явились Вы со дня Вашего назначенія.

Помѣщенія для школъ были настолько плохи, что трудно и представить ту грязь и тѣсноту въ которыхъ онѣ ютились; но благодаря Вашимъ неустаннымъ хлопотамъ и ходатайствамъ почти всѣ школа уѣзды перешли изъ полуразвалившихся, тѣсныхъ и мрачныхъ лачугъ въ прекрасныя зданія. При многихъ школахъ, благодаря Вамъ, существуютъ теперь библіотеки для внѣкласснаго чтенія; учителя имѣютъ различныя методики и руководства по всѣмъ отдѣламъ школьнаго курса.

Вы, озаботившись благоустройствомъ школъ, не оставили ихъ безъ своего постоянного попеченія и наблюденія; каждую изъ нихъ посѣщали не менѣе двухъ разъ въ теченіе учебнаго года. Во всякую погоду, часто по морю грязи, Вы ѣхали въ самыя отдаленныя окраины уѣзда, гдѣ производили ревзію школъ и это не была ревзія въ обыкновенномъ значеніи этого слова,—а посѣщеніе добраго, любящаго отца.

Не Вамъ-ли приходилось переправляться въ бродъ чрезъ рѣчку при весенней распутицѣ; не Вамъ-ли приходилось идти по вѣскольکو верстѣ пѣшкомъ, когда экипажъ увязалъ въ грязь; не Вамъ-ли приходилось самому распрягать лошадей во время ужасной мятели, когда ямщикъ не могъ этого сдѣлать, каченѣвъ отъ холода, потому сѣсть на лошадь верхомъ искать жилья, не Вамъ ли приходилось ночевать въ холодной школѣ на полу, на соломѣ, предварительно утоливъ голодь скуднымъ учительскимъ „булешомъ“, не Вамъ-ли приходилось не спать по двое—трое сутокъ при поѣздкѣ отъ селенія къ селенію, отъ школы къ школѣ?!

Всѣмъ этимъ Вы подавали примѣръ, того какъ надо работать.

Согрѣтая Вашею горячею любовію, Вашимъ исключительнымъ къ ней отношеніемъ, церковная школа съ каждымъ годомъ все расшвырялась и крѣпла. Вы вдохнули въ нее тотъ „духъ живъ“, который силотилъ всѣхъ работавшихъ на церковно-школьномъ полѣ и заставлялъ ихъ беззавѣтно, какъ Вы, служить великому дѣлу народа просвѣщенія, сильно указывая темному люду путь отъ мрака къ свѣту.

„Дорогой отецъ Ѳедоръ!

Своимъ отечески добрымъ къ намъ отношеніемъ Вы обратили сердца наши къ себѣ и заставили горячо и искренно любить Васъ, своего наставника и отца руководителя.

Глубоко жалѣя объ оставленіи Вами должности наблюдателя церковныхъ школъ нашего уѣзда, мы, утѣшаемъ себя только надеждою что духовная связь между Вами и нами не порвется никогда.

Примте же, отецъ наблюдатель отъ васъ, подносимый Вамъ образъ Преподобнаго Серафима, Саровскаго Чудотворца, молитвенному предстательству котораго мы вручаемъ Васъ и себя; примте также и нашу сердечную благодарность и признательность за отеческое съ нами обращеніе и образцовое, въ продолженіи 10 лѣтъ руководство дорогимъ всѣмъ намъ дѣломъ народнаго просвѣщенія“.

Отъ учителей былъ поднесенъ прекрасный образъ Преподобнаго Серафима, Саровскаго Чудотворца, въ серебряной ризѣ художественной работы, съ надписью: „Любимому и уважаемому наблюдателю, о. Ѳедору Юшкову отъ признательныхъ учителей и учительницъ церковныхъ школъ Зміевскаго уѣзда, 1896—1906 г.“.

О. юбиляръ приложился къ образу и благодарилъ всѣхъ чествовавшихъ и въ теплой, задушевной, сказанной съ душевнымъ волненіемъ, рѣчи между прочимъ сказалъ: „Если я что я сдѣлалъ, то сдѣлалъ только благодаря своимъ трудолюбивымъ соратникамъ членамъ отдѣленія, о.о. завѣдующимъ и главнымъ образомъ, г.г. учителямъ“.

«Оффиціальное» чествованіе закончилось торжественнымъ молебствіемъ которое совершалъ въ сослуженія съ о.о. завѣдующими, ректоръ Харьковской духовной семинаріи протоіерей о. Алексѣй Юшковъ, съ провозглашеніемъ многолѣтня «іерею Ѳедору» — юбиляру, а затѣмъ всѣ чествовавшіе были приглашены с. юбиляромъ въ мѣстающую церковную школу раздѣлить хлѣбъ-соль. О. наблюдателя при входѣ въ школу встрѣтили ученики съ хлѣбомъ-солью, а церковный хоръ исполнилъ концертъ. «Сей день его же сотвори Господь».

Потомъ раздалась теплая, сердечная поздравленія отъ Членовъ Отдѣленія о.о. завѣдывающихъ, учителей, учительницъ, родственниковъ, отъ дѣтей и внучекъ юбиляра.

Особено трогательно было поздравленіе „однокашника“ товарища по семинаріи, бывшаго окружнаго наблюдателя церковныхъ школъ, священника о. Ѳ. Р., который въ прекрасной, сказанной съ особымъ чувствомъ рѣчи, высказалъ, что при наблюдательствѣ

только тогда будетъ успешно ядти это великое дѣло, когда руководящій имъ будетъ проявлять любовь и „любовію до самоотверженія“ и что эта любовь и проявилась въ дѣятельности чествуемаго; о. Р. закончилъ свою рѣчь пожеланіемъ, чтобы у о. юбиляра и впредь не оскудѣвала его горячая любовь къ этому святому и великому дѣлу народнаго просвѣщенія. Священникъ Николаевской церкви г. Чугуева о. Платонъ Стаховскій поздравилъ о. юбиляра отъ лица не могшихъ прибыть на торжество о.о. завѣдующихъ, учителей и учительницъ, уполномочившихъ его, Стаховскаго, поздравить о. наблюдателя отъ ихъ имени.

Здѣсь же всѣмъ присутствующимъ (болѣе 80 душъ), были предложены закуска и обѣдъ во время котораго, прознесены были теплыя и сердечныя тосты и рѣчи и прочтены поздравительныя телеграммы (болѣе 20) и нѣкоторыя письма, а всѣмъ присутствующимъ нѣсколько разъ пропѣто „Боже Царя, храни“ в многолѣтіе.

На торжествѣ присутствовали, приглашенные учителями почетныя гости: ректоръ духовной семинаріи, протоіерей о. Алексѣй Юшковъ, Харьковскій епархіальный наблюдатель церковныхъ школъ В. Ѡ. Давиденко, дѣлопроизводитель Епархіальнаго училищнаго совѣта С. П. Ѡменко и многіе другіе. Къ сожалѣнію, это чествованіе было в прощальнымъ, т. к. о. Ѡедоръ Юшковъ переходятъ (нынѣ уже перешелъ) на должностъ настоятеля къ Успенской церкви города Ахтырки. Присутствовавшіе учителя и учительницы просило о. Ѡедора „взять ихъ къ себѣ“ въ Ахтырскій уѣздъ, если онъ будетъ тамъ и наблюдателемъ церковныхъ школъ.

Въ заключеніе, послѣ обѣда, со всѣхъ присутствовавшихъ была снята фотографія.

Учитель церк.-пр. школы Я. Подлужкій.

Миссіонерскій съѣздъ въ Самарской епархіи.

Съ 17—20 сентября 1906 г. въ с. Краволучьѣ, Николаевскаго уѣзда, состоялось годовое собраніе миссіонеровъ Самарской епархіи — какъ для выработки плана предстоящей миссіонерской работы, начиная съ осени прошлаго года и кончая Великимъ постомъ.

1907 года, такъ и для обсужденія мѣръ и способовъ борьбы съ расколомъ.

На этомъ съѣздѣ между другими были разсмотрѣны и слѣд. вопросы: 1) можетъ ли быть, въ настоящее время, полезной дѣятельность окружныхъ миссіонеровъ въ ихъ районахъ и полезны ли будутъ собесѣдованія со старообрядцами въ нынѣшнее время, время смуты и противоцерковнаго настроенія? Безусловно всѣ, бывшіе на собраніи, рѣшили: несомнѣнно дѣятельность окружныхъ миссіонеровъ нынѣ-го, въ виду особой дѣятельности старообрядцевъ, и полезна будетъ; полезны и необходимы и собесѣдованія. Но публичныя бесѣды вести только тамъ, гдѣ скоиленіе и сборище народное не будетъ представлять ничего опаснаго для общественной тишины и не вызоветъ волненій. Миссіонеръ на собесѣдованіяхъ будетъ, вѣдь, только касаться религіозныхъ вопросовъ,—нашего разномыслія съ именуемымъ старообрядцами. Тревожное время требуетъ только кротости и смиренія со стороны миссіонера; запальчивости не должно быть; рѣзкихъ, обидныхъ для старообрядцевъ, отзывовъ не допускать. Словомъ, все будетъ зависѣть отъ благоразумія самого миссіонера.

2) Разсмотрѣнъ былъ вопросъ объ открытіи псаломщическо-миссіонерской школы, при чемъ, согласно распоряженію мѣстнаго Преосвященнаго, разсмотрѣны были проектъ устава и программа проектируемой школы.

3) Признавая полезной мѣрой въ борьбѣ съ расколомъ распространіе листовъ и брошюръ среди простого народа на намѣченныя собраніемъ темы, при чемъ каждый изъ участивковъ собранія взялся составить статью по извѣстному вопросу; представить ихъ епархіальному миссіонеру въ цензуру и исправленіе, напечатать и разослать по миссіонерскимъ округамъ для раздачи народу.

Наконецъ намѣченъ былъ каждому миссіонеру районъ дѣятельности въ предстоящій миссіонерскій годъ и обязательство—обратить особое вниманіе при поѣздкахъ на образованіе такъ называемыхъ „кружковъ“ изъ крестьянъ-ревнителей православія—подъ руководствомъ мѣстнаго священника, который является связующимъ звеномъ между миссіонеромъ и приходомъ, для распространія полезныхъ миссіонерскихъ книгъ и т. п., при чемъ въ руководство должно принять указаніе о Миссіонерскихъ кружкахъ въ № 26 „Церковныхъ Вѣдомостей“ 1906 г.

Такимъ образомъ состоявшееся миссіонерское собраніе было

братскимъ обсужденіемъ дѣятелями миссіи—способовъ в мѣрѣ борьбы съ расколомъ, рѣшеніемъ своихъ недоумѣнныхъ нравственно-скихъ вопросовъ в какъ-бы курсахъ, восполняющими необходимыми познаниями для борьбы ихъ съ расколомъ.

И такія собранія, какъ видно изъ замѣтки, изъ которой мы дѣлаемъ эти извлеченія, бываютъ ежегодно, п. ч. это собраніе миссіонеровъ названо въ замѣткѣ „обычнымъ годовымъ“ („К. Е. В.“).

Богословскіе курсы въ Рижской епархіи.

Религіозно-просвѣтительное общество при каедрѣ Рижскаго архіепископа, въ цѣляхъ достиженія своихъ стремленій по распространенію истинныхъ понятій о православной вѣрѣ и христіанскомъ благочестіи, уже нѣсколько лѣтъ устраиваетъ религіозно-нравственныя бесѣды и церковно-историческія чтенія. Вѣрное своему призванію, религіозно-просвѣтительное общество на одномъ изъ своихъ общихъ собраній въ истекшемъ 1906 году постановило открыть для желающихъ богословскіе курсы, выработавъ для этого слѣдующія правила:

1) На богословскіе курсы принимаются лица обоего пола, въ возрастѣ не моложе 16 лѣтъ, христіанскихъ вѣровсповѣданій, прошедшіе курсъ наукъ въ объемѣ четырехъ классовъ гимназій, реальныхъ и городскихъ училищъ, а также и другихъ, соответствующихъ этимъ, учебныхъ заведеній. Допускаются на курсы, въ видѣ исключенія, лица, хотя и не получившія образованія по курсу означенныхъ учебныхъ заведеній, но интересующіяся богословскими вопросамъ и богословскими знаниями.

2) На курсахъ предложены будутъ слѣдующія чтенія изъ богословскихъ наукъ: а) по св. Писанію—„изяснительное чтеніе евангелія и апостольскихъ посланій“; б) изъ курса основнаго богословія (апологетика)—о религіи, ея происхожденіи, основныя истины религіи: бытіе Бога и безсмертіе души; исторически-извѣстныя естественныя религіи—религіи Китая, Индіи, Персіи, Египта, Греціи и Рима; магометанство и ново-іудейство; в) изъ догматическаго богословія—ученіе о Богѣ, воплощеніе, искупленіе и нравственное ученіе христіанства.

3) Въ чтеніи лекцій по указаннымъ предметамъ примутъ участіе: ректоръ семинаріи, законоучитель гимназій, законоучитель реального училища и законоучитель женской гимназій.

4) Открытіе богословскихъ курсовъ послѣдовало въ январѣ мѣсяцѣ 1907 г.

5) Чтеніе лекцій будетъ происходить 2 раза въ недѣлю—по вторникамъ и пятницамъ. Въ каждый изъ обозначенныхъ дней состоятся 2 лекціи. Но въ тѣ изъ указанныхъ дней, когда на нихъ падаютъ кануны табельныхъ или праздничныхъ дней, чтеніе лекцій отменяется.

6) Продолжительность чтенія каждой лекціи опредѣляется въ 40 минутъ, съ 10-ти минутнымъ между лекціями промежуткомъ. Начало первой лекціи въ 8 час. вечера, вторая отъ 8 час. 50 мин. до 9^{1/2} вечера.

7) Чтеніе лекцій на курсахъ для всѣхъ слушателей будетъ бесплатнымъ.

8) Лекціи будутъ читаться въ помещеніи женской гимназіи.

9) Запись на слушаніе богословскихъ курсовъ принимается о.о. лекторами курсовъ.

10) Допускается запись, по желанію слушателей, на каждый предметъ въ отдѣльности по избранію самого слушателя.

11) При записяхъ представляются 2 фотогр. карточки, одна изъ нихъ остается при дѣлахъ, а другая—наклеивается на входной билетъ на курсы.

12) Экзаменаціонныхъ годовыхъ или какихъ-либо семестровыхъ испытаній производиться не будетъ. („Риж. Епар. Вѣд.“ № 1, 1907 г.).

Всероссійскій сектантскій съездъ.

Около 20 января, долженъ былъ состояться всероссійскій съездъ сектантовъ для рѣшенія вопросовъ объ организаціи сектъ и способахъ ихъ пропаганды. Повидимому мѣстомъ съезда избрана была Финляндія. На съездѣ предполагалось поднять вопросы о церковномъ единеніи всѣхъ родственныхъ въ ученіи вѣры сектъ, чѣмъ штундисты озабочены давнымъ-давно, но всѣ ихъ прежнія попытки прійти къ соглашенію по раздѣляющимъ сектантскія фракціи вопросамъ не только съ молобанами, но даже съ пашковцами, какъ извѣстно, до сихъ поръ не приводили ни къ чему. Интересно прослѣдить, чѣмъ кончатся это новая паусектантская затѣя.

Между предметами, подлежащими обсужденію предстоящаго сѣзѣа, особенно волнуютъ сектантскіе умы слѣдующіе: вопросъ объ открытіи на югѣ Россіи штундо-баптистической семинаріи для подготовленія будущихъ „пресвитеровъ“, а главное, проповѣдниковъ миссіонеровъ секты, и вопросъ объ устройствѣ нѣсколькихъ „проповѣдническихъ домовъ“, гдѣ бы каждый день въ извѣстные часы провозносился для желающихъ проповѣди, конечно, въ духѣ вѣры сектантовъ. Главною особенностію послѣдняго проекта является то обстоятельство, что проповѣдниками въ означенныхъ домахъ будутъ заграничныя вѣмцы, преподаватели баптистскихъ семинарій, испытанные уже ораторы.

По слухамъ, съ цѣлью выясненія послѣдняго вопроса, которому сектанты придаютъ немаловажное значеніе, изъ-за границы прибудутъ на сѣзѣ 15 уполномоченныхъ различныхъ баптистскихъ общинъ: въ случаѣ рѣшенія даннаго вопроса въ утвердительномъ смыслѣ, рѣшено обратиться за разрѣшеніемъ къ министру внутреннихъ дѣлъ о легализаціи „проповѣдническихъ домовъ“ и разрѣшеніи иностранцамъ—проповѣдникамъ, официально считаться проповѣдниками для русскихъ сектантовъ.

Такимъ образомъ, ишествіе на церковь русскую заграничныхъ вѣроучителей нашего народа, быть можетъ,—дѣло недалекаго будущаго: при дѣйствующемъ вѣровсповѣдномъ законодательствѣ все это можетъ легко осуществиться. Въ старину, когда русское самосознаніе было чище, крѣпче и свѣтлѣе, правительство наше оберегало русскій народъ отъ вліянія „заморскихъ вѣръ“ запрещеніемъ иновѣрцамъ даже селиться среди русскаго населенія, теперь власть въ силу закона безсильна не допустить просвѣщенія русскаго народа заѣзжими проповѣдниками, которые конечно отнесутся къ православію отрицательно. („Т. Е. В.“).

Къ измѣненію программъ женскихъ училищъ духовнаго вѣдомства.

На состоявшемся, 18 января, засѣданіи совѣщанія для обсужденія предположеній объ измѣненіи дѣйствующихъ нынѣ въ женскихъ училищахъ духовнаго вѣдомства, временныхъ программъ учебныхъ предметовъ—было выражено пожеланіе о введеніи въ означенныхъ училищахъ 7-го класса, въ которомъ воспитанницамъ давалась бы спеціально педагогическая подготовка. Вопросъ о томъ поскольку введеніе 7 класса, представляется въ настоящее время возможнымъ, а также разсмотрѣніе проектовъ учебныхъ программъ

женскихъ училищъ, представленныхъ правленіями училищъ, послужать предметами обсужденія въ дальнѣйшихъ засѣданіяхъ совѣщанія.

Новые члены Государственнаго Совѣта.

Членами Государственнаго Совѣта отъ чернаго духовенства на мѣсто выбывшихъ архіепископовъ Дмитрія Херсонскаго и Антонія Волынскаго назначаются епископъ Никонъ Вологодскій, извѣстный своею дѣятельностью по изданію „Троицкихъ листовъ“ и Арсеній, епископъ Псковскій, предсѣдатель Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

КЪ ВЕСЕННЕМУ СЕЗОНУ.

ПОЛУЧЕНЫ ГРОМАДНЫЯ ПАРТИ НОВѢЙШИХЪ ТКАНЕЙ:

Шерстяныя матеріи 2-й шир. отъ 40 к. до 2 руб.

Драпы черныя и цвѣтныя отъ 2 р. 50 к. до 8 руб.

Сукно и сатинъ всѣхъ цвѣтовъ отъ 1 р. 20 к. до 8 р.

Шелковыя ткани модныя для платья и рубашечекъ отъ 50 к. до 3 р. 50 к.

Полотна чистого льна, салфетки, скатерти, ковры, гардинный тюль, батисты модныя россійскихъ и заграничныхъ фабрикъ отъ 20 к. до 1 р. 50 к.

Рубашечки и платья заграничныя, цвѣтныя и бѣлыя отъ 3 р. 25 к. до 12 руб.

Магазинъ И. П. Развалинова

ПОДЪ СОБОРОМЪ №№ 1, 2, 3.

ХАРЬКОВЪ.

Открыта подписка на 1907 годъ на журналъ ПРАВОСЛАВНЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ

СЪ ДВУМЯ бесплатными ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Годъ изданія пятый.

Съ 1907 г. „Православный Путеводитель“ принялъ характеръ общегословскаго журнала и откликается на самые разнообразныя запросы и требованія церковно-общественной жизни, откликается честно, открыто, не закрывая глазъ на дѣйствительность, не страшась уловить краснымъ словцомъ лишняго читателя, а имѣя въ виду одну только пользу Св. Церкви и Отечества. Въ томъ же духѣ и направленіи онъ оудеть издаваться и въ 1907 г. и постарается быть не по имени только путеводителемъ.

Программа журнала:

ОТДѢЛЪ I. Узаконенія и распоряженія правительства. ОТДѢЛЪ II. Статьи объ истинахъ вѣры и нравственности, по изъясненію Свящ. Писанія, богослуженія и церковныхъ каноновъ и по церковно-общественнымъ вопросамъ. ОТДѢЛЪ III. Статьи по исторіи Церкви (общей и русской); старообрядчество и сектанство въ его прошломъ и настоящемъ. Мысли и сужденія о текущихъ событіяхъ и явленіяхъ церковно-общественной жизни. Хроника ОТДѢЛЪ IV. Разборъ ученія старообрядцевъ и сектантовъ. Миссіонерскія бѣды. ОТДѢЛЪ V. Мысли и сужденія по вопросамъ внутренней миссіи. Обзоръ современной постановки миссіонерскаго дѣла въ Россіи. ОТДѢЛЪ VI. Воспоминанія обратившихся въ православіе о жизни въ старообрядчествѣ и сектанствѣ. Очерки и рассказы изъ современной религіозно-бытовой жизни православныхъ, старообрядцевъ и сектантовъ. ОТДѢЛЪ VII. Изъ епархіальной и свѣтской печати. ОТДѢЛЪ VIII. Свѣдѣнія о новыхъ книггахъ по всѣмъ отраслямъ богословія. Обзоръ духовныхъ и свѣтскихъ журналовъ со стороны статей, относящихся къ программѣ журнала. ОТДѢЛЪ IX. Извѣстія и замѣтки. Корреспонденціи. Отвѣты редакціи. ОТДѢЛЪ X. Объявленія.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, будутъ даны два приложенія: 1) Выписки изъ святоотеческихъ твореній (въ русскомъ переводѣ) по вопросамъ, пререкаемымъ старообрядцами (вторая половина) Самарскаго епархіальнаго миссіонера-священника Д. А. Александрова.

2) Катихизическія поученія на Символъ вѣры—свящ. М. Худовосова.

Журналъ будетъ выходить книжками по 5—6 листовъ каждая дважды въ мѣсяць, за исключеніемъ апрѣля, іюля, августа и декабря, въ которые будетъ выходить по одному разу, т. е. 20 книжекъ въ годъ.

Такимъ образомъ подписчики получаютъ 20 книжекъ журнала и 2 книги приложеній—всего не менѣе 150 печатныхъ листовъ или 2080 страницъ.

Цѣна за журналъ со всѣми приложеніями прежняя т. е. 5 руб., за полгода 3 руб. съ доставкой и пересылкой по Россіи за границу же 6 руб. 50 коп.

Требованія и деньги адресовать: С.-Петербургъ, Суворовскій просп., д. 65, кв. 10, въ редакцію журнала „Православный Путеводитель“.

Редакторы-Издатели: Священникъ П. С. Тумановъ.
Стат. Совѣтъ К. Н. Плотниковъ.

Имѣются полныя экземпляры журнала за 1903, 1904, 1905 и 1906 г.г. и могутъ быть высланы за четыре года выстѣ за 15 р., а отдѣльно за 1903 и 1904 г.г. по 3 р. за каждый, за 1905 г.—4 р., и 1906 г. 5 р.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Биографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).—Многія статьи о. Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Западная средне-вѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами“? В. Ковалевскаго.—„Основные задачи нашей народнои школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Зло, его сущность и происхожденіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла“. Профес. Н. Глубоковскаго.—„Основное или Апологетическое Богословіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—Статьи объ антихриствѣ. Профес. А. Д. Бѣляева.—„Книга Руоу“. Преосвященнаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Тамбовскаго).—„Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.—„Естественное Богопознаніе“. Профес. С. С. Глагодева.—„Философія монизма“ Профес.—прот. Т. Буткевича.—„Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.—„Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Профес. П. И. Линицкаго.—„Законъ причинности“. (Профес. А. И. Введенскаго.—„Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“. Профес. П. П. Соколова.—„Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.—„Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шилтова.—„Психологическіе очерки“. Профес. В. А. Снегирева.—Чтенія по космологіи Профес. В. Д. Кудрявцева.—„Законъ жизни“ Профес. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жана, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ», свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца каждой четверти года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи каждой четверти, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Рectorъ Семинаріи, Протоіерей Алексѣй ЮШКОВЪ.
Дѣйств. Статск. Совѣт. Константинъ ИТОМИНЪ.